С. А. БАРТЕНЕВ

С АВТОМАТОМ, ОКУЛЯРАМИ, КАРТОЙ

(ЗАПИСКИ ЛЕЙТЕНАНТА)

Москва - 2005

С. А. БАРТЕНЕВ

С АВТОМАТОМ, ОКУЛЯРАМИ, КАРТОЙ

(ЗАПИСКИ ЛЕЙТЕНАНТА)

Москва - 2005

Лейтенант БАРТЕНЕВ Сергей Александрович

ОГЛАВЛЕНИЕ

В 332 стрелковой дивизии. 7

Пропавший эшелон 8

На берегу Вымно 10

Полковая батарея 11

В офицерском резерве 13

«Рота в бане» 13

Виноват, как всегда, стрелочник 15

Предписание – в артполк 18

«Принимайте топографический взвод» 19

Первый экзамен – выбор огневых 21

Отличился Василий Гиря, но… 22

К востоку от Витебска 24

Выпускники Смоленского училища 27

Марш Курино - Заречье 28

На коротком отдыхе 30

Готовим наблюдательный пункт 31

И снова неудача 31

Под Новой Деревней 33

«Сообщите обо мне в часть» 34

Как пробиться к железке 36

«Не спешите окапываться» 37

Дуэль, но только словесная 39

Прием в партию под елочкой 40

По ложному переднему краю 42

Неудача зимой 1944-го 44

Седлая дорогу на Полоцк 45

Пристрелка ориентиров. 48

Пожар на переднем крае 49

В обороне под Полотой 52

Против бронепоезда 53

«Почудилось будто стреляют». 55

Володя Дорофеев 56

Как нащупать чужую батарею? 58

По аэростату шрапнелью 60

На новой должности . . . . . 63 .

Бой за опорный пункт Ровное 65

Преследуя отходящего противника 66

Штурмовики бьют по своим 67

Потери - 32 человека 69

Если бы всегда так 71

Крушили дорожное полотно 72

Хвойная боровина, боровные леса 73

Доходило до рукопашной 75

Кому нужны оккупационные марки? 76

В ход пошли гранаты 77

Главная забота - боеприпасы 80

Стояли насмерть пограничники 82

Пленных 142 солдата и офицера 84

Что ждало под Краслаой 86

«Почему не открыли огонь?!» 88

Огибая Даугавпилс 91

По конной батарее. 92

А что писала дивизионка 94

Снова марш, форсируем Дубну 95

Вернувшийся из плена 97

На мундире пленного вошка 98

В лесном госпитале 100

Впереди Рига 101

По «шкале красных». 103

В двух шагах минное поле 105

Снова минные сюрпризы 108

Вопреки разумному риску 110

«Полк подойдет позже» 111

В густом тумане 115

«Советские?! Почему в погонах?». 118

Потеряли дорогу, но выручили пехоту 119

Когда барахлила связь 121

Форсируем Венту ночью 122

На восьмую батарею 124

За час до времени «Ч» 126

Огонь на себя 128

«Только при крайней необходимости» 130

«Почему не обозначили себя?» 131

Перепутали иксы с игреками 133

«С большим смещением» 134

«Преследуйте противника». 136

Снова на берегу Венты 137

«Наблюдательный - в первую траншею» 139

Не болотом, а в обход 140

Вариант рисковый. но верный. 141

Если не было связи 143

В немецкой траншее 144

Но «пятачок» не удержали. 146

В Курляндском котле 148

Снова госпиталь 149

И, наконец, победа! 151

Приложения 154

В 332 стрелковой дивизии

После окончания артучилища в ноябре 1943 года я был направлен в 332 Ивановскую им. М. В. Фрунзе стрелковую дивизию. С этой дивизией и связана моя военная судьба. В начале был назначен командиром огневого взвода в пушечную батарею 1115 стрелкового полка. В батарее оставалось всего одно орудие, и там образовался «перекомплект» офицеров. Меня переназначили в 3 дивизион 891 артполка 332 сд – вначале взводным, потом начальником разведки дивизиона, позже - командиром батареи.

В артполку нас было несколько лейтенантов – выпускников Смоленского артиллерийского училища. В годы войны оно располагалось в Ирбите. В прошлом здесь была знаменитая сибирская ярмарка, занимавшая второе место после Нижегородской. После эвакуации в городе разместилось военное училище. В торговом пассаже находились учебные классы, аудитории, управление училища. В центральном холле на стене висела огромная карта - схема, на которой отмечалась обстановка на фронтах. пункты. В перерывах между занятиями (“пятиминутках”) мы нередко собирались около карты.

Особенно впечатляющ был период Курской битвы. Каждый день красным цветом отмечалось продвижение наших войск. Именно эта карта, а не книга “О великой Отечественной войне” с выступлениями главкома, была главным источником информации, если хотите, комиссаром.

В конце октября – приказ о выпуске, присвоении воинских званий. В течение одной ночи нас переодели во все новое, офицерское. Затем, по пути к месту назначения – в 4-ю ударную армию, нас снова переодели во все зимнее. Вместо пилоток - ушанки, вместо “хб” - гимнастерки и галифе из полушерстяной ткани. Вдобавок - теплое белье, байковые портянки, которые с трудом втискивались в узкие сапоги. Переодевались прямо около вагонов, на первом сибирском морозце.

Может быть, и не следовало подробно рассказывать о шинелях, котелках, портянках. Но ведь обмундировка интересовала выпускников не в последнюю очередь. Офицерская форма! Красный, не малиновый кант, черные петлицы, артиллерийские эмблемы! Заботила нас и «мелочевка» - артиллерийские круги и угольники, перочинные ножи, бритвенные приборы, котелки, карманные фонарики. Уже прибыв в часть

пожалел, что не позаботился запастись карандашами, бумагой, циркулем – всего этого не хватало, а для работы требовалось.

Первые две-три недели я постепенно огляделся, адаптировался, выполняя самые различные задания – наблюдателем на НП командира полка, «проверяющим» в стрелковой и пулеметной ротах, командиром саперного взвода. Учился вести огонь из ручного и станкового пулемета, устанавливал «колючку» на передке, осваивал работу со стереотрубой, буссолью, кипрегелем.

Но вначале несколько слов о том, как мы добирались до места назначения после окончания училища.

Пропавший эшелон

В 891 артполк распределили выпускников, фамилии которых начинались на буквы “М” и “Н”. В него попали Юрий Мурашкин, Александр Мозалевский, Револьд Мурин, мой бывший командир отделения Александр Макаров. В числе других сюда направили и Карла Неймана.

А я с фамилией на “Б”, мой земляк Володя Дорофеев - на “Д” были направлены в артполк 332 стрелковой дивизии несколько иначе. Нас распределили в отделе кадров не по начальным буквам фамилий, а по другому принципу.

Дело в том, что когда эшелон с выпускниками училища двигался на фронт, мы отстали от эшелона. Затем догоняли и, обогнав где-то в пути, явились за назначением раньше других.

Отстали в Москве. Еще на подступах к городу мы, трое москвичей, упросили начальника эшелона разрешить побывать дома, повстречаться с близкими. Начальник эшелона колебался, но в конце - концов разрешил.

Из вагона, в котором нас было человек тридцать выпускников - лейтенантов, вылезли еще в Раменском. В Москве пробыли два дня. Мне удалось побывать дома. Предупредил временных жильцов, чтобы освободили нашу комнату (мама возвращалась из эвакуации). Вместе со школьной подругой побывал в Большом театре - человеку в армейской форме билеты продавали вне очереди. Навестил друзей, соседей по дому.

Пришлось познакомиться и с военной комендатурой. Меня, как бездокументного лейтенанта, прихватил военный патруль. Привезли к коменданту, и тут же отпустили, посоветовав как можно быстрее возвращаться в эшелон.

У лейтенантов, одетых во все новое, документов не было. Ни удостоверений, ни аттестатов, ни - тем более - увольнительных. Все бумаги - у начальника эшелона. На всех один общий продаттестат, общая сопроводительная бумага. Удостоверения личности обещали выдать по прибытии в часть.

Эшелон сутки стоял на путях без движения. К вечеру второго дня эшелон переформировали и он бесследно исчез. Начали разыскивать пропажу. По нашей информации эшелон переформировывался в Бескудниково. Но там не обнаружили ни эшелона, ни его следов. Восовцы заглянули в бумаги и развели руками:

- Такой не значится. Вероятно, изменился номер. Догоняйте.

Эшелон как в воду канал.

Догоняли по железной дороге на попутных - воинских, пассажирских, товарняках. Выходили на крупных станциях. Пытались разузнавать у военных комендантов, где эшелон. Но без успеха.

Общий маршрут примерно знали: Клин, Тверь, Бологое, Осташков.

Приехав в Бологое потратили на поиски несколько часов. Потом добрались до Торопца. Там переночевали. Город освободили недавно. У детишек хозяйки – школьников не было тетрадей. Писали, решали задачки на газетных листах, которые складывали подобно тетрадкам. К сожалению, и у нас чистой бумаги не было. Подарили ребятишкам кусок мыла и полотенце.

После Торопца добирались на попутных машинах. Проехали Велиж. Город был полностью разбит. Ни одного целого дома. На городском кладбище искорежены все деревья, над могилами ни одного целого креста. Это производило угнетающее впечатление. Около года прямо через городские кварталы проходил передний край.

На железнодорожных узлах мы выпрашивали в комендатурах талоны на обед. Продуктов не осталось, небольшие запасы кончились. Пришлось как-то, проезжая брошенным полем, собирать остатки мерзлой свеклы, картошки.

Наконец добираемся до деревушки, где размещался штаб 4-й ударной. К домику, в котором разместился штаб, ведет большая копна телефонных проводов. Находим отдел кадров КА (командующего артиллерией). Ждем нагоняя - службу начинаем с опоздания.

В помещение штаба входим с опаской. Называем себя. Нашему появлению, как нам показалось, обрадовались. Выпускников Смоленского училища с нетерпением поджидали. Нас не ругают. Офицеров штаба волновало:

- А где же лейтенантский эшелон?

- Как где? Мы нигде не задерживались. Были уверены, что эшелон давно прибыл. Разыскивая эшелон, мы, вероятно, проскочили нго ночью.

- Где вы отстали?

- В Москве. Переформировывался эшелон в Бескудниково. Но его нигде не оказалось.

То, что эшелон с лейтенантским пополнением где-то застрял, обеспокоило наших "покупателей". Нас подробно расспросили. Поинтересовались, какую технику изучали, хорошо ли знаем карту. Одного из нашей тройки - (Альперовича) оставили при штабе армии. Нас с Володей Дорофеевым направили в 332 стрелковую дивизию.

Позже мы узнали, что эшелон по каким-то причинам загнали на запасные пути, и он проторчал там шесть суток. Прибывшие после нас рассказывали, что кто-то из свежеиспеченных лейтенантов сумел не только побывать на танцах, познакомиться с местными девушками, но и сыграть на маленькой тупиковой станции свадьбу.

На берегу Вымно

332 дивизия формировалась в Иваново, из ивановских ткачей.

В документе, который хранится в архиве, говорится:

"Государственный Комитет Обороны. Постановление № 534сс от 20 августа 1941 г." "Идя навстречу предложениям местных партийных и советских организаций Государственный Комитет Обороны постановляет: 1. 332 стрелковую дивизию укомплектовать лучшими людьми города Иванова и области, рабочими ткачами и лучшими колхозниками. Дивизию именовать "332 Ивановская имени М.В.Фрунзе стрелковая дивизия." /.../ Укомплектовать ... лучшими кадрами командного и политического состава, вооружить и обеспечить всеми видами имущества в первую очередь и полностью." Постановление подписал Председатель ГКО И. Сталин.

С этой дивизией и связана моя военная судьба.

В ноябре 1943 года штаб командующего артиллерией дивизии (КАД) располагался на берегу озера Вымно, в деревне Тадулино.

В домике, где жили и работали штабные офицеры, никого, кроме дежурного. Начальник штаба, его помощники вернулись к вечеру. С нами обстоятельно побеседовали. Как и в штабе КАД поинтересовались, хорошо ли знаем огневое дело,

какие пушки изучали, умеем ли готовить данные для стрельбы, проверили знание карты.

Мне вручили направление в пушечную батарею 1115 сп командиром огневого взвода; Дорофееву - в 891 ап командиром взвода управления. В руках у меня предписание - несколько строк на клочке тонкой папиросной бумаги. Пора отправляться в часть.

На улице ноябрьская погодка. Дождь. Стемнело. В нескольких шагах от штабного домика озеро. Вдоль берега в разные стороны ведут две дороги.

Володе Дорофееву повезло, его вызвался проводить попутчик из артполка. Мне надлежало топать одному. Из расспросов уяснил, что найти штаб стрелкового полка не так просто. Разумнее подождать пока рассветет а, быть может, распогодится. С утра так и не удалось где-нибудь перекусить. Шофера поделились остатками ужина – гречневой кашей слегка пропахшей керосином.

Наутро выяснилось, что решение переночевать в Тадулино было единственно верным.

Полковая батарея

Последняя операция, в которой участвовала дивизия, только закончилась. Передний край еще не устоялся, Идти в полк следовало минуя озеро Вымно. Но не вдоль восточного, а западного берега. Немцы уперли свой левый фланг непосредственно к озеру, и если бы я двинул в темноте в соответствии с полученными в штабе КАД наставлениями (“поверните направо, идите все время вдоль берега; дорога сама приведет в расположение полка”), то попал бы, скорее всего, в расположение противника.

Когда, предварительно уточнив дорогу, заявился в штаб 1115 полка, там страшно удивились:

- Кто же это направил Вас, без сопровождающего, по неверному пути?

Позже пытался осмыслить, как же случилось, что прибытие в часть для меня едва не началось с глупости или трагедии. Стремление быстрее добраться до штаба

полка могло окончиться тем, что я притопал бы не в 1115 стрелковый полк, а в район боевых порядков противника.

Накануне или в день моего прибытия в штаб КАД кто-то из старших офицеров подорвался на мине. Уставшие и пережившие неприятности офицеры были озабочены собственными делами, передоверив инструктаж людям, не разобравшимся в реальной обстановке.

Вернемся к тому, что происходило дальше. Спустя час я находился в расположении полковой батареи. Первое знакомство с командиром старшим лейтенантом Сергеем Кириловским, начартом полка капитаном Грудиным, расчетами. Кириловский высокого роста, богатырского сложения, неразговорчив. Грудин, ранее командовавший этой батареей, показался мне внимательным и заботливым. Среднего роста, в потертой офицерской (с отворотами) шинели, стоптанных сапогах.

В штабе полка мне тут же вручили офицерское удостоверение.

В батарее выдали личное оружие - пистолет ТТ, который я тут же разобрал, почистил, но довольно долго возился, пока, наконец, не собрал вновь. Познакомили с единственной, оставшейся в батарее короткоствольной 76-ти миллиметровой пушкой. Поинтересовались, как долго находился в училище, кто и где находятся мои родители, имею ли гражданскую специальность. Расспросили о полуавтоматических пушках “ЗИС-3”, которых не видели, ждут на смену.

В батарее по штату три офицера, после боев остались целыми два огневых расчета на одно старенькое орудие. Оно стояло на полузакрытой позиции, а в наступлении (нередко и в обороне) выдвигалось на прямую наводку.

Солдаты, личный состав батареи почти все намного старше меня - восемнадцатилетнего лейтенанта. После тяжелых многодневных боев, трудного выхода из полуокружения в Касплинском лесу, потерь людей и техники оставшиеся батарейцы приводили себя в порядок. Одну землянку отрыли на весь личный состав, небольшую отдельно для комбата. Батарейное имущество, остатки боеприпасов, кони, кухня располагались несколько позади, в другом месте. В поведении, разговорах чувствовалась какая-то неустроенность, ожидание пополнения и переформировки.

В офицерском резерве

Первое время я оставался как бы не у дел. Новые пушки не прибыли. Учить расчеты на пальцах - дело бесполезное. Меня вызвали в штаб полка и предложили находиться в так называемом офицерском резерве.

Никогда раньше не подозревал, что в стрелковом полку может создаваться (хотя бы временно) офицерский резерв. Но жизнь вносит свой поправки. Батальоны и роты полка не были полностью укомплектованы; вместо трех рот иногда в батальоне оставались две роты. Взводами командовали сержанты. Из строя быстро выходили не только взводные, командиры рот, но и старшие офицеры.

Офицеры резерва располагались в домике на берегу озера. Ночевали в доме, который почему-то, еще с прошлых времен, именовали “господским”. Там помимо офицерского резерва размещалась (в подвальном помещении) трофейная команда.

В самом резерве пять-шесть человек, в том числе два майора, капитан, старлей. Я самый молодой. Офицеры в ожидании назначения практически оставались без дела. Они возвращались в полк из госпиталей. Но свободных должностей не оказалось, а с началом наступления потребность в них, безусловно, может возникнуть. В резерве жили относительно комфортно. Еду на всех готовил пожилой солдат – по гражданской специальности – повар, по военной – минометчик.

Меня начинают использовать по принципу, “куда кто пошлет; где, какую дырку надо закрыть”.

«Рота в бане»

Проверяю несение службы на переднем крае. Руковожу взводом саперов, сооружавших заграждения из колючки, устанавливаемых затем на передке. Отправляют к пулеметчикам, в пулеметную роту - проследить, надежно ли обеспечиваются стыки с соседями.

В один из первых дней проверяю как оборудуются роты второго батальона. К переднему краю пробираюсь овражком. Ночь, тишина. Порошит мягкий снежок. Приближаюсь к недавно отрытым ровикам. Один, второй, третий. Пехота еще не успела оборудовать окопы. Но ровики пусты. Солдат нет. Да и противник молчит. Ни стрельбы, ни осветительных ракет.

В чем дело?

Осматриваюсь. Передо мной небольшая покрытая снегом кочка. Слегка возвышается над окопчиком. В нем кто-то находится, живой. Накрывшись с головой плащ-палаткой солдат слегка раскачивается. Хочет согреться. Тихонько постукиваю по каске, прикрытой сверху палаткой, приоткрываю ее край. Вопрошающий взгляд:

- Уже вернулись?

- Кто вернулся? Вы что здесь один? Где остальные? Где ротный?

- А все люди в бане. Днем по открытому месту не пройдешь – стреляют. И не помоешься. А сейчас тихо. Меня вот оставили. Думал, вернулись подменить. Да, пожалуй, еще рано. Ушли-то недавно.

Солдатик на вид совсем юный, безусый. Когда накануне приходил в одну из соседних рот, там были одни старики. Во всяком случае, для меня почти все солдаты казались людьми пожилыми, в годах.

- Но кто-то из командиров остался?

- Взводный. Старший сержант. У него земляночка чуть сзади, на откосе овражка.

Возвращаюсь немного назад. Нахожу землянку. Узенький вход прикрыт плащпалаткой. Подсвечиваю карманным фонариком. Земляные нары, столик из досок от минной укупорки, на столе котелок, лампа из латунной гильзы, обрывок газеты. Внутри никого нет.

Неожиданно полог палатки откидывается, и в землянку кто-то вваливается. Я инстинктивно хватаюсь за пистолет, но тревога напрасная – это хозяин землянки, сержант:

- Вы к нам? А я немного заплутал. Пошел проверить ребят, а завернул не туда и незаметно прошел в сторону фрицев.

- А Вы кто?

- Командир взвода. Остался за ротного, да видите - немного смешался. Снег повалил, и я завалился в сторону немцев. Случайно забрел в их расположение. Смотрю - землянка. Поболе моей. Прислушался - никого. Решил заглянуть.

- И что дальше?

- Хозяев нема, так я собрал свечи, пару журналов, завернул все в одеяло и деру оттуда. Дорожку припомнил, да и следы мои еще снежком не занесло. Так я скоренько и к себе в роту. Свечи нужны? Могу поделиться.

- Что же оставили такого хиленького солдатика, одного к тому же?

- Что делать? Людей в роте наперечет. А фрицы пока притихли. Они, как и мы, оборудуются. Днем копали. Теперь, вероятно, дрыхнут, с устатку. Когда вернутся в землянку, удивятся, кто же у них одеяло со свечами упер? Пускай между собой разбираются. А Вы кто, проверяющий?

- Точно. Спасибо за свечи (немецкие, в виде небольшой картонной плошки с фитильком посредине).

Рота вернулась из бани спустя часа полтора. Таким было одно из первых знакомств с передком, с тем, что реально происходило на переднем крае. Когда во время короткой передышки обе стороны вели себя беспечно и тихо. Как говорится, до поры до времени. Через пару дней немецкий снайпер снял нашего солдата, вылезшего утром из залитого водой окопа и пытавшегося бегом проскочить в соседнюю траншею.

Виноват, как всегда, стрелочник

Ровики, которые спешили оборудовать солдаты, расширялись, превращались в сплошные траншеи. Становилось возможным идти из «господского дома» на передок днем, не вылезая на бруствер.

Противник продолжал обустраивать огневые точки, первую и вторую траншеи. Активизировались снайперы. Ночью периодически светили ракеты. На наш пулеметный и ружейный огонь тотчас отвечал встречным огнем. По совхозу и берегу озера велись систематически артналеты.

Саперы оборудовали НП командира полка полковника Гусева. Сам он устроился в огромном блиндаже - размером с небольшой дом - с четырьмя или пятью накатами. Блиндаж соорудили на склоне оврага. А на его НП или попросту, как их обычно

именовали, на "глаза" посадили меня и впеременку со мной лейтенанта из минометной батареи.

В один, не очень прекрасный день, всем "резервистам" приказано присутствовать на заседании военного трибунала.

Судить собирались лейтенанта, командира взвода из артиллерийской бригады, которая недели полторы назад поддерживала наступление стрелкового полка. Наступления, признанного командованием неудачным. Лейтенант был отдан под трибунал командиром бригады за то, что будто бы не выполнил приказ, не поддержал огнем сорокопятки атаку стрелкового батальона.

За неудачу наступления надлежало найти и покарать виновных. А виноват, как всегда, - стрелочник. В данном случае в роли козла отпущения оказался лейтенант – командир огневого взвода.

Абсурдность предстоящего заседания трибунала была очевидна каждому. Выражать свои мнения, проявлять активное участие в заседании трибунала не полагалось. От нас требовалось молчаливым присутствием способствовать судебному спектаклю.

Но с самого начала процесс не пошел по задуманному сценарию.

Это «господский дом», ,в котором жил офицерский резерв 1115 сп и проходило заседание военного трибунала

В «господском доме» установили покрытый зеленой скатертью широкий стол для председателя трибунала, его членов, секретаря трибунала. В некотором отдалении скамьи и стулья для присутствующих. Подсудимого, без ремня и погон, посадили под охраной отдельно. Но неожиданно в домике, где расположился трибунал, появился с группой автоматчиков капитан из артиллерийской бригады, в которой служил обвиняемый.

Капитан направляется к председателю трибунала и решительно заявляет:

- Заседание трибунала необходимо отменить. Командир бригады (отдавший лейтенанта под трибунал) свое решение отменил. Лейтенант будет наказан его властью. Лейтенанта прошу освободить из-под стражи и передать мне для возвращения в часть.

Между немолодым, довольно тучным майором – председателем трибунала и стройным, щеголеватым капитаном разгорелся спор. Председатель трибунала хотел замять конфликт и довести еще не начавшийся процесс до конца. Он понимал, что бравые артиллеристы могут просто забрать и увести подследственного обратно в часть.

- Обождите – майор пытается остановить нарушившего его занятия капитана. - Командир бригады, отдавший лейтенанта под трибунал, имел на это право. Теперь решение вступило в силу. И не в его власти отменить приказ, препятствовать заседанию.

- Но я получил приказ и должен его выполнять.

- Вы не можете его выполнить. Я как председатель трибунала неподвластен командиру бригады. Председатель военного суда назначается Верховным Советом - высшей властью в стране. Если вмешаетесь в работу трибунала, разразится скандал. Вас и вашего командира ожидают неприятности.

После дискуссии и споров трибунал и командир автоматчиков приходят к компромиссу. Председатель трибунала заверяет капитана, что в создавшейся ситуации можно найти приемлемое решение.

Отданный под трибунал командир взвода понесет наказание. Иначе, дескать, нельзя. Но с правом “смыть пятно позора”, продолжая службу в собственной части, а не в штрафной роте. Майор обещает, что будет вынесено именно такое “компромиссное” решение трибунала. С учетом всех обстоятельств и в виде “исключения”.

Капитан спорит, колеблется, но вынужден согласиться. Ему советуют доложить, что прибыл слишком поздно, когда заседание трибунала уже началось, и он не имел права остановить процесс.

Далее события разворачивались по компромиссному сценарию. Лейтенант получил свой срок с правом “смыть вину” кровью с пребыванием в собственной части. Осужденного передали под расписку командиру автоматчиков.

Показного процесса не получилось. Офицеры стрелкового полка отнюдь не стремились рассчитаться за боевую неудачу с молоденьким артиллеристом. Больше на заседаниях трибуналов мне в годы войны присутствовать не довелось. За грубые ошибки при мне наказывали, снимали с должностей, понижали в званиях. Но к «помощи» трибунала не прибегали.

Предписание – в артполк

Между тем дивизия готовилась к наступлению. В ночное время интенсивно подвозились боеприпасы, прибывали и располагались средства усиления. Впервые увидел знаменитые катюши. Подивился огромному количеству рам с ракетными снарядами, которые устанавливались прямо на земле под один веер

В тылах дивизии становилось все более тесно от поступавших откуда-то из глубины людей, бесчисленных землянок, укрытий для конского состава, автомашин, инженерной техники. По оврагам наращивались паутины разноцветных проводов. Вдоль дорог, особенно на перекрестках появлялись все новые и новые таблички с фамилиями прибывавших “хозяев”.

В 1115 полку также готовились. Подгребали резервы, переводили солдат из тыловых частей, штабов в стрелковые роты. На наблюдательных пунктах появлялись группы офицеров из прибывающих частей усиления. Знакомились, наблюдали за противником, устанавливали взаимодействие.

От офицеров резерва услышали, что нас с лейтенантом - минометчиком, временно сидевших в качестве наблюдателей на командирских “глазах”, собираются перевести из батарей в стрелковые роты. Эта весть подтвердилась из телефонных переговоров.

Честно говоря, после окончания военного училища я стремился стать грамотным артиллеристом. Гордился артиллерийскими эмблемами, принадлежностью к

благородному и интеллектуальному роду войск. Перевод в пехоту представлялся в виде наказания (“за что?”). К тому же был слабо знаком с оружием, тактикой стрелковых подразделений, не очень ясны были функции пехотного командира. А тут еще показались неуважительными и обидными позиция и слова командира стрелкового полка.

В ответ на недоуменное возражение начштаба, что дескать за неправильное использование артиллеристов нам могут и холку намылить комполка, отпарировал:

- Не волнуйся. Пушечников достаточно. Порой девать некуда. А стрелкачей не хватало и будет не хватать. Они, сам знаешь, как убывают. Не дают стрелкачей, пусть за них работают “огуречники”.

Желания идти взводным в стрелковую роту не было. Понимал, что стать стрелкачем, значит навсегда распрощаться с работой артиллериста. Обратно в батарею не вернешься. Набрался смелости и двинулся в блиндаж к Гусеву.

К командиру полка меня не пригласили. Разговор происходил у входа в блиндаж через посредника – адъютанта. По его словам, полковник выразил неудовольствие:

- Не хочет служить в моем полку, пусть пишет рапорт. Бумагу передать через адъютанта.

На рапорте – резолюция “Откомандировать в штаб КАД”.

Начальник штаба КАД рекомендует не спешить:

- Другого пополнения артиллеристов в ближайшее время не будет. На подходе новая техника. 76-мм ЗИС-3. Объясните все это Гусеву.

Но командир полка решение менять не хочет.

И вот я снова в штабе КАД, в домике на окраине Тадулино. Офицеры штаба в общем понимают причины моего нежелания менять профессию. Штаб командующего артиллерией заинтересован в том, чтобы офицеры-артиллеристы оставались и служили артиллеристами.

В штабе решают, что меня следует направить в артполк.

Получаю новое предписание. Артиллерийский полк - это ближе по духу, по специальности. Красный кант. Черные петлицы. Традиционные эмблемы - пушечные стволы.

«Принимайте топографический взвод»

Штаб артполка размещался не столь роскошно, как стрелкового. Тесные землянки. Скуповато с убранством внутри. При обстрелах сквозь щели сыпется на головы песок.

Переночевал, утром направляют в третий дивизион, командиром топографического взвода.

Командир дивизиона майор Сергей Мишин вернулся в штаб дивизиона к вечеру. Он, его заместитель, начальник штаба старший лейтенант Владимир Машталлер расположились в землянке, построенной в основании полуразобранного дома. В центре - большой стол, вокруг узкие скамьи в виде буквы “П”. Мне пододвигают карту. Короткий экзамен. Наношу боевой порядок дивизиона; готовлю данные для стрельбы.

Обмен мнениями между моими экзаменаторами. Неожиданно предложение:

- Как отнесетесь к тому, что пошлем не на топовзвод, а начальником разведки дивизиона?

Начальником разведки дивизиона намечался Савелов. Но моим новым хозяевам думается, что начальником разведки предпочтительнее иметь более молодого, вероятно, более подвижного.

Для меня предложение командира дивизиона неожиданно. Переспрашиваю:

- Начальником разведки дивизиона?

- Да, начальником разведки. Окончили училище. Справитесь.

Более всего смущает меня название должности: “начальник разведки дивизиона”.

Я еще не знаю, что у начальника разведки всего трое подчиненных, командир отделения и два разведчика. Что от него требуется не столько исполнять функции “начальника”, сколько быть правой рукой командира дивизиона, помогать и работать под его началом. Изучать противника, находить цели, вести карту, готовить данные для стрельбы. Выбирать огневые позиции, оборудовать наблюдательный пункт командира дивизиона.

Начальнику разведки следует быть готовым самому корректировать огонь пушечной и гаубичной батарей. В третьем дивизионе - две четырехорудийные батареи: 7-я пушечная и 8-я гаубичная.

Признаюсь, меня поразило: как это сразу - не на взвод, не на батарею (скажем, командиром огневого взвода), а аж на дивизион. Начальником разведки *дивизиона.*

В училище курсанты редко видели командира дивизиона (учебного). Командир батареи - самый большой начальник для курсанта. А тут вдруг - *"*дивизиона".

Казалось, просто не справлюсь, провалюсь.

Почувствовав неуверенность, выслушав возражения, командир дивизиона снял свое предложение.

- Ну что ж, приглашайте Савелова. Принимайте топовзвод. Перебирайтесь к Савелову в землянку. Пока дивизион в обороне - подучитесь у него. Свое дело знает прекрасно. Не хотелось его перемещать. Возможно, вернемся к этому позже.

Савелов - спокойный, рассудительный офицер. На вид интеллигент; учитель, надевший военную форму. Привык объяснять, растолковывать, а не приказывать.

При помощи Савелова осваиваю навыки работы со стереотрубой, буссолью, планшетом, кипрегелем. Снимаю и уточняю координаты. Принимаю хозяйство топографического взвода, в том числе круглый футляр с топографическими картами. Карты 50 и 100 тысячные с грифом «секретно».

Первый экзамен – выбор огневых

С началом наступления Савелов переместился на передок. Работал рядом с комдивом. Начальник связи Раухваргер буквально метался между НП, штабом дивизиона, огневыми, налаживая телефонную связь.

Командиры батарей двигаются в боевых порядках рот и батальонов. Их наблюдательные пункты вырвались далеко вперед. Пора менять огневые позиции.

Начальник штаба дивизиона Машталлер подзывает меня, ставит задачу:

- Разверни карту. Квадрат 64 - 80. Опушка леса. Бери коня и двигай туда. Выберешь огневые для 7-й и 8-й батарей.

- Да я огневых никогда не выбирал.

- Не выбирал, теперь выберешь. Времени в обрез.

Пытаюсь уточнить:

- Район новых огневых, маршруты следования им известны?

- Старшие на батареях Сергей Ворыханов и Иван Каштанов знают. Им обозначены примерный район и маршруты.

Машталлер уточняет:

- Вот здесь на развилке встретишь обе батареи. Покажешь, где размещать огневые. Выбирай так, чтобы обе располагались недалеко друг от друга. Направление огня: восток - северо-восток. От огневых до противника два - три километра. Обрати внимание на подъезды. Наметь места для хозвзводов.

Нас учили, что огневые позиции выбирают сами комбаты. Но они ушли далеко вперед вместе со стрелковыми батальонами. Командиры огневых взводов обстановки в деталях не знают. Им нужно помочь выбрать места для огневых. Они двигаются вместе с расчетами и орудиями.

Выбор огневых - это серьезно. Надо решить, куда посадить первое орудие. Под один веер поставить всю батарею.

Насколько удобны подъезды, где можно найти воду, где оборудовать укрытия для коней. Все это важно. Непросто определить гребень укрытия. Поставишь орудия слишком близко к лесу (это и есть гребень укрытия), при первой же пристрелке снаряды заденут за верхушки деревьев. Это опасно. Могут разорваться над головами тех, кто окажется под деревьями. Если же укрытие слабое, батарея будет стоять на открытом месте, а не на закрытой позиции. По огневым вспышкам ее может засечь противник.

Выбирать огневые нужно было для двух батарей - гаубичной (8-й батареи) и пушечной (7-й). С учетом разрыва между батареями потребовалось найти площадку фронтом метров на двести - двести пятьдесят. Определяю, где именно расположить первое орудие, как разместить обе батареи.

Моя первая рекогносцировка заканчивается. Огневики прибывают, по моим указаниям размещают орудия. Уточняю и передаю Машталлеру координаты огневых.

В целом он, видимо, удовлетворен. В следующий раз сумею проделать операцию по выбору огневых без излишних хлопот и подсказок.

Отличился Василий Гиря, но. . .

Немцы сопротивлялись упорно. Артиллеристам пришлось поработать против танков. Одно из орудий седьмой батареи выдвинуто на прямую наводку. Против танков.

Это была нелегкая схватка. Расчеты понесли потери. Пехота овладела большаком Сурож - Витебск. Немцы отходят к Двине.

Командование дивизиона довольно действиями батарейцев лейтенанта Василия Гири, расчетов седьмой батареи. В полк пошло донесение об успешной “работе” по танкам. (“Подбито самоходное орудие типа “Фердинанд”. Отличился огневой взвод 7 батареи” - из Журнала боевых действий от 23.12.1943). Готовились наградные представления на отличившихся. Но одобрения от “верха” не последовало. Вместо похвал и награждений - разносы.

В первые же дни наступления комбаты не успевали выполнять заявки пехоты. Не хватало боеприпасов, особенно гаубичных. Их доставляли на санях. На дорогах то заносы, то слякоть. На конной тяге многого не навозишь. А тут еще пропал старшина - командир взвода боепитания.

Вокруг этого пошли разговоры, рождались домыслы. Начались неприятные разбирательства.

Сам старшина - родом из тех мест, которые месяц назад освободила наша дивизия. Освободили и его родную деревню. Он встретился с женой, которую не видел два года. Пока стояли в обороне, жена приезжала к нему во взвод боепитания, жила несколько дней в его землянке.

И вот командир боепитания, отправившись на санях в ДОП за боеприпасами, в батарею не вернулся. Что с ним случилось? Батареям до зарезу нужны снаряды, а отвечающий за боепитание исчез. Поползли разговоры - раз приезжала жена, значит старшина, воспользовавшись удобной ситуацией, вернулся домой и теперь, вероятно, где-то скрывается. И ведь не просто рядовой, а командир взвода. Ему доверяли, он знает обстановку с подвозом снарядов, ему известна обстановка в дивизионе, полку.

Короче говоря, строились самые невероятные, негативные предположения. А люди дивизиона должны быть не поощрены, а наказаны.

Прошло месяца два. В середине зимы, когда стояли в обороне под Полотой, раздался звонок из штаба полка:

- После излечения вернулся из госпиталя старшина, бывший командир взвода боепитания 8-й батареи. Хотим снова направить его в ваш дивизион.

Как оказалось, пропавший старшина не пропадал, не скрывался.

Когда он мотался на санях за снарядами, попал под огневой налет. Его ранило на льду озера. Недолго думая, повернул назад и добрался до госпиталя, минуя медсанбат. А в госпитале приватизировали дивизионного коня и сани. Ящики с гаубичными снарядами за ненадобностью сбросили. А “конную тягу” использовали для собственных нужд.

Так лопнул домысел о мнимом дезертире - командире взвода боепитания. Обратно в дивизион его не приняли. Обиделись. А обижаться надо было на тех начальников, которые порой повсюду подозревали и искали крамолу; склонны были верить слухам, не умели разобраться в реальном положении дел.

Старшине, конечно, следовало каким-то образом дать знать о себе, хотя бы написать письмо. Вряд ли следует упрекать раненого, что он поспешил попасть к медикам, использовав собственные средства транспортировки. Не знаю, насколько серьезным было ранение, но стремление как можно быстрее добраться до госпиталя вряд ли подлежало осуждению.

К востоку от Витебска

Наши батальоны несли большие потери в личном составе. В районе Гралево, недалеко от Двины, в батальоне, который поддерживал дивизион, оставалось не более десятка штыков. Настроение прескверное. Командир дивизиона уединился с командиром батальона и, основательно поднакачавшись, предложил пополнить поредевшие штыки, передав в пехоту артиллеристов.

Не берусь судить, насколько серьезно было это предложение. Офицеры дивизиона открыто высказывали недовольство. Наступление захлебнулось. Исправить положение, попытавшись перекрестить наводчиков и телефонистов в стрелков и пулеметчиков, вряд ли имело смысл.

Я плохо представлял замысел наступления, в котором участвовал наш полк. Двигались по полевым дорогам, лесным массивам. Названия сел - Князи, Павлюченки, Жиляи, Моккия мало о чем говорили. Чаще всего именно в населенных пунктах противник создавал опорные пункты, при отступлении вел по ним огонь, наносила удары авиация.

В конце декабря (20.12.1943 - 1.01.1944) наступление развертывалось фронтом на север - от озера Вымно к Западной Двине. Если взглянуть на карту, то стрелы,

обозначавшие движение полков, поползут к верхнему обрезу карты по направлению Моккия - Курино.

27 декабря вышли к Двине. Солдаты прямо по льду переправились на правый берег реки. Затем их вернули обратно. Задача - продолжать наступление вдоль левого берега.

В канун нового года произвели первый артиллерийский залп по Витебску, по его восточной окраине. Залп чисто символический. Цели наметили по карте. С наблюдательных пунктов они не видны. До города нужно еще дойти, прорваться сквозь немецкую оборону. А наступление выдыхалось.

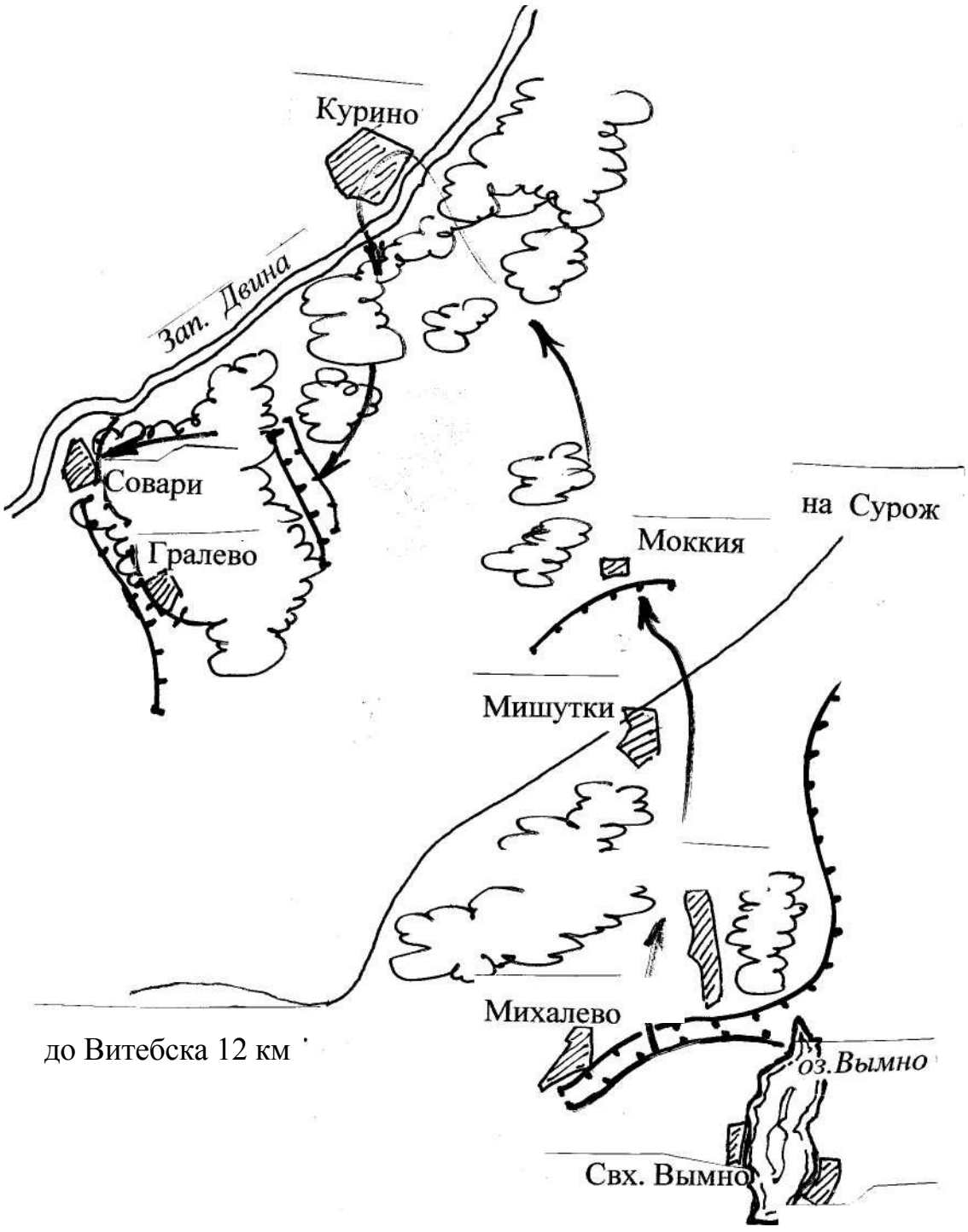


Схема наступательной операции восточнее Витебска в конце декабря 1943 года

В стрелковых батальонах почти не осталось штыков. Движение застопорилось на рубеже Совари - Гралево.

Наше НП на опушке леса. Перед нами заснеженное поле с редкими пехотинцами. На окраине села огрызаются пулеметные точки противника. Кто-то из лежащих на снегу ранен. Помочь порой удается лишь к вечеру, когда стемнеет. Днем на волокушах, невзирая на огонь, санитары вытаскивают пострадавших. Порой только к исходу дня удается доставить горячий чай в термосах, в котелках - комбинацию из обеда и ужина.

Мы теряли людей и топтались на месте. Это, очевидно, дошло и до командования. Дивизию выводят в резерв. Короткая передышка. Затем приказ на марш. Но об этом немного позже.

Когда в ноябре - первой половине декабря дивизия держала оборону, я понемногу приобрел опыт. Полезным оказалось краткое пребывание в стрелковом полку - “пехоту” увидел изнутри. Хорошими наставниками оказались офицеры, помогавшие освоить на практике то, что представлял ранее по-школярски.

Войти в коллектив помогли офицеры, рядовые и сержанты дивизиона и не только они. С картой и приборами, освоился довольно быстро. Но обычные премудрости фронтовой жизни и быта также надо было осваивать.

Сохранились письма, которые я, прибыв в дивизию, посылал маме, родным. Приведу несколько выдержек.

“Дорогая мама. Поздравляю тебя с днем твоего пятидесятилетия! Не смущайся годами, ты еще проживешь много. Седина украшает человека, создает ему почет и уважение.” В другом письме: «Зима у нас никак не может установиться. Мне выдали ватные брюки, меховые перчатки, полушубок, который я сейчас не ношу: он очень

белый, и потому сильно пачкается. На шинели грязь менее заметна. Я и привык к ней больше».

«Мы, конечно, не остаемся на одном месте. Бывает, что стоим в обороне, затем наступаем, опять становимся на оборону. Заниматься мне приходится самыми разнообразными делами в зависимости от обстановки. Производить разведку дороги, наблюдать за противником, засекать цели, привязывать огневые и т.д. Часто приходится работать ночью».

Выпускники Смоленского училища

С ребятами из Смоленского училища виделись не часто. Намного позже узнал, кто из них попал в наш полк. Даже с Володей Дорофеевым, который служил со мной в одном дивизионе. Я - в штабе дивизиона, на НП командира дивизиона, а он обычно на ПНП (передовом наблюдательном пункте) 7-й батареи.

Подружился же с военфельдшером лейтенантом медслужбы Володей Блызкиным. Об этом писал домой: “У меня есть товарищ. По специальности - доктор (военфельдшер). Он во многом напоминает мне школьного друга Гошку Зарницына. Такой же маленький, спокойный, курносый.”

Военное училище, располагавшееся в годы войны в Ирбите, вспоминали нередко. Оно находилось в центре города, а наша 10-я батарея на окраине. Каждый день мы ходили строем по улицам города, направляясь в столовую или специальные классы. Небольшой артпарк располагался рядом с нашей батареей.

Выпуск намечался еще в авнусте. Но когда срок обучения удлинили, кое-кто из курсантов предположил, что время острой нужды в артиллерийских офицерах миновало. Могут и еще продержать в училище полгода, может быть, год. А там и конец войны близок. Можем и не поспеть попасть на фронт в боевые части, Останемся в кадрах в качестве первого послевоенного выпуска.

Но подобные разговоры были из области гаданий. В конце октября держим выпускные экзамены. И ожидаем приказа о выпуске, присвоении званий. Одних посылали убирать картошку, другие находились в нарядах. Я с товарищем был в полевом карауле на полигоне; о чем писал домой: “Спал в лесу у костра. Едим тушеную капусту, репу, турнепс, печеную картошку. Листья в лесу опали, деревья стоят голые. Дождей пока нет. Сильные ветры. Ночью заморозки, замерзают лужи”.

Узнаю, что до выпуска и присвоения офицерских званий пройдет недели две, не меньше. По совету мамы решаю использовать это «временное окно» для сдачи экстерном за среднюю школу. Обращаюсь с рапортом к командиру учебной батареи и пишу заявление директору 2-й средней школы В. Любимову. Товарищи по училищу слегка иронизируют, а я спешно перелистываю учебники и сдаю экзамены вначале по математике (алгебре, тригонометрии), которую знал неплохо, а на самый конец отладываю химию. В итоге у меня произошел двойной выпуск – за школу и военное училище.

Бумага с проектом приказа двигалась по дорогам и военным канцеляриям, а тем временем самые расторопные заботились о пошивке хромовых сапог (нам-то выдать должны кирзу), обзаводились командирским ремнями, выменивали артиллерийские круги и угольники - готовить данные для стрельбы. Особый интерес представляли алюминиевые котелки. Дорога, очевидно, неблизкая. Котелок, складная ложка с вилкой - в самый раз, чтобы расправиться с сухим пайком по науке.

Наконец, курсантскую батарею построили, объявили приказ, поздравили. Нас переодели нас во все новое, офицерское в течение одной ночи. Все необходимое было получено заранее с училищного склада, сложено в батарейной каптерке. Мы сбрасывали с плеч курсантское и получали офицерские комплекты.

Первое время после прибытия в часть с выпускниками военного училища мы практически не встречались. И даже не сразу узнали, кто куда попал. Только спустя месяца два-три, когда дивизия встала в довольно длительную оборону, такая возможность появилась. Но наши контакты носили случайный характер.

Марш Курино - Заречье

Маршрут пролегал по большой дуге, огибавшей Витебск с севера. Стодвадцатикилометровый марш совершен в два этапа. После марша полки вплоть до конца января находились на отдыхе. (Единственный отдых за весь путь дивизии с декабря сорок первого до весны сорок пятого).

Вспоминаю, каким нелегким оказался марш. Саперы навели понтонный мост, по которому пересекали Двину. Начиналась метель, заносы. Дорога то необычайно скользкая, то вся в сугробах. Путь покрывался ледяной коркой. Кони скользили по ледяному насту. Четверки, шестерки битюгов с трудом тащили орудия.

На подъемах, взгорках расчеты хватались за постромки, упирались в орудийные щиты, колеса, пытались помочь измученным коням. Кое-где приходилось перепрягать коней и поочередно вытягивать гаубицы и пушки из снежных сугробов.

Люди двигались, порой не чувствуя мороза, засыпая на ходу. Сон охватывал измученных бесконечным маршем, затуманивал сознание, люди спотыкались, падали. Кое-кто пытался прицепиться к повозке, лафету, немного расслабиться, подремать, не останавливаясь. Присесть на станину гаубицы опасно: неожиданно смежишь глаза и того гляди окажешься под колесами.

Во время коротких привалов сворачивали с основной дороги, а затем с трудом выбирались на основную магистраль. Графики марша срывались. Батарейные кухни отставали, расчеты, ездовые, управленцы жевали сухари, оставались без горячей пищи.

На одном из маршрутов к выбиравшейся из сугробов батарее приблизился верхом заместитель комполка майор Шкадченко. Криком и руганью пытался подбодрить отставших. В ладно сидящем, отороченном мехом тулупе, с парабеллумом на боку он то угрожал, то требовал как можно быстрее освобождать основной путь, по которому должны продолжить движение другие части.

Марши, марши. Сколько их было, бесконечных, холодных, изнуряющих. Дневных, чаще ночных переходов. Нередко движение всю ночь. К утру, наконец, дневка, или, к общей радости, конечный пункт. Тогда смена боевых порядков, новое наступление, или приказ - принять оборону, реже - второй эшелон.

Что именно - станет известно позже. А пока желанный лес, деревья, покрытые хлопьями снега. На опушке встречают и передают краткие распоряжения высланные вперед квартирьеры, указывают места размещения и отдыха.

Наряд и добровольные помощники хлопочут около кухонь. Ездовые накрывают одеялами и попонами коней, кормят заранее припасенным овсом, могут добавить в лошадиную торбу и собственную пайку сухарей, трофейную буханку, дать кусок сахару.

Солдаты настраивают временные навесы, размещают технику, устанавливают посты, рубят лапник, собирают сухостой для костра. Но вскоре слышна команда:

- Костров не жечь. Технику замаскировать. Кухни - к оврагу.

В лесу раздается позвякивание пил, стук топоров. Слышится шум падающих елей, сосен. Сооружаются временные укрытия; строятся шалаши, устанавливаются штабные палатки.

Марш занял трое суток.

В первый день на пути не встретилось ни одного целого дома, ни одной деревни. Все разобрано на блиндажи, сожжено противником. Пересекли полотно железной дороги. Перед глазами одно полотно, нет ни шпал, ни рельсов. Одиноко торчат телеграфные столбы со спутанными проводами.

К ночи достигли деревни, где сохранились отдельные, еще не сожженные дома. Впервые за многие месяцы спали в относительном тепле, не в землянке, а в доме. Под настоящей крышей, вповалку на настоящем полу. Кому не удалось втиснуться, спал сидя или полулежа, примостившись на спинах, ногах соседей. Кому-то удалось устроиться на столе, кто-то похрапывал в сенях, опоздавшие пристраивались на крыльце дома - хоть на морозе, но все же ближе к теплу, да и пахнет по-хорошему - жильем.

На коротком отдыхе

По окончании почти недельного марша, полк расположился в Авдеевском лесу для пополнения и отдыха. Разместились по-дивизионно, разметили общую линейку. Личный состав построил шалаши, расчистил площадки для техники, оборудовал привязи для коней.

Приводили в порядок обмундировку, упряжь, драили материальную часть, готовили к выводке артиллерийских битюгов. Комиссию, дотошно проверявшую коней, возглавил заместитель командира полка, тот самый, что разносил отстававших огневиков на марше.

На щите около штабной палатки приколото расписание: темы, часы, руководители. Часть людей отправили к старому месту дислокации - за имуществом хозчасти и боеприпасами. Все забрать с прежнего места сразу не смогли. Штаб артполка разместился в деревне. Штабным завидуют: живут в избах, в тепле, с непривычным для нас комфортом.

Обычный, казалось бы, устоявшийся порядок нарушила нежданно вспыхнувшая эпидемия гриппа. Грипп обошел и прихватил всех, миновав как будто бы одних медиков. На их плечи легла забота борьбы со злом, о котором забыли думать, находясь в землянках, на воле, в траншеях, днем и ночью под дождем и снегом. Там не было никакого гриппа, забыли думать и о других болезнях. А тут, едва расположившись

удобно и кучно, построили нары, соорудили нечто похожее на мебель, раздобыли одеяла, как на них обрушилась эта напасть. В полковом пункте, медсанбате не стало отбою от гриппующих и залечивающих прежние, старые, вдруг давшие о себе знать болячки.

Впрочем, прозябать долго в Авдеевском лесу не пришлось. Не успели разведчики и топографы втянуться в ритм жизни “по расписанию”, как последовала команда - провести рекогносцировку.

Готовим наблюдательный пункт

В район Новой Деревни выслана рекогносцировочная группа - начальники разведки дивизионов во главе с капитаном Александром Харитошкиным. Задача - наметить для батарей огневые позиции, выбрать места для НП, уточнить маршруты, по которым позже прибудут люди и техника. Приказано заранее «привязать» огневые, оборудовать наблюдательные пункты.

Записи об этом в Журнале боевых действий нашего полка: (25.01.1944) “Выслан разъезд пути с задачей разведки пути к району новой дислокации во главе с заместителем командира 3 дивизиона по строевой части капитаном Харитошкиным”; (27.01.1944) “Вычислители полка направлены в район нового боевого порядка с задачей привязки НП и ОП. Четвертый день стоит оттепель. Дороги крайне плохие. Личному составу выдается кожаная обувь”.

Командир дивизиона назначил меня старшим группы, которой предстояло выполнить задачу для нашего дивизиона. Прихватив пилы, топоры, лопаты, отоварившись сухим пайком, прибыли в намеченный район и принялись за работу.

Ночевали на окраине села, носившего название Новой Деревни. Днем трудились в двух километрах южнее. Место для наблюдательного пункта выбрали и начали оборудовать на небольшом кургане, местном кладбище. Довольно споро вырыли котлован под НП, наметили место для траншеи.

Пока углубляли котлован, циркулируя между курганом и Новой Деревней, где обычно ночевали и готовили еду, на нашем участке появились танкисты. Ранним утром они прихватили вырытый нами (по их утверждению, “бесхозный”) котлован, приготовленные для блиндажа бревна. Танкисты действовали напористо и агрессивно. Командовал ими офицер в звании майора.

Наши протесты ни к чему не привели:

- Не надо хлопать ушами. Проспали блиндаж - копайте новый. Вам не впервой.

Пришлось приниматься за новый блиндаж и новый наблюдательный пункт на гребне кургана.

И снова неудача

Ломались пилы, мерзлая земля плохо поддавалась лопатам. Начали копать новый блиндаж у самого основания старого кладбища. Чтобы нехитрое сооружение опять не прихватили какие-нибудь шустрые соседи, оставляю на ночь часовых.

С остальными солдатами по-прежнему ночевали в деревне. Там же готовили пищу и по утрам носили в котелках тому, кто оставался на ночь дежурить.

На полпути к кладбищу вместе с командиром отделения попали под минометный огонь. Немцы вели стрельбу залпами, стремясь перекрыть дорогу. Периодически меняли прицел.

Справа от дороги хутор, два - три домика. Бросаемся туда. Как нарочно огонь переносится прямо по хутору. Мины рвутся на крыше, осколки летят внутрь. Командир отделения укрылся за печью. Я рванулся в подпол.

Приоткрываю люк. Кромешная темнота.

- Сережа? Ты?

Кто-то хватает за руки, помогает ввалиться в подвал. Притягивает к себе:

- Ты где бегаешь? Куда вылез?

Женские пальцы скользят по лицу, ощупывают волосы, погоны. Не успеваю произнести и двух слов, как меня отталкивают:

- Это не он. Где Сережа?

Молодая женщина в гимнастерке со старшинскими погонами стремительно выскакивает наверх - разыскивать капитана Сережу.

Где-то над нами, видимо на крыше дома, вновь минные разрывы. Шапка-ушанка, шинель, котелок с пищей, который я не выпускаю из рук, покрываются плотным слоем мусора, оседающей пыли. Вместе с сержантом Воловень выбираемся из дома, спешим к нашему кладбищу.

К середине дня заканчиваем котлован для блиндажа и вновь попадаем под минометный залп. Мины свистят над головами. Стремительно бросаемся наземь. Мы на обратном скате. Надеемся переждать.

Слегка замешкался мой товарищ сержант. Прямое попадание мины. Задев за куст, мина разорвалась буквально в полуметре от него. Страшное невезение. Только утром выкарабкались из минной заварухи. И вот неожиданно нелепая потеря.

Решаю работу по углублению котлована прекратить. Используем его как могилу для нашего товарища, последнее прибежище для погибшего.

Сержант Воловень в наш дивизион он прибыл недавно. Призван в Армию вскоре после освобождения от оккупации его села. Он единственный в дивизионе ежедневно получал письма из дома. Писала ему жена. Письма продолжали приходить и после его гибели. А я не сразу собрался с духом, чтобы написать его супруге, известить о происшедшей трагедии.

Вместе с ефрейтором Алексеем Комковым, рядовым Иваном Минаковым хороним погибшего. Устанавливаем надгробную пирамидку. Прикрепляем фанерную табличку с надписью: воинское звание, фамилия, инициалы, даты рождения и смерти. Поверх могильного холмика кладем ветки красного шиповника.

Под Новой Деревней

Возвращаемся на ночевку в деревню засветло. Меня беспокоит, что делать дальше? Ситуация не из простых. Наблюдательный пункт не оборудовали. Потеряли сержанта. Кончаются продукты. Их обещали подвести, но о подвозе ничего не слышно. О нас как будто забыли.

Снова копать котлованы? В третий раз?

Приказ должен быть выполнен. Дивизион, батареи не будут вечно находиться на отдыхе или в резерве. К их прибытию все должно быть готово. Огневые позиции для батарей, вероятно, уже выбраны, оборудованы. А мы копаемся с наблюдательным пунктом, и ни с места.

А что если поискать более удобную площадку? Судя по всему, части все время перебрасывают. Наверное, и танкистам не позволят долго сидеть на месте, наблюдать - не их реноме.

И здесь нам, пожалуй, немного повезло. Наши соседи-танкисты сворачивают связь и уходят. На прощанье пытаются завалить блиндаж. Но мы настороже. Немедленно возвращаем нашу исконную собственность. Заодно прихватываем бревна, приготовленные для укрытий. Углубляем траншею. Обустраиваем место для наблюдательного пункта. Укладываем накаты над блиндажом.

К этому времени кончились все продукты. Не осталось даже соли.

Недалеко от дома убило осколком лошадь. Решаем последовать примеру тех, кто уже пытался попробовать конское мясо. Затапливаем печь и готовим бульон из конины. Варим конину несколько часов подряд. Пробуем мясо - оно твердое, словно солдатский сапог. Но получилось что-то вроде бульона. Понемногу хлебаем безвкусное, но горячее варево. Голод - не тетка.

«Сообщите обо мне в часть…»

И тут (на наше счастье?) в доме появляется незнакомый лейтенант. На нем суконная обмундировка, добротная, офицерского покроя шинель. За спиной ранец с кожаным верхом.

Лейтенант просится переночевать. Приглашаем гостя к столу. Не без умысла:

- Может быть, найдется немного соли?

- Конечно. Кстати, и сухари.

Для нас это целое богатство.

- Присоединяйтесь. Конину не прожуешь, но если посолить, бульон хлебать можно.

Разговорились. Кратко обрисовываем обстановку. Лейтенант недавно окончил военное училище. Сам сибиряк. Учился в Томске. Окончил пехотное училище. Его заботит, как добраться до соседней дивизии.

- До штаба дивизии минут сорок ходьбы. Но не прямо, а лесом. Придется обогнуть деревню Чисти. Она переходила из рук в руки. Сейчас, очевидно, снова у нас. Но ночью идти не спешите. Можно легко заплутать.

Лейтенант в раздумье. Достает ранец, перебирает содержимое. Отставляет в сторону небольшой запас продуктов. Завтра они не потребуются, перейдет на котловое довольствие.

В середине ночи, словно по расписанию, начался артобстрел. Более интенсивный, чем обычно. Снаряды рвутся перед домом. Крупный осколок, пробив бревенчатую стену, просвистел над головами. Более мелкие барабанят по крыше, вонзаются в стену.

На улице жуткий мороз. Несмотря на обстрел, солдаты предпочитают ночевать в тепле. Человек пятнадцать разместились на полу. Здесь чуть безопаснее. Кто-то взобрался на деревянную кровать. Лейтенант - его звали Иревли - примостился на русской печи. От обстрела его прикрывали угол печи и печная труба.

Мороз постепенно крепчал. Вновь над головами спящих визжат осколки. Но на мороз не выходят. За домом холодная траншея. Там каждую ночь пережидают обстрелы старики - хозяева дома.

Не повезло нашему гостю. Пролетев под самым потолком, крупный осколок впился ему в ступню, искромсав пальцы ноги. Иревли застонал. Сняли сапог с ноги. Перевязали рану. Но он мучается от нестерпимой боли.

Что оставалось делать?

Раненого терзала не только рана. В голове прокручивалась поистине идиотская ситуация - до части не добрался, а ранение получил. Прихватило где-то на полпути, не в поле, скажем, за пулеметом (а Иревли - пулеметчик), а на деревенской печи. Побывать на передовой, в реальном бою не пришлось. Корил себя за то, что не сумел добраться до части, опасался, что могут посчитать чуть ли не за дезертира.

У меня были сани с ездовым из 8-й батареи, находившиеся несколько в стороне от деревни, в укрытии. Утром собирался направить их обратно в дивизион. Теперь, не дожидаясь рассвета, приказываю запрягать и двигать в хозчасть, прихватив раненого лейтенанта.

Подхожу к Иревли и предлагаю отправиться на санях в санбат. Иревли благодарит. А я убиваю двух зайцев - уведу подальше от обстрела и сохраню коня, а заодно помогу пострадавшему.

Лейтенант обеспокоен:

- Как же быть? Что подумают в батальоне, куда я должен прибыть? Там очевидно ждут. А теперь примут за кого? Не решаюсь, как назвать.

- Успокойся. Не сам же искал осколок? Не повезло, и все тут.

- И все же сообщите в часть о моем ранении.

Я пообещал, но, каюсь, не выполнил. В круговерти последующих дней времени для этого попросту не оставалось.

Иревли оставил на память красивое махровое полотенце. Долго возил с собой этот сувенир, напоминавший о доме. Всякий раз вспоминая добрым словом хозяина подарка. Лейтенант был намного старше меня, а я, хоть и не выполнил его последнего поручения, был доволен, что вовремя смог оказать важную услугу раненому.

Для моих людей на этот раз все закончилось благополучно. Никого не задело. И только гостя, поделившегося с нами своими продовольственными запасами, задел осколок, угодивший в единственном не укрытое место - кончики пальцев на ноге.

Как пробиться к железке

Наблюдательный пункт на кладбищенском кургане мы все же достроили и довели до требуемой кондиции. Блиндаж соорудили в три наката. От него к наблюдательному пункту вела узкая траншея. На НП укрепили стереотрубу. Сидением служил край черного гроба, выступавший в том месте, где выкопали щель для наблюдателя. Могилу не повредили, надеялись, что позже кто-то засыплет и блиндаж и вырытую нами щель.

С наблюдательного пункта хорошо просматривались край поля, лесная опушка, вдоль которой располагались немецкие опорные пункты.

После артподготовки продвинуться не удалось. Батальоны залегли. По залегщим на открытом поле солдатам противник вел минометный огонь. Местность болотистая. Ночью слегка подмораживало, днем оттепель. На ночь люди надевали валенки; днем - валенки за спину, на ноги - ботинки.

Наступление захлебнулось и надо было что-то предпринимать. Однако впечатление такое, что командование плохо представляло обстановку, тянуло с принятием решения. На нашей стороне численное преимущество. Но не хватало боеприпасов, затруднен подвоз, практически не был разведан передний край.

Фронт наступления менялся. Противник отводил свои части на новые рубежи. Но решительного перелома достигнуть не удалось, хотя силы противостоящей стороны были на исходе. По железной дороге курсировал немецкий бронепоезд, при поддержке которого противник удерживал железнодорожную ветку.

“Обстановка в районе Витебска оставалась очень тяжелой”. “Русские все время подбрасывали новые силы. Второе сражение за Витебск, начавшееся 3 февраля 1944

года, было кровопролитным", - свидетельствует командир противостоящей нам немецкой дивизии Х. Тумм. Командиры двух его полков были сняты со своих постов.

Мне представляется, что военные историки не проявили должного интереса к зимнему наступлению западнее Витебска. А оно во многом поучительно. Полезно было разобраться в причинах наших неудач; выяснить, чем были вызваны тяжелые потери.

Частые переброски войск, перенацеливание ударов, невиданно высокая плотность боевых порядков, слабая разведка создавали впечатление, что наше командование не имело четкого, продуманного плана операции.

"Не спешите окапываться..."

В начале февраля штаб и управление нашего дивизиона располагались в лесу восточнее Волково. Солдаты начали рыть неглубокие ровики. Неожиданно их остановил командир дивизиона:

- Не спешите окапываться. Пусть люди отдохнут.

- А противник?

- Завтра пойдем вперед. Дивизия во втором эшелоне. После нашей артподготовки немцы побегут.

Оптимизм майора Мишина не оправдался. Не знаю, сам ли он был убежден в превосходстве пресловутого артиллерийского наступления, или его сориентировало начальство. Но ни артиллерийского, ни просто наступления не получилось. Противник упорно сопротивлялся. Опираясь на железную дорогу, он успевал подбрасывать подкрепления, вовремя "затыкать" дыры.

В болотистом лесу наши солдаты оборудовали неглубокие урытия. Кое-кто расположился отдыхать прямо на земле. Последнюю перед днем "Ч" ночь я провел сравнительно комфортно, расположившись на хвойном лапнике, уложенном поверх угасшего кострища.

Поднялись необычайно рано. С ночи слегка подморозило. Над землей поднимался сизый промозглый туман. Солдаты, прибывшие с вечера с пополнения, кучковались ближе к огню. Вновь прибывших еще не успели занести в книги учета, распределить и развести по подразделениям.

Сидим кружком у костра. Командир отделения передает котелок с гороховым супом. Только что приняты сто наркомовских грамм. Начинаю старательно шуровать

ложкой. В котелке надеюсь обнаружить кусок отварного мяса, своего рода закуску после стопаря водки.

Но мяса в котелке нет. Хочу выяснить у повара, в чем дело. Мой командир отделения пытается меня остановить:

- Сейчас выясню. Повар просто забыл положить.

С поваром хочу разобраться сам:

- Сейчас поговорю с ним.

Отхожу от костра, делаю несколько шагов. И вдруг позади разрыв. Над головами людей, сидящих вокруг костра, рвется немецкая мина. Осколки падали веером, поражая всех, кто разместился под елью около кострища.

Падаю в снег. Котелок с супом отбрасываю в сторону.

Поднимаюсь. Солдат, севший на мое место и накинувший на плечи полушубок, поражен насмерть. Тяжело ранен командир отделения. Ранены осколками мины еще несколько человек. Упал и не поднимается младший сержант Недошивин, писарь штаба дивизиона.

К раненым спешит военфельдшер Володя Блызкин.

Бросаюсь к командиру отделения. Осторожно снимаем шинель, поднимаем рубаху. Осколочное ранение в легкие. Перевязываем вдвоем. Сержант тяжело дышит. Пытаюсь подбодрить. В ответ печальный вздох:

- Сильно меня задело. Холодеют руки.

Укол. Переносим раненого в сани. Пытаемся чем-то согреть. Торопим ездовых.

Доходит очередь до тех, кто ранен сравнительно легко. У меня кончаются бинты. Кричу Володе:

- Кидай бинты!

Ловлю. Срываю обертку. Что за черт? Сквозь пальцы на снег сыпется махорка.

- Ты что швырнул? Это же махра.

- Подожди секунду, бинты есть. Держи бинты и тампоны.

Подбегает сестра; совсем молоденькая. Перевязываем раненого в пах. Осторожно стягиваем ватные брюки, кальсоны. Останавливаем кровь. Накладываем тампоны. Приподнимаем раненого, чтобы наложить бинты. И тут лицо моей помощницы заливает

краска: она увидела то, что обычно скрыто от женского взора, и неожиданно отпрянула в сторону.

- Да ты что в самом деле? Забудь о том, что перевязываешь мужчину. Ты же медик, врач, медсестра! Поддержу раненого, а ты продолжай бинтовать. Ты же сделаешь это лучше меня.

Отправляем раненых в санбат. Подходим с Блызкиным к Недошивину. Его уже осматривал военфельдшер соседнего дивизиона Петр Баранов. Пульса нет, сердце не прослушивается. Но почему? Он стоял у штабной повозки в стороне от разрыва мины. На теле не видно следов от ранений. Только легкая царапина на руке – очевидно, когда падал, зацепился за гвоздь, торчавший на краю повозки. Мина рванула перед глазами Недошивина. Неужели погиб от разрыва сердца?

Подсчитываем потери. Люди удручены. Хороним погибших. Машталлер готовит донесение в штаб полка. У меня из головы не выходит сказанное накануне комдивом Мишиным - “Не спешите окапываться. Пусть люди отдыхают”.

Какие-то, пусть неглубокие ровики мы вырыли. Они мало помогали. На дне хлюпала вода. Разместились кучно. Тесно стояли повозки с имуществом штаба дивизиона, ящики с документами, круглые коробы с запасом топокарт, катушки кабеля, приборы, телефонные аппараты, коммутатор, вещмешки с личным имуществом, противогазы, железные печи, трофейные палатки, одеяла. Коней распрягли, увели в укрытие. А люди пассивно ждали команды - вот-вот пойдем вперед, а там - вместе с пехотой - будем сменять наступающие части.

Но продвижения практически не ощущалось. Противник пятился, а не отступал. Наши войска, буквально напичканные в лесу, несли бесполезные потери. А у меня в памяти на всю жизнь сохранилось не к месту сказанное комдивом Мишиным: «Не спешите окапывать

Дуэль, но только словесная

. В самом дивизионе порой нервная обстановка. Телефонисты не успевают разматывать и сматывать связь. Кабеля не хватает. Ночью кто-то утащил несколько бухт с красным, трофейным проводом. Пропал чемодан с барахлом замполита. Если не будут найдены замполитовские сапоги, ординарца грозят отправить в пехоту. Майор Мишин уединился в землянке, а его чрезмерное пристрастие к спиртному, барские замашки вызывают у офицеров явное неудовольствие.

Ефим Раухваргер передал заботу о связи вновь прибывшему старшему лейтенанту Самохвалову. Сам он месяц назад принял функции начальника разведки у Савелова, но не может найти общего языка с командиром дивизиона.

Раухваргер давно в дивизионе. Несмотря на молодость - ему нет двадцати - он, пожалуй, один из наиболее опытных офицеров. Быстро ориентируется в обстановке. Инициативен. Способен найти выход из самой сложной ситуации. Когда дивизия стояла в районе Велижа (передний край проходил по улицам города), Ефим едва не попал к ворвавшимся в наши окопы немцам. Притворился убитым, и это его спасло.

На груди у Раухваргера орден Красной звезды с поврежденной эмалью. За блестяще организованную связь в ходе декабрьских боев заслуживал поощрения. Сам вместе со связистами тащил и разматывал барабан, тянул кабель. Телефонная связь начинала работать спустя несколько минут после занятия нового НП. Питания для раций не хватало, но Ефим сумел где-то раздобыть трофейные батареи.

Тогда в декабре из-за мнимого ЧП в дивизионе не наградили никого. Теперь на Раухваргера подготовили новое представление. Но взрывной характер Ефима давал себя знать. Из-за неразберихи, неоправданных потерь у него вспыхнул спор с командиром дивизиона.

Шум в землянке Мишина привлек внимание начальника штаба. Тот бросился внутрь и сумел развести чуть не схватившихся за пистолеты офицеров. В сердцах Мишин разорвал очередное представление на Раухваргера.

В дни февральских боев выдавались и паузы. Старшина 8-й батареи Петр Можаров организовал баню. Пригласили и управленцев, благо штаб дивизиона находился рядом. Подвезли две бочки. Установили их рядом с ручьем, наполнили и разожгли костер. Прямо на снегу сбрасывали с себя одежду, складывая ее на шинель или плащпалатку. В качестве бачков приспособили каски. Носовой платок служил вместо мочалки. Каждый получал пару чистого белья.

Прием в партию под елочкой

Парторгом в штабе дивизиона был командир отделения связи сержант Набоков. Полноватый, неторопливый. Ему около сорока. В обороне он нередко дежурил у коммутатора. Постоянно что-то регулировал, подновлял, ремонтировал, приводил в порядок.

Мы по-прежнему размещаемся в лесу. Приняли пополнение.

Наши дивизии, действовавшие правее, втянулись в своеобразный мешок. Судя по всему нам предстоит поддержать их. Ударив по немцев и разорвав выступ в наши боевые порядки. Ожидаем приказа, пока все еще находимся во втором эшелоне.

Вместо лейтенанта Гири, которого направили в иптап, прислали другого офицера. Мы в штабе дивизиона ждем, и, очевидно, вновь будем перемещать НП, а огневые останутся на старых позициях.

Погода прескверная. Дождь со снегом. Ждем и томимся от неопределенности.

И тут ко мне подходит и приглашает к разговору сержант Набоков.

- Слушай, лейтенант. Мы тут обговорили, и считаем, что свое дело в общем освоил, работаешь нормально. Подумали, не пора ли в партию?

Для меня это было неожиданно. Мне всего восемнадцать. Незадолго до выпуска, мне выдали в училище комсомольский билет. Но в комсомоле никак не проявлял себя. Вступать в комсомол не стремился. Но и не сопротивлялся, когда пояснили, что все выпускники училища должны быть хотя бы комсомольцами. Раз надо - значит надо.

Другое дело - партия. В институте, где я работал техником-вычислителем, заслуженным авторитетом пользовался батальонный комиссар Никандров, начальник научно-исследовательского института. Он выступал с содержательными докладами, прекрасно разбирался в международной обстановке. Для меня это был образец старшего коллеги - эрудита, знатока своего дела.

А теперь предлагают вступить в партию мне – молодому безусому лейтенанту.

- Но ведь я в дивизионе недавно?

- На фронте достаточно трех месяцев.

- А как же рекомендации? Собрание?

- Рекомендацию дам я. Даст начальник штаба. Собрание в этой обстановке не проведешь. Примем на партгруппе.

Партгруппа собралась спустя пару дней. Принимали меня мужики, сидя под елочкой, прикрывая папку с бумагами от снега. Послушали биографию. Проголосовали. Поздравили.

Спустя неделю начальник политотдела вручил документ. Попенял, что не читаю “Правду”, не слышал и не могу рассказать о последних встречах лидеров трех держав - участников антигитлеровской коалиции.

Вскоре нас снова перебрасывают на новое место. Занимаем наблюдательный пункт на кладбище, который мы держали в резерве (и оказывается не зря!). Но майору Мишину так и не удалось его обновить. Его задел осколок и в командование дивизионом вступил его заместитель - капитан Харитошкин.

По ложному переднему краю.

С начала февраля 332 сд в составе 4 ударной армии участвовала в наступательной операции, начинавшейся с небольшого плацдарма южнее Зароновского озера. Задача и направление несколько раз менялись. Нужно перерезать железную дорогу Полоцк - Витебск. Наши автоматчики седлали полотно дороги, но вынуждены были отходить назад.

Противник перебросил дивизию из-под Полоцка; оттеснил наступавших.

После короткой паузы и небольшой перегруппировки наступательный кулак перенацелен на восток. В районе Волково введена танковая бригада. Часть танков подожгли фаустники. Полусгоревшие остовы тридцатьчетверок оставались вдоль дороги. Дома сожжены. Там, где было жилье, - печные трубы. Из-под снега торчат кроватные скелеты, остатки домашнего скарба. Чудом сохранившиеся бревна разобраны на блиндажи.

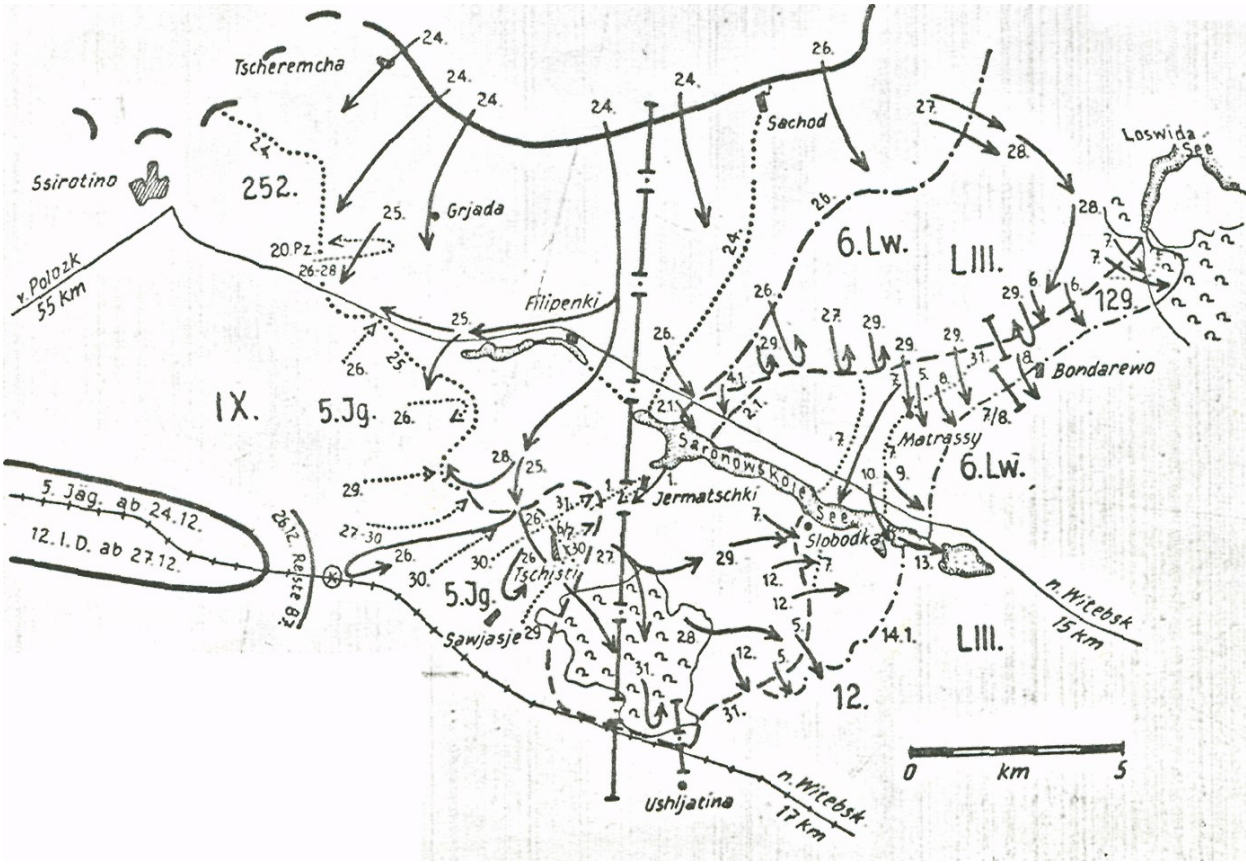
Полки дивизии - во втором эшелоне. Саперы и связисты, тылы, медицина, кухни, штабы, средства обеспечения плотно напичканы в лесу. Толкотня, неразбериха, споры за свободное место. В этом калейдоскопе войск штаб нашего дивизиона усмотрел для себя небольшой пятачок. Штабные повозки, чуть в стороне кухня, в небольшом овражке - укрытие для коней.

Батареи дивизиона участвовали в “артиллерийском наступлении”. Громкое название, а результат слабый. Не помогли ни танки, ни продолжительная артподготовка. Под огнем оказались подступы к завалам, обозначавшим оборонительный рубеж. На опушке леса оставались немецкие наблюдатели, корректировщики. Когда начиналась артподготовка, они покидали ровики и блиндажи, перемещаясь на скрытую в глубине лесного массива полосу обороны.

С наблюдательного пункта видна опушка леса, откуда вел огонь противник. Прямо перед нами, на грязноватом снегу лежат люди. Это солдаты дивизии, которую мы поддерживаем. Их прижимает к земле плотный пулеметный огонь. Попытки поднять залегшую пехоту бесполезны. Каждый шаг вперед достается с огромным трудом,

Мы буквально выдавливаем немцев. А они стремятся во что бы то ни стало не допустить нас до “железки”. Немцы втягиваются в лес, отходят на несколько сот метров. Подбрасывают резервы. На железной дороге между Шумилино и Витебском курсирует немецкий бронепоезд. На нашем участке появляются части 5 пехотно-егерской дивизии.

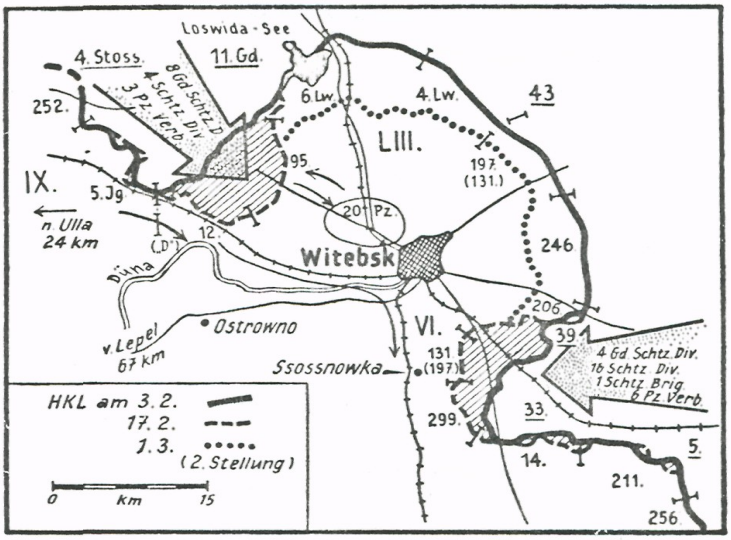
Попытки контратаковать не приносили немцам успеха. Некоторые населенные пункты по несколько раз переходили из рук в руки. Ермачки, Чисти, Чирино, Побединщина, Волково, окружающие их лесные массивы, покрытые снегом поля были свидетелями жестокой борьбы.



Это схема боев западнее Витебска в конце декабря 1943 г. – январе 1944 г. На ней обозначено изменение немецкой обороны – 24.01 жирной линией, 25.01 мелкими точками. Подбросив из Полоцка по железной дороге две дивизии (5.Jg и 12.ID),

противник вел упорные бои в лесном массиве Чисти – Завязье (прерывистый пунктир). Нашим войскам, к сожалению, не удалось выйти к железной дороге Полоцк - Витебск и перерезать ее. Схема взята из работы немецкого автора «Витебск». (Heidkamper O. Witebsk. Kampf und Untergang der 3.Panzerarmee. Heidelberg. 1954).

Общую картину февральских 1944 г. боев северо-западнее и юго-восточнее Витебска (по данным немецкой стороны) может дать представленная ниже схема – из того же источника. Положение на 17.2.1944. Показано продвижение советских войск с 3 по 17.02.1944



Skizze 16:

Lage am 17. 2. 1944 nach Abschluß der zweiten Abwehrschlacht um Witebsk
Geländegewinn der Sowjets vom 3.– 17. 2. 1944

Неудача зимой 1944-го

Чем объяснить нашу неудачу в зимнее наступление сорок четвертого года западнее Витебска?

Мы обсуждали это с однополчанами и спустя многие годы после войны. С позиции офицера, не располагавшего сколько-нибудь полной информацией, ответить трудно. У непосредственных участников событий сохранилось чувство горечи, неудовлетворенности. Бессмысленности утрат.

И все же несколько слов об этом.

В наступлении принимало участие большое число соединений. Но в лесах и болотах трудно было применить для прорыва мощные огневые средства. Танков было мало, они застревали, поджигались фаустниками. Артиллерия испытывала недостаток боеприпасов, вела огонь по площадям. Основную роль должны были сыграть стрелковые части. Однако это был не ударный кулак. Не подготовленные к стремительному броску бойцы, а слабые, плохо обученные военнообязанные. Они не были способны обойти, подавить, уничтожить огневые средства противника.

Немецкое командование как правило разгадывало, откуда следует ожидать удара. Наша разведка работала плохо. Слабо разведали передний край, не знали реальной обстановки штабы. Перенацеливание ударов, изменение задач напоминали судорожные попытки нащупать слабое место. Наступавшие не обладали силой, способной пробить жесткую оборону в лесу, болотах.

Может быть, именно неудача зимнего наступления к западу от Витебска привела вышестоящие штабы к выводу: оперативные задачи не решаются превосходством в количестве штыков, невиданной плотностью боевых порядков. Стремление компенсировать качество количеством вело к неоправданным потерям, к топтанию на месте. А все это - к утрате боевого духа.

Когда наши части несколько потеснили противника, мы с удивлением обнаружили, что огневые средства оказались неподавленными. Немецкая оборона опиралась на сеть опорных пунктов - сплошной обороны у них не было. Были отдельные огневые точки, хорошо оборудованные блиндажи, небольшие по численности подразделения егерей.

Седлая дорогу на Полоцк

После тяжелых боев под Витебском дивизию переводят на новый участок. Снова предстоит марш. Первые признаки, что скоро снимаемся - полковые телефонисты сматывают кабель. Связь подается сверху вниз, и “верх” сворачивает свою нитку. В дивизион выдали новый комплект карт. Их надо срочно скомплектовать, склеить, дать под расписку управленцам и комбатам.

Строим догадки, куда нас перебросят. Собираем и складываем имущество.

Снимаемся поздно вечером. Морозно. Вытягиваемся в колонну. Двигаемся по-дивизионно, практически в общей колонне со стрелковыми частями, полковыми артиллеристами, минометчиками. Почти весь марш лесом.

Ближе к утру останавливаемся в районе Краснополья. Ждем распоряжений, куда двигаться дальше. Офицеры, следовавшие во главе колонны, совещаются. Следует команда - повернуть, двигаться в обратном направлении.

Очевидно ночью голова колонны проскочила поворот. Нам надлежало прибыть в район Дретуни, сменив там соединение, занимавшее оборону.

Дивизия седлает железную дорогу, идущую на Полоцк.

Самой Дретуни, как таковой, практически нет. Жилые дома, пакгаузы на железнодорожной станции, хозяйственные постройки сожжены или разобраны. В одном из зданий у немцев размещался госпиталь. Рядом с ним - длинные шеренги крестов, захоронение немецких солдат и офицеров. На каждом - табличка с аккуратной надписью.

Подобное кладбище видел в Демидове, в центре города. Но там было десятка полтора могил, а здесь - сотни, если не тысячи. Бои за Витебск, в районе Витебска обошлись противнику недешево.

Дивизия, которую мы сменили, более или менее плотно сидела ближе к станции. Блиндажи, скрытые подходы. Огневые средства укрыты. Иная картина в лесу, справа и слева от Дретуни. Здесь дугой пересекая железную дорогу оборона противника. Ее основу составляли три опорных пункта. Они связаны сплошными траншеями с открытыми площадками для ведения огня с широкими секторами обстрела. Перед первой траншеей проволочные заграждения, спираль Бруно.

На флангах между опорными пунктами - разрывы. В лесной чащобе, по замерзшим болотцам можно проникнуть вглубь обороны без особых помех, втихую.

Переносим на карты примерное начертание переднего края противника.. Нас интересуют прежде всего места, откуда ведется артиллерийский и минометный огонь.

Уточняю координаты наблюдательных пунктов, привязываю огневые. Но карта устарела; многого из того, что изображено на ней, сейчас на местности нет. Торчат из-под снега остатки деревянных свай, угадывается основание разбитой водокачки. На месте станционных построек дзоты. Нет привычных ориентиров, опираясь на которые можно снять координаты, провести топографическую привязку.

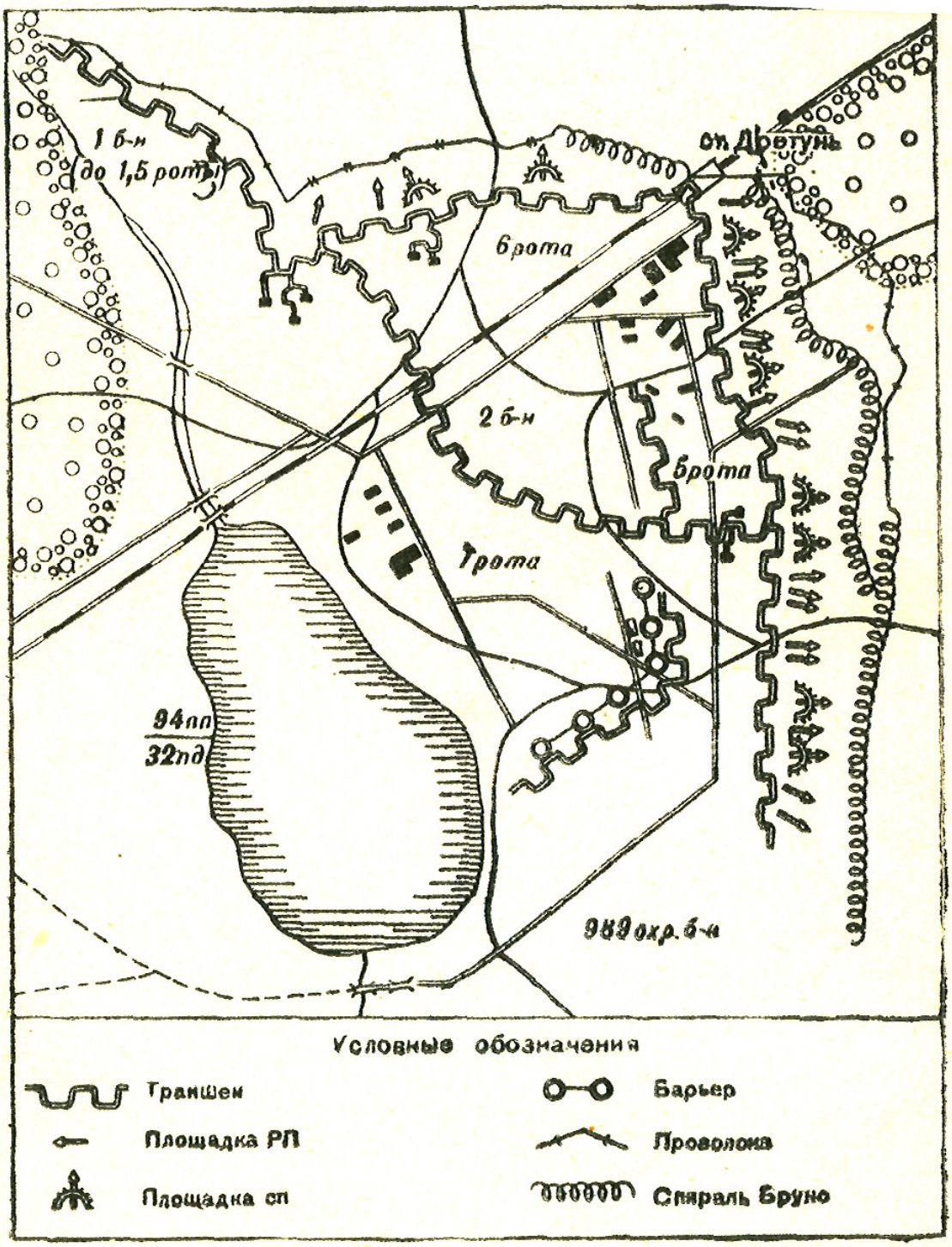


Схема 2. Дретуньский опорный пункт противника

На схеме Дретуньский опорный пункт противника

Харитошкин побывал на переднем крае, посидел на наблюдательном пункте дивизиона. Остался недоволен – НП размаскирован, неудобные подходы, слабое укрытие. Приказал установить стереотрубу; посадили разведчиков наблюдать. Раухваргер остался доводить наблюдательный пункт до ума.

Командир дивизиона знакомится с командирами батальонов, договаривается о взаимодействии с соседями. Два батальона 1117 стрелкового полка, которые нам приказано поддерживать, держат оборону справа от железной дороги, уходящей в сторону Полоцка. Смена боевых порядков прошла ночью. Днем по прибытии стрелкачи, "огуречники", средства поддержки и обеспечения размещались в лесу, в непосредственной близости от боевых порядков соединения, на смену которого прибыли.

Пристрелка ориентиров

В светлое время приказано не маячить. Да это очевидно и без приказа. Смена частей сопровождается повышенным движением, необычным шумом, дымом неосторожно разведенных костров. Все это не может ускользнуть от внимания противника.

Харитошкина заботит, разведаны ли огневые немцев. Судя по карте имеются одна-две поляны, где могла располагаться немецкая 105-ти миллиметровая батарея.

- Свяжись с артиллеристами, которые сидели здесь раньше, до нас. Они еще не свернули огневые. Расспроси. Сними обстановку с рабочих карт, познакомься с документацией

- А как их найти? С передка все давно ушли. Где у них огневые?

- Возьми мою пятидесятитысячную. Там кое-что обозначено. Бери Комкова и двигай туда.

Но связаться с прежними хозяевами не удается. Огневые пусты. Пушкари снялись еще засветло. В их блиндажах шуруют наши пехотинцы.

Кое-какую документацию удалось получить в штабе полка. Но с личными контактами мы явно проморгали.

Харитошкин огорчен.

- Готовь данные. Будем вести пристрелку.

- Кто?

- Вы с Раухваргером.

- Вдвоем?

- Да, вдвоем. Приобщайся. Учти, снарядов в обрез. Особенно гаубичных. Только те, что в передках, что притащили в собой. Дивизионный ДОП (обменный пункт) еще не развернут.

Машины с боеприпасами отстали: не было горючего.

- А комбаты?

- Дворецкого пригласим. Он пока оборудуется. А НП Миронова (командира 76-мм батареи) от нас в стороне. Проведет пристрелку позже.

Пожар на переднем крае

В Дретуни собирались укорениться надолго. Не тут-то было. Противник ведет себя странно. Первые день-два на передке тихо. Как пишется в донесениях: “Противник вел редкий ружейно-пулеметный огонь; пускал осветительные ракеты”. Затем интенсивность огня усилилась.

Какой-то лихой пулеметчик стрекотал всю ночь, почти не переставая. Одного из наших разведчиков, притулившегося на корточках у сосны, полосануло по мягкому месту. От штаба дивизиона, где он находился, до переднего края километра полтора; лес. И все же шальная пуля на излете достала.

- Ранен!

- Куда тебя?

Поднимаем рубаху. На ягодице красная полоса. Крови нет. Будто хлестанули ремнем.

- Вот и решай - ранен или нет. Обожгло кожу, и все. Сейчас зарисуем иодом. А неревязывать бесполезно. Счастливо отделался.

Дретунь осталась в памяти как короткий эпизод. Потерь в дивизионе не было. Батарейцы открывали огонь, помогая пехоте отразить силовую разведку.

Ночью на переднем крае у немцев начался шумок. Затем вспыхнул столб яркого пламени. Загорелось в глубине. Высветило черный контур переднего края. Довольно необычно и, пожалуй, красиво.

Ночной пожар. В районе населенного пункта шум моторов.

- Видимо вспыхнул блиндаж. Но почему не видно людей?

- Загорелся от неосторожности? Может, подожгли специально.

Пулеметчики дали несколько очередей по району пожарища. Немцы не отвечали. Пожар разгорался все ярче. Видно, как огонь охватывает рядом стоящие деревья.

К утру пожар поутих. В расположении противника не видно движения.

Посылаем вперед разведку. Возвращается связной:

- Немцы ушли. Двигаться по дороге опасно. Вначале надо разминировать проходы.

Вызываем саперов.

Продвигаемся вперед, сбивая небольшие заслоны, расчищая завалы, снимая мины. Дорога тянется вдоль железки.

Картина несколько непривычная. Лес справа и слева от железной дороги спилен. Просека шириной метров на сто. Подойти к полотну можно только по открытому пространству. Через каждые триста-четыреста метров сооружены мощные дерево-земляные опорные пункты. В них - бойницы, цементные гнезда для обзора и обстрела подходов.

Все сделано, чтобы к полотну не могли подобраться подрывники-партизаны.

Позже стало известно, что немцы планировали по этой ветке перебросить поезда с летающими снарядами ФАУ. Подвезти эти начиненные взрывчаткой снаряды предполагалось для ударов по блокированному Ленинграду.

Двигаемся дальше. На передний край противника натолкнулись на рубеже Таковенец - Черные Лужки - совхоз Полота. Домов, сараев в селах не оставалось. Торчали одни печные трубы. Немцы сожгли все, что могло гореть. Немного строений сохранилось в совхозе, но постепенно разбирались на блиндажи.

Немецкие окопы располагались поперек железки, выгибаясь к нам небольшой дугой. Слева от железнодорожного полотна низина, там протекает речушка Полота.

Правый фланг дивизии упирается в лесное болото. Мы и противник сидим по обе его стороны.

к

Оборона дивизии под Полотой весной – в начале лета 1944 г.

В обороне под Полотой

Под Полотой пробыли в обороне три с половиной месяца. Обжились и оборудовались капитально. Но это не была безоблачная оборона.

Третий дивизион поддерживал 1117 стрелковый полк. Оборона строилась слева от железной дороги, в районе Студенец. 1115 полк - справа от железки.

Середина марта. Первые признаки весны. Ночью морозец; днем подтаивает. Штаб дивизиона расположился в овражке. Соорудили несколько землянок. Для офицеров. Отдельно для связистов, для разведчиков.

Рядом со штабной землянкой, на высоком дереве, оборудовали наблюдательный пункт. Настелили доски, приспособили лестницу, замаскировали. Другой - ПНП (передовой НП) - в боевых порядках одного из батальонов 1117 сп.

Рано утром пробудила бешеная стрельба. Плотный огонь ведет противник; наши отвечаеют. Выскакиваем из землянки. По железной дороге, разрывая нашу оборону, выдвинулся немецкий бронепоезд. Никто не предполагал, что полотно исправно. На железнодорожных платформах - зенитки. Автоматика с невиданной скоростью выплевывает тридцатимиллиметровые снаряды.

Харитошкин взволнован:

- Занять круговую оборону вокруг штаба!

Вгрызаемся в мерзлую землю с разведчиками. У меня, как и у них ППШ. Автомат таскаю давно, убедившись, что в серьезных перепалках пистолет ТТ весьма слабое огневое оружие.

Телефонисты сообщают: связь с комбатами и огневыми прервана. Плотный огонь разметал телефонный кабель. Связаться по рации удается не сразу.

Восьмая батарея открыла огонь, но практически наугад. Старший на батарее Сергей Ворыханов успел принять команду комбата. Связь тут же порвалась, и он продолжал вести методический огонь по немецкому переднему краю (данные для стрельбы записаны мелом на щитах орудий). А надо бы по бронепоезду.

Тем временем силовая разведка противника вклинилась в расположение одной из рот третьего батальона 1115 полка. Ожесточенная перестрелка вспыхнула справа от железнодорожного полотна. Что там, за железнодорожной насыпью, происходит, нам не видно.

Заработала седьмая батарея. Восстановилась связь с комбатом Борисом Мироновым. Но поздно. Бронепоезд противника возвращается назад. под прикрытие лесного массива.

Позже узнаем подробности. Немецкие солдаты, прорвавшись в расположение нашего батальона, забросали ручными гранатами землянку, в которой находились адъютант старший батальона и телефонистки. Командир батальона, находившейся в соседней землянке, был ранен, но сумел отбиться.

Против бронепоезда

Огонь бронепоезда прикрывал силовую разведку и помешал выручить ребят, попавших в огневой переплет.

Дня два спустя немцы запустили в нашу сторону шар-монгольфер с пачкой листовок. Его подбили, на землю высыпались разноцветные - синие, красные, зеленые - листовочки. Каждая размером с папиросную закрутку. Для того чтобы свернуть козью ножку, не годились. Бумага не та. Но выдумке, да и оперативности немецких пропагандистов следовало отдать должное.

На одной стороне листовки фотография нашей телефонистки. В форме, берете. Девушка горько плачет. Подпись: “Попав к нам, Зоя расплакалась”. На другой стороне снова фото: “Но узнав, какие немцы хорошие ребята, она радостно засмеялась”. И снимок той же Зои с улыбкой на лице.

Немецкая вылазка не прошла даром. Из штаба армии в дивизию нагрянула комиссия. Оборону вдоль железки решили усилить. В одном месте сделали подкоп под полотном. Перед передним краем установили плотное минное поле. К железной проволоке, накрученной спиралями перед окопами, подключали ток высокого напряжения. Ночью, ближе к переднему краю, подъезжала и начинала работать электродизельная установка.

В штабе полка Харитошкину предложили выдвинуть 122-мм гаубицу на прямую наводку. В восьмой батарее не было командира второго огневого взвода. Командир дивизиона приказал мне заменить его.

Сначала нужно было оборудовать огневую. Место для нее выбрали чуть позади первой траншеи, рядом с железнодорожным полотном. Орудийный окоп, небольшую траншею, землянку вырыли ночью. Гаубицу подтянули на руках.

Командиром орудия был Володя Лозинский. Небольшого роста. Немногословный, спокойный, уверенный в себе. Наводчик, замковый, заряжающий, правильный - из его расчета. Ребята хорошо знали друг друга. Каждый при необходимости способен подменить любого. Я осваивал навыки наводчика. Огневому делу учили в Ирбите неплохо, но требовался навык, доводимый до автоматизма.

Ночью расчет бодрствовал. С наступлением рассвета по очереди отдыхали. В полдень завтрак. Обедали глубокой ночью. Рядом с огневой позицией обнаружили яму с картофелем. Картошка, укрытая соломой, хорошо сохранилась. В подполе сгоревшего дома нашли небольшую банку с мукой. Соорудили нечто вроде сковороды, и вместо надоевших крупяных блюд лакомились жареным картофелем, блинами.

Нас собирался наведать Харитошкин, его опередил командир полка полковник Константин Иванович Крамаренко. Появился на огневой неожиданно. Связного отправил пообщаться с пехотинцами.

Посмотрел работу расчета. Одобрил выбор позиции. Но маскировка пришлась не по душе:

- Зачем натыкали елок так густо? Противник не глуп. Догадается, что этот ельник появился неспроста. Нужно маскировку делать естественнее.

Напоследок поинтересовался:

- Есть неясности? Вопросы?

Меня беспокоило - не слишком ли мало снарядов. На огневой, в орудийном погребке, было подготовлено двадцать выстрелов. В том числе - пять шрапнельных.

- У нас на огневой всего двадцать снарядов. Если боеприпасы кончатся, что делать дальше?

- У Вас какая задача? Сколько нужно, чтобы поразить бронепоезд?

- Два - три. В крайнем случае, четыре снаряда. Бить будем по колесной паре, по паровозу.

- Выходит снарядов достаточно. Чтобы решить поставленную задачу - хватит.

Я же считал, что после открытия огня и последующей заварухи с бронепоездом, нам придется думать о том, как спасти орудие, вытащить и увести подальше гаубицу.

- Да не позволит противник. Откроете огонь - обнаружите себя, огневые средства бронепоезда откроют по вам плотный огонь, головы не даст поднять. Придется отбиваться, а не спасать гаубицу.

На прямой наводке гаубица простояла вплоть до лета, до начала наступления. Но бронепоезд к переднему краю больше не сунулся. Из-за лесочка, что располагался перед нами, иногда поднимался беловатый дымок. Доносилось пыхтение паровоза. Состав маневрировал на путях в районе станции Казимирово. Выйти из-за укрытия на открытое место противник не решился.

После меня на прямой наводке, уже с другим расчетом, стоял вновь прибывший командир огневого взвода лейтенант Крошкин. Противник каким-то путем обнаружил наше орудие и открыл по нему огонь с закрытой позиции. Запись в журнале: “25.05. Осколком снаряда повреждена 122 мм гаубица, стоявшая на прямой наводке”. Крошкин был ранен.

«Почудилось будто стреляют»

Рано утром меня вызвали в штаб полка, где служил мой товарищ по училищу командир топографического взвода штабной батареи Карл Нейман.

Прибыв намного раньше назначенного времени, решил заглянуть в землянку, где проживал мой коллега. Но в ней разместили гостей, прибывших из вышестоящего штаба. Карлу пришлось отправиться в блиндаж, именуемый полковым клубом.

Нахожу клубный блиндаж. Он довольно вместительный. Слева от входа – печь из красного кирпича. В центре большой стол; вдоль него – длинные скамьи. Тепло, уютно. Мой приятель, расположившись на столе, словно на нарах, крепко спит. Решив не тревожить, располагаюсь рядом, на лавке. Не успел вздремнуть, как неожиданно в блиндаже прогремел выстрел. Приподнимаюсь, пытаюсь понять, что произошло.

В воздухе медленно оседает красноватое облачко мелкой пыли. Из-под уха спящего выползает сероватый дымок. Приглядываюсь. Кобура пистолета, на котором покоилась голова спящего, разорвана. Произошел самопроизвольный выстрел, и к счастью, для нас весьма удачно.

Карл, как ни в чем не бывало, продолжает спать.

Что за наваждение? Почему произошел выстрел?

Кобура разорвана. Выстрел произведен из пистолета, лежавшего под головой у Карла. А его владелец продолжает спать.

Пыль от разбитого кирпича медленно оседает. Карл переворачивается на другой бок. Пытаюсь его разбудить.

- Проснись же, наконец! - Ты что-нибудь слышал?

Карл протирает глаза; в недоумении оглядывается.

- Ты что-нибудь слышал? Или уши заложило?

- Да вроде нет. Приснилось будто пушки стреляют.

- Тоже мне - пушки. Взгляни, что с кобурой. Осторожней. Твой пистолет стреляет сам, без твоего спроса.

Выстрел произошел самопроизвольно. Пуля из лежавшего под головой пистолета, к счастью, никого не задела. Разорвав кобуру, угодила в печь.

- Кажется, начинаю понимать. Вчера ходил на передовую. Возвращался один, вечером. Шел лесом. Загнал патрон в патронник. А разрядить ТТ забыл.

По привычке Карл подложил пистолет под голову. Во сне неосторожно повернулся. Затвор слегка отодвинул назад. Когда двинулся, приподнял голову, затвор освободился и ударил по капсюлю.

Повезло. Пуля пролетела по «свободной» траектории, никого не задев, не срикошетировав. Вообще Карл родился в рубашке. За полтора года с лишком в полку не получил даже царапины.

Володя Дорофеев

Левее железной дороги передний край проходил по полю, дальше по окраине совхоза Полота. Впереди, в низинке, в пойме реки, располагалось боевое охранение. В нем бессменно сидела полурота. С ней командир взвода управления Володя Дорофеев. У него под началом - двое: телефонист и разведчик.

Как будто про тех ребят, про Володю, поэт - лейтенант из соседней дивизии, писал:

Под Полоцком было так:

мутная

Полота,

лес подобстрельный,

редкий,

а я -

командир разведки.

Володя - командир артиллерийской разведки, командир взвода. Ежечасно, денно и нощно наблюдает за противником. Докладывает по «нитке» о его поведении, передвижении, шумах, появлении новых целей. Огонь ведет с разрешения командира батареи Никиты Дворецкого, НП которого несколько сзади, на окраине совхозного поселка.

Глубокой ночью к нашему боевому охранению пыталась подобраться поисковая группа противника.

Немецкие саперы подошли к первой траншее почти вплотную. Сняли противопехотные мины. Принялись резать колючую проволоку. Солдаты, дежурившие в траншее, обнаружили противника не сразу. Кто-то опустил клапана шапки-ушанки, накинул поверх шинели плащпалатку и, откровенно говоря, подремывал..

Офицеры сидели в землянке, резались в карты. Иногда выходили проветриться, проверить несение дежурства.

Один из картежников выглянул наружу - как будто тихо. Прислушался. Сквозь однообразный шелест дождя услышал слабое позвякивание. Очевидно, тренькали, навешанные на колючку консервные банки. Приглядевшись, различил, буквально угадал, темные силуэты немецких солдат, резавших проволоку.

Не теряя минуты, рванулся к пулемету. Отодвинул в сторону полусонного пулеметчика:

- Тревога! Немецкая разведка!

Резанул огнем по силуэтам. Первой же очередью скосил или заставил залечь вражеских саперов. Одни так и остались лежать, другие поползли назад.

Солдаты дежурной смены выскочили из землянок. Заговорил второй пулемет. Заработала 8-я батарея - ее огонь корректировал Володя. Включились в огневую работу полковые минометы.

Плотный огонь прижимал солдат противника к земле. Мало кому из поисковой группы противника удалось вырваться из-под огня, вернуться в свои боевые порядки.

Об этом эпизоде в Журнале боевых действий - краткая запись: “В 1.00 противник с рубежа Колотовка вел силовую разведку в направлении Судино. Своевременно обнаруженный и встреченный огнем 8 батареи и стрелкового оружия, противник потерял 15 человек убитыми и ранеными и одним пленным и отошел на исходный рубеж. Одновременно разведгруппа в 30 солдат с рубежа Бороватка безуспешно вела силовую разведку с целью захвата языка в направлении Студенец. Огнем 8 батареи подавлен огонь ручного пулемета, убито и ранено до 15 солдат и офицеров противника”.

Володя Дорофеев всегда спокойно, невозмутимо делал свое дело. Доставалось ему больше, чем кому либо. Ходил в старой солдатской шинели, кирзовых сапогах, перепоясанный добротным офицерским ремнем с планшеткой на боку. Ему приходилось часами месить грязь, слякоть, сидеть в ржавой воде. Днем нельзя обнаружить себя, раскочегарить печурку. Связь с передним краем, доставка пищи только ночью. Когда началось наступление, идти нужно было впереди, вместе со стрелковыми ротами.

Володя погиб вскоре после памятного эпизода в боевом охранении, под Даугавпилсом, когда до взятия города оставалось буквально несколько часов. Погиб, попав под огонь вражеских автоматчиков, прорвавшихся в тылы наступавших подразделений. В сравнительно спокойной обстановке, на марше. Погиб и его командир батареи Никита Дворецкий. Его сразил осколок снаряда, когда он, будучи уже заместителем командира дивизиона, шел на наблюдательный пункт.

Как нащупать чужую батарею?

Под Полотой нам портили нервы немецкие батареи. Проблема в том, чтобы не оставлять их в покое; если удастся, заставить замолчать. А для этого нужно нащупать, откуда ведется огонь. Определить координаты вражеских позиций. Ночью это можно сделать по вспышкам; днем труднее, но все же вычислить удастся, если вести наблюдение одновременно с разных точек, с нескольких НП.

Немцы тщательно маскировали размещение артиллерийских батарей. Чтобы сбить с толку, меняли огневые позиции, прибегали к различным уловкам. Вели огонь с

временных огневых, откуда после стрельбы быстро убирали орудия. Меняли режим и последовательность огня.

Оборона затягивалась. Из штаба полка требовали наладить контрбатарейную борьбу. В этой дуэли верх брал тот, кто оказывался способен быстрее нащупать расположение огневых противника, скрыв собственные огневые.

Работу по контрбатарейной борьбе вел командир дивизиона. Ему помогали начальник разведки, командир топовзвода. Для этого капитан Харитошкин приказал организовать сопряженное наблюдение. Иначе говоря, производить засечку целей одновременно с нескольких наблюдательных пунктов.

На специальный планшет вычислители натянули лист ватмана. На него точно в соответствии с координатами нанесли наблюдательные пункты. На НП установили стереотрубы, провели прямую проводную связь.

В момент выстрела вражеского орудия одновременно с каждого НП определяли направление, откуда велся огонь. Отсчет велся по показаниям приборов. Результат тут же наносился на планшет. Прямая на планшете «НП – огневая противника» показывала направление огня. В точке пересечения нескольких прямых - наблюдение велось с трех пунктов - должны обнаружиться координаты орудия, открывшего огонь.

Но снять точные координаты огневой позиции орудия, которое вело беспокоящий огонь по нашим боевым порядкам, долго не удавалось. На планшете каждый раз вырисовывалась не точка (в которой пересеклись бы линии засечки наших наблюдателей), а треугольник. Где же находилось немецкое орудие, оставалось неясным - то ли внутри треугольника, то ли в одной из его вершин. И вообще треугольник - это не координаты цели, а примерный район, где она расположена.

- В чем дело? Почему не удается засечка цели?

Ведь по всем канонам приборы, с которыми работали наблюдатели, не могли постоянно ошибаться и давать неверные координаты.

Было решено увеличить базу сопряженного наблюдения. В нашу систему подключили наблюдательный пункт соседей, расположенный по другую сторону железной дороги. Снова, одновременно с нескольких пунктов, провели засечку цели.

Но искомый результат не желал трансформироваться в точку; “расплывался” в надоевший треугольник. Теперь, правда, в двойной или рассеченный надвое.

- Где же она, искомая точка? Куда запропастилось немецкое орудие?

Мы буквально ломали голову над загадкой. А что, если огонь ведет не одно орудие, а поочередно несколько орудий? Одна батарея, а стрельбу ведет поочередно то одним, то другим, то третьим орудием.

Как оказалось, именно в этом и состоял секрет неуловимости немецкой огневой. Беспокоящий огонь вело не одно орудие, а поочередно три 105-мм орудия. Они размещались не под один веер, а треугольником. Каждое располагалось по вершинам треугольника на расстоянии примерно трехсот метров друг от друга. Между ними устанавливалась проводная связь. Огонь велся поочередно, что создавало иллюзию, будто стреляло одно орудие.

Треугольник на нашем планшете не обманывал. Он "нарисовал" реальную огневую, точнее, огневые, по которым, к сожалению, с опозданием повели огонь наши гаубицы. Для подавления цели вести огонь нужно было по вершинам треугольника.

По аэростату шрапнелью

Пожалуй, несколько успешнее, хотя и не сразу, прошла охота за аэростатом. Весной 1944 г. противник поднимал его в глубине обороны, километрах в тринадцати от переднего края. Сидевший в корзине аэростата наблюдатель, вооруженный цейсовской оптикой, без особого труда засекал наши огневые средства и корректировал стрельбу по ним.

Аэростат напоминал по форме батон обычной колбасы. Его поднимали днем, как правило, в солнечную, безветренную погоду. Определить координаты не представляло труда. Цель хорошо просматривалась. Можно было увидеть трос, который ее удерживал. Но "достать" аэростат огнем было непросто, поскольку он поднимался на удалении, превышавшем дальность стрельбы дивизионных пушек. А корпусной артиллерии у нас под рукой не было.

Что оставалось делать?

По аэростату открывали огонь батареи соседнего дивизиона, обнаруживая тем самым себя, и неся потери. В ответ немцы переносили артогонь по нашим огневым. Иногда в течение дня аэростат поднимали несколько раз. Затем наступал перерыв, а через несколько дней вновь в воздухе появлялся немецкий наблюдатель.

В штабной землянке расстелили пятидесятитысячную карту и скрупулезно измерили расстояние от точки, с которой поднимался аэростат, до огневой позиции нашей 7-й батареи. Чтобы поразить аэростат, не хватало почти трех километров.

Командир дивизиона решил рискнуть. Приказал оборудовать временную огневую для 76-мм орудия как можно ближе к переднему краю, буквально в нашей первой траншее.

Пушку выдвинули ночью, замаскировали. Корректировать огонь решили с наблюдательного пункта, находившегося несколько позади нашего орудия, но имевшего хороший обзор. Стрельбу решили вести на предельной дальности, на полном заряде. Заранее подготовили данные для стрельбы. Проверили работу связи. Развернули для дублирования рации.

Спустя пару дней немцы вновь подняли аэростат.

Командир дивизиона, не испытывавший особой любви к наблюдательному пункту на высоком дереве, не мешкая, поднялся наверх и подал команду:

- “Февраль”! Первому к бою!

- Готово!

- По аэростату. Одним снарядом. Шрапнельным. Огонь!

Аэростат только поднялся, как недалеко от него вспыхнуло светлое облачко. Разорвалась шрапнель. Через несколько секунд вторая. Отчетливо видим разрывы. Круглые белые облачка на фоне голубого неба. Радостные восклицания и неожиданно понимаем – не хватает дальности. До аэростата не дотягиваем.

Что делать? Ведем стрельбу на полных зарядах. Недолет явный. На полкилометра, если не больше.

Еще один выстрел. Шрапнелью. И снова недолет.

Но что это? Не успела разорваться очередная шрапнель, как из корзины аэростата что-то выпало.

- Он, сука, что-то выбросил. Все же допекло!

Нет, не выбросил. Выбросился сам. Увидев шрапнельные разрывы, из корзины аэростата выпрыгнул немецкий корректировщик. Перед самой землей раскрыл парашют.

“Колбаса” дернулась вниз, вскоре исчезла из зоны видимости. Противник спешил как можно быстрее убрать аэростат, пока цел. О причинах недолета немцы не догадывались.

Противник пытался заставить замолчать нашу пушку, открывшую огонь по аэростату. Но скорректировать огонь немецкий наблюдатель не сумел. Огонь велся по

основной позиции 7-й батареи Снаряды рвались в стороне и позади орудия, стоявшего на прямой наводке. А наше «воздушное» НП на дереве оказалось чуть ли не в створе их траектории. Немецкие 105-ти миллиметровые чемоданы пролетали над головами, едва не задевая ветки дерева, на котором размещался наблюдательный пункт.

Между прочим, опасаясь нагоняя за «ненужный» риск, командир дивизиона не спешил докладывать об организации и результатах нашей стрельбы по аэростату. Дивизионное начальство также не знало или не хотело знать, почему немцы больше не рисковали поднимать аэростат воздушного наблюдения – между артиллеристами и пехотой существовал и мешал боевой работе ледок недоверия.

К слову сказать, дивизионное начальство было не в курсе нашей короткой операции. В донесении за памятный для нас день встретил такую фразу:

“В районе Приволье (правильнее - Осетно) поднят аэростат воздушного наблюдения. С приближением нашей авиации наблюдатель спрыгнул, используя парашют”.

Отлично помню: авиация на нашем участке не появлялась. Общевойсковое начальство часто не знало, что делают артиллеристы. Харитошкин предпочитал делать дело, но не спешил отчитываться перед “верхом”.

Позже, когда началось наступление, я разыскал площадку, с которой противник поднимал “колбасу”. Машины, поднимавшие аэростат, располагались на поляне, обрамленной густым кустарником, невдалеке от небольшого озерца. На болотистой поляне еще сохранились следы колес, валялись куски троса, колья, различный мусор. Аккуратные немцы поленились заняться уборкой перед тем, как смотать удочки.

Надо сказать, что аэростаты - сравнительно простое средство воздушного наблюдения, применяли еще в первую мировую войну. Теперь его вновь использовали и мы, и противник.

Как гласит немецкий источник, батареи аэростатов воздушного наблюдения входили в состав отдельных разведывательных частей.1) Батарея имела обычно два аэростата. Аэростат наполнялся водородом и удерживался стальными тросами.

---

1) См., Herfel W. Beobachtunqsabteilung 6. 1936-1945. Dulmer (1964. S. 172-173).

В состав экипажа входили один или два наблюдателя. Наблюдение велось с высоты до двух тысяч метров (на нашем участке аэростат поднимали на высоту чуть меньше километра). На вооружении наблюдатели имели двадцатимиллиметровую зенитную пушку. Огонь корректировался с помощью кабельной телефонной связи с наземным пунктом обработки данных.

На новой должности

К лету сорок четвертого дивизия продолжала держать оборону в районе Полоты. Но чувствовалось, что должны наступить какие-то изменения. Что-то, не всегда понятное, происходило на стороне противника.

На переднем крае в районе Казимирова немцы соорудили высокую изгородь из ветвей. Возможно, пытались прикрыть перемещения вблизи железнодорожной станции.

Периодически предпринимались силовые разведки с целью захвата пленных. Но ночные поиски немцев нередко срывались. В мае группа солдат, подбиравшихся к переднему краю пятнадцатого полка, подорвалась на собственных минах. На прямой наводке стояли орудия не только полковой, но и дивизионной артиллерии. Они открывали огонь по вызовам пехоты.

Бывали случаи, когда, преодолев в течение ночи передний край, выходили к нашим окопам солдаты противника сдаваться в плен. Но это были одиночные эпизоды.

В конце мая или начале июня я оказался свидетелем такой картины. Ранним утром сквозь пелену сырого тумана пробился к совхозу Полота, где размещался наблюдательный пункт 8-й батареи, продрогший от холода фриц. Он попытался взобраться на бруствер, но тут его узрели наши братцы славяне.

Красноармеец из стрелковой роты схватил прибывшего за одну полу шинели, а полковой артиллерист - за другую.

Утренний туман еще не рассеялся. Наши ребята вылезли из траншеи и, будучи не в силах поделить невесть откуда свалившийся трофей, повели его вдвоем. По всем канонам тому, кто взял (или привел) пленного, полагалась награда.

Длительная пауза под Полотой позволила людям, батареям и ротам, набраться опыта, укрепить силы. Стрелковые подразделения пополнены личным составом. Восполнили нехватку коней. В известной мере было обновлено вооружение.

Противотанковый дивизион и гаубичные батареи артполка с конной тяги перешли на автомобильные средства передвижения.

Офицеры дивизиона имели слабое представление о том, как могут развиваться события дальше. Мы мысленно просчитывали расстояние, отделяющее передок от Полоцка. Но понимали, что немецкую оборону на нашем участке пробить нелегко.

Артиллеристы вкопались в оборону прочно. Огневые позиции, наблюдательные пункты тщательно оборудованы. Огневики седьмой и восьмой батарей построили клубные блиндажи, бани, соорудили надежные укрытия для коней и автомашин. У многих внутри землянок сложены кирпичные печи. Капитально оборудовались орудийные окопы, укрытия для расчетов на прямой наводке.

В мае, приняв у Дворецкого батарею, Ефим Раухваргер окончательно переместился на НП-8. Я заменил его в роли начальника разведки дивизиона. Одновременно продолжал выполнять обязанности командира топовзвода. Нового офицера на эту должность долго не присылали.

В новом качестве меня привлекала возможность самостоятельно вести огонь батарей. Харитошкин предоставлял это право начальнику разведки практически без ограничений. У него за плечами был немалый опыт, он уже настрелялся, как говорится, от души. И не стремился делать все сам, своей головой и своими руками.

Перейдя на новую должность и по-прежнему продолжая вникать в дела топовзвода, я оказался как бы в двойном подчинении - командира дивизиона и начальника штаба - Харитошкина и Модина. Пока это не мешало.

Я хотел перенять кое-что полезное от Раухваргера и, честно говоря, втайне гордился, что несколько обошел своих коллег по училищу, по-прежнему остававшихся в роли командиров взводов. Подмывало показаться на глаза лейтенанту Макарову, командиру взвода разведки штабной батареи. В училище Макаров был командиром нашего отделения и не раз стремился продемонстрировать свое более высокое положение.

Вместе с тем понимал, опытным начальником разведки дивизиона я еще не стал. Получил назначение, доверяют. А теперь надо доказать, что способен уверенно и профессионально исполнять эту должность.

Бой за опорный пункт Ровное

Наступило лето, а мы все еще в обороне под Полотой. Когда и как будем наступать на Полоцк? Прерывать немецкую оборону будет нелегко. Между тем особых приготовлений к наступательным действиям не чувствуется. Боевые порядки не уплотняются. Боеприпасы не подвозят. Выдали новые топографические карты. Командира дивизиона приглашают в штаб полка. Видимо сориентировали, но мы пока в ожидании.

По «солдатскому телефону» информация противоречивая. Один из полков дивизии перебрасывают на новый участок. Это полоса соседней 360 дивизии. Ей была поставлена задача овладеть опорным пунктом Ровное. Проведя разведку боем, два полка этой дивизии, поддержанные средствами усиления, атаковали противника.

Захватить Ровное фронтальным ударом не удалось. Наступавшие, выбив немцев из первой траншеи, были остановлены, несли потери. Наши батальоны вынуждены были залечь и окапываться под огнем.

Для усиления огневой поддержки 360 дивизии туда перебросили 1 и 2 дивизионы нашего артиллерийского полка. Пехота и артиллеристы сдали боевые порядки подразделениям 16 литовской дивизии и сосредоточились в районе Чернозем. 3-й дивизион, по-прежнему держал оборону под Полотой.

Командир дивизии принимает решение продолжать наступление на Ровное и, чтобы достичь успеха, небольшими силами обойти опорный пункт по болоту и лесному массиву. Оборона немцев здесь была слабее. Стрелковые роты зашли в тыл немцам, обонявшим опорный пункт, что помогло резко изменить обстановку и принудить противника к отходу.

Противник этого маневра не ждал. Две роты, пройдя лесной тропой и болотами, вышли обороняющимся в тыл. Особого сопротивления не встретили. Немцы упорно держались за опорный пункт.

Непроходимое ранее болото слегка подсохло. Наши солдаты стелили бревна, лапник. Порой брели по колено, по пояс в воде. С собой тащили пулеметы, ящики с патронами, противотанковые ружья, минометы. Неожиданно для немцев ударили с тылу. Контратаки, предпринятые противником под прикрытием дымовой завесы, не помогли. Бросив часть снаряжения, солдаты противника стали отходить мелкими группами.

Разгром крупного опорного пункта принудил к отходу и те части немцев, которые находились западнее и севернее Ровное. Это позволило перебросить в образовавшийся провал новые части и соединения.

Не теряя времени нужно было наращивать успех.

Преследуя отходящего противника

Вернувшись из штаба полка, Харитошкин вызвал командиров батарей и объявил о предстоящем перемещении. Разъяснил его порядок:

- Взять самое необходимое - боеприпасы, инструменты, имущество, запас продовольствия. Оборудование оставить на месте. Ничего не разрушать.

- Как с минами?

- Минные заграждения оставить. Передать планы минных полей, ознакомив с ними как можно детальнее и аккуратнее. Встретиться и передать представителям сменяющей дивизии. Подготовьте всю документацию, составьте акты; их должны подписать прибывшие на смену артиллеристы литовской дивизии. На огневых позициях оставить ответственных лиц. Они познакомят с минными полями.

- Порядок марша?

- Движение двумя колоннами. Восьмая батарея выступает раньше. Она двигается на своих машинах - самостоятельной колонной. Семерка - на конной тяге, в колонне со штабом дивизиона. Комбаты - Раухваргер и Миронов – во время марша двигаются со своими батареями, с огневиками.

Противник сворачивает оборону и отходит. Общее направление: Дретунь - Хотьково - озеро Червятка.

Задача - преследовать противника, который начал отход и на других участках. Прикрывшись дымовой завесой, немцы отходят по большаку и по железной дороге в сторону Полоцка.

Выдвинулись рано утром. Часов в десять колонны пересекли бывший передний край. Двигались вслед за батальонами соседней дивизии, передовые подразделения которой, не встретив серьезного сопротивления, ушли вперед. Немцев мы не видели, соприкосновения с ними не имели.

Почти километровая колонна двигалась лесом, затем растянулась по полю. Минуем населенный пункт Залесье. Впереди лесной массив, куда уже втягивается пехота. Длиннющую колонну пехотинцев, минометчиков, конной артиллерии, походных кухонь, повозок с боеприпасами и имуществом догоняют и обгоняют легковые автомашины.

Командир дивизиона приказал мне следовать в боевых порядках пехоты вместе со стрелковым батальоном, который в случае необходимости должен поддержать огнем наши батареи. Харитошкин находился в 8 батарее. Начальник штаба Модин - с управленцами штаба дивизиона и 7-й конной батареей, - в общей колонне (стрелковые полки дивизии со средствами усиления).

Штурмовики бьют по своим

Часам к одиннадцати стрелковые батальоны миновали район Заречья, прошли открытое место и стали втягиваться в лесной массив. Догнав головной батальон, хочу связаться с командованием батальонов Оглянувшись назад, вижу, что солдаты и офицеры нашего дивизиона двигаются в центре длиннющей колонны или чуть позади, ближе к хвосту.

Подумал: сейчас войду в лес и потеряю зрительную связь со своими товарищами.

И вдруг неожиданно где-то над лесом посторонний, стремительно нарастающий звук. Авиация! Из-за леса на небольшой высоте, прямо над нашими головами пролетели три самолета – звено штурмовиков. На корпусах тупоносых “илов” отчетливо обозначены красные звезды.

На мгновении остановился, в голове одна мысль – почему так низко. Звено наших «илюшиных», за ним второе звено.

В колонне короткое замешательство. Несколько человек рванули в сторону от дороги.

- Да это свои, наши!

Действительно наши. В голове колонны неразбериха. Кто-то схватился за оружие. Кто-то торопливо заряжает ракетницу. Послышался возглас: «Ложись!» И тут же громко: «Куда побежали?» «Обратно в строй!» «У кого ракетницы?»

Громкая команда из рядов дрогнувшей колонны:

- Ракету! Обозначить себя! Быстрее!

Взлетела вверх и почему-то сразу погасла зеленая ракета. Поздно!

Все произошло в считанные секунды. Пеше-конную колонну, растянувшуюся почти на километр, «Илюшины» приняли за отходящего противника. Немцы, видимо, отошли еще ночью. А нашим летчикам нужно было догнать и преследовать отступающих. Неужели не предупредили, что могут встретиться и наши части, преследующие отходящего противника.

Ведущий штурмовик слегка качнул крыльями. Вижу, как из-под крыльев «Илюшиных» блеснуло пламя эрэсов. Пулеметно-пушечные очереди ударили по нашим пеше-конным войскам. Страшный поражающий огонь прошелся по плотной людской массе. Люди на мгновенье замерли. Затем бросились врассыпную.

Поздно подавать сигналы. Разве в считанные секунды обозначишь себя? В рядах колонны растерянность. Кто-то бросился в кусты, распластался в кюветах, побежал в сторону от дороги, от огневого пожара.

Произошло все неожиданно и до боли абсурдно. Зеленая ракета, выпущенная вдогонку стремительно промелькнувшим «илам», ничего изменить не могла. Обозначить себя растянувшейся на сотни метров колонне наших войск не оставалось времени.

Да и как это сделать?

Накануне из штаба полка, как обычно, передали условные сигналы для связи с нашей авиацией - три ракеты: красная, желтая, зеленая. Но кто успеет в считанные секунды перезарядить ракетницы и выпустить трехзначный сигнал? Абсурд! Такое “взаимодействие” пехоты и артиллерии с авиацией могли придумать только бумажные идиоты.

Не было в колонне и дымовых шашек. По всем правилам авиаторы должны иметь в наземных войсках наблюдателей. Только со второго захода разрешалось наносить пулеметно-пушечные и ракетные удары. Первый пролет над колонной - проверочный.

Штурмовики вынырнули из-за леса на бреющем. Их задача - преследовать отступающих немцев. Но разве педантичные немцы привыкли двигаться так беспечно, днем, плотной массой?

Потери - 32 человека

Поворачиваю от леса назад. Бросаюсь в середину и хвост колонны, туда, где седьмая батарея и управленцы.

Прошла минута, может быть чуть больше. Самолеты развернулись. Пошли на новый заход.

Штурмовики вновь над нашими головами. Люди снова рванули в сторону от дороги. Бежали, прыгали, ползли тяжело раненные солдаты. Вижу рядового Борисова. Он тяжело ранен и, подобрав искалеченную ногу, пытается на одной здоровой отпрыгнуть в сторону. Между повозками мечется старшина Захаренко. Срезает одежду (рукав) с раненного и делает перевязку лейтенант Блызкин.

Многие остались на месте, пытались помочь, перевязать пострадавших, разбросать рвущиеся на повозках мины, остановить паникующих, успокоить коней.

Авиаторы, очевидно, поняли, наконец, ужасную ошибку. Безжалостно ударили по своим. Если бы они могли услышать негодование, проклятия тех, кто был поражен огнем, ранен или чудом остался цел.

Подбегаю к дивизиону. Точнее к тому, что осталось от штаба и 7-й батареи. Рядом с разметанным имуществом перевернутые повозки. Убитые лежат на дороге, в кюветах, на краю глубокой воронки.

Была сброшена стокилограммовая бомба. Горит имущество. Детонируют на повозках мины. Раненные кони вздыблены, рвут постромки, упряжь. Стволами вверх торчат семидесятишестимиллиметровые орудия. Мечутся в шоке пострадавшие.

Медики Володя Блызкин, его товарищ из соседнего дивизиона лейтенант Петр Баранов напряженно работают: девятнадцать раненых только в нашем дивизионе.

Седьмая батарея и управление дивизиона буквально разбиты. Погиб начальник связи дивизиона Самохвалов. Убиты Иван Минаков, Петр Борисов. Погибли телефонисты, разведчики, солдаты и сержанты 7-й батареи.

Перевязали, отправили в медсанбат пострадавших. Размотали постромки, отвели в сторону коней. Орудийные расчеты приводят в порядок пушки. После воздушной штурмовки прошло несколько часов. Собираем оставшихся в живых вместе, в стороне от дороги. Подсчитываем с начальником штаба потери.

Модин проверяет списки личного состава; что-то отмечает. В списке отсутствующих не хватает двоих рядового–вычислителя и офицера – замполита

дивизиона. Оба из управления дивизиона. Начальник штаба оглядывает оставшихся и в недоумении спрашивает:

- Где же капитан Гурьянов? Кто последним видел замполита?

Опрашиваем одного, другого. Наконец, выясняем:

- Капитан Гурьянов ранен. Осколком в ногу, сравнительно легко. Его перевязали медики из соседней части. А он после этого приказал оседлать коня, взял свой чемодан и верхом ускакал, очевидно, в медсанбат.

- И никому ни слова. Словно сбежал.

Модин в сердцах чертыхается. И теперь с вопросом ко мне:

- Документы, партбилеты собрали?

Механически лезу в карман гимнастерки.

- Да не твой. Документы погибших. Где партбилет Минакова? А где сам Минаков?

- Его нет. Минаков погиб. Он побежал в сторону леса, но попал под огонь «эрэсов». Видимо, прямое попадание... Документы, партбилет не сохранились.

Партбилеты погибших солдат и офицеров, оказывается, надлежало сдать в целости в политотдел дивизии.

К вечеру вырыли общую могилу и похоронили в ней наших товарищей. Братская могила погибших солдат и офицеров 3-го дивизиона на деревенском кладбище, в сосновом лесочке, на окраине Залесья. Солдаты делают из досок общий обелиск со звездочкой наверху и четырьмя 76-мм снарядами по краям. На обелиске - черной краской – звания, инициалы, фамилии погибших товарищей. Это случилось 30.06.

Начальник штаба пишет донесение. Позже в документах полка появится запись: “В 12.00 походная колонна третьего дивизиона в районе деревни Залесье была ошибочно атакована с воздуха группой своих штурмовиков. В результате...”

Трагический результат. Бессмысленные потери.

Володя Блызкин достает флягу с разведенным спиртом. К нам присоединяется лейтенант Баранов. Разливаем. Дмитрий Модин протягивает крышку от котелка. Молча принимаем обжигающую дозу - в память о навечно погребенных в белорусской земле братьях по оружию.

Если бы всегда так

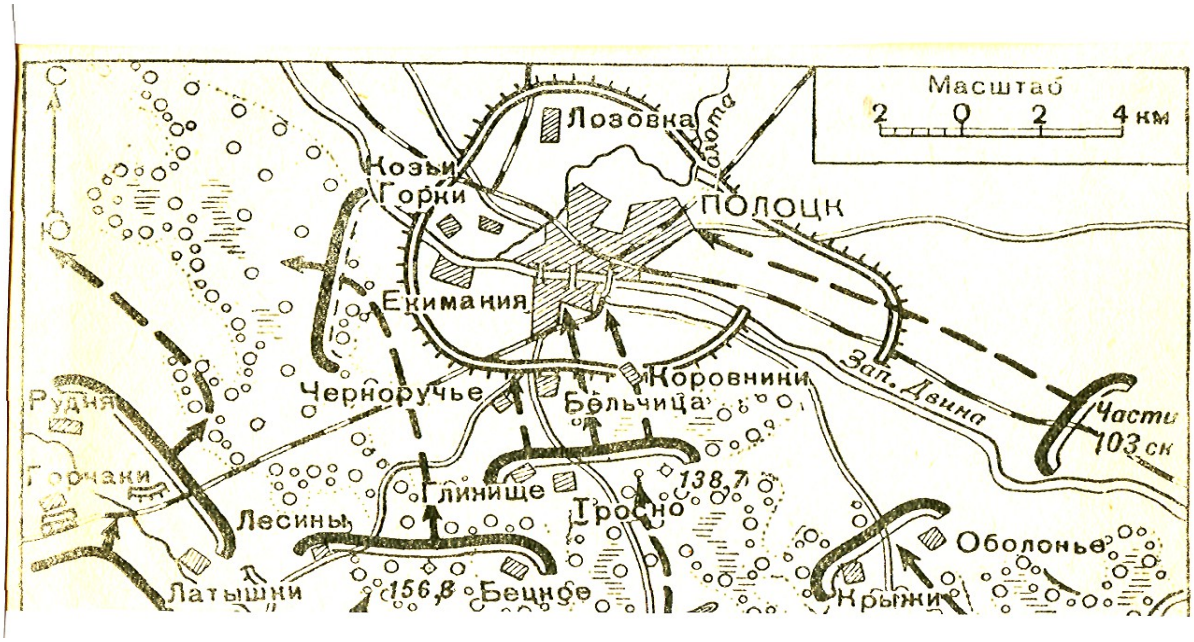
Ночью продолжаем движение. Два орудия седьмой батареи оставлены в Залесье. С ними расчеты, артиллерийский техник Василий Кукушкин. Нужен ремонт, не хватает средств тяги.

Противник отходит. Переберaемся на другой берег р. Сосницы. Слева, в нескольких километрах от нас железная дорога и Западная Двина. У нас плотные боевые порядки. Локоть к локтю преследуют противника три наших корпуса. Наша дивизия в составе 83 ск. Впереди – Полота и Полоцк. Город - узел коммуникаций. Через него путь в Прибалтику, и на запад - в Германию.

В городе, с востока и юга, подготовлены оборонительные сооружения. Для ведения огня приспособлены городские здания. В пригороде сооружены долговременные огневые точки.

Наши войска приближаются к городу с юга и юго-востока. Около десяти дивизий прорывают немецкие боевые порядки - вдоль правого и левого берега Двины.

Будучи обойденной с флангов, не выдержала натиска витебская группировка противника. Оперативных резервов нет, немецкие контратаки прикрывают вынужденный отход.



Бой за город Полоцк; 1-3 июля 1944 г.

Разворачиваю карту: если будем двигаться в прежнем направлении, нам предстоит не раз форсировать правые притоки Западной Двины – не только ручьи, но и реки – знакомую Полоту, затем Дриссу. Возможно, участвовать в освобождении не только небольших, но достаточно крупных населенных пунктов.

В первых числах июля двигаемся по большаку, входим в лесной массив. В воздухе хозяйничает наша авиация. Теперь летчики работают по боевым порядкам противника. Все же осторожно через короткие просветы наблюдаем за действиями штурмовиков и истребителей. С интересом слушаем, перехватив по рации переговоры летчиков:

- Вася, держи правее.

- Прикрой меня сзади!

- Смотри, смотри. Прямо перед тобой.

- Ориентир по вспышкам, по огням.

Авиаторы обрабатывают передний край, бьют по отходящим войскам противника. Если бы всегда так.

Практически судьба Полоцка предопределена. Улицы города в дыму, в огне. 2 и 3 июля бои идут в городских кварталах. Отходя, немцы подрывают мосты через Двину.

Во второй половине дня один из полков нашей дивизии действует на северной окраине Полоцка. Два других полка продвигаются севернее. Пересекают полотно железной дороги. Та самая дорога, что разбивала надвое оборону нашей дивизии. По этой дороге противник двигал против нас бронепоезд.

К*рушили дорожное полотно*

Поднимаемся на насыпь. Еще вчера железнодорожное полотно было в исправности. Сегодня рельсы разбиты, шпалы разворочены. Каким-то огромным крюком каждая шпала выдернута из своего ложа и рассечена надвое.

- Когда это они и как разворотили?

Начальник разведки второго дивизиона - Саша Рак удивлен не менее меня.

- Какими-то огромными крюками. Вероятно, специальную полотнодробилку пригнали.

- Надо же, с какой силой били по полотну. Не только шпалы, но кое-где и насыпь обрушили, разворотили.

- А что с рельсами сделали! Из каждого рельса выкрошены огромные куски металла. Ломом, молотом этого не сделаешь. Крошили аккуратно. Не дробили молотком, а подрывали. Куски рельс повыбиты с помощью взрыва. Толом.

Перед отступлением противник все, что можно, взрывал, поджигал, уничтожал. Многометровые рельсы на путях перебиты взрывными зарядами. Шпалы приведены в полную негодность. Балластный слой разворочен. Уничтожены стрелки. Подорваны и свалены телеграфные столбы. Какой-то мощный разрушитель пути оставил после себя жалкие обломки вчера еще целого полотна.

Потребуются не одни сутки, чтобы восстановить железнодорожный путь, пустить по нему поезда.

Невдалеке от железной дороги брошенные немцами огневые. Пустые гильзы, остатки укупорки. Фаустпатроны для борьбы с танками. Рак берет фаустпатрон в руки. Небольшая металлическая труба, внутри пороховая запрессовка. На конце трубы - кумулятивный снаряд. Сбоку прицельная планка. Она легко отгибается, ставится в вертикальное положение. Рядом с ней ударный механизм.

Саша кладет фаустпатрон на плечо. Прицеливается. Останавливаю его. Мне уже доводилось опробовать это простое, но небезопасное оружие.

- Осторожно. Пламя из фауста выбрасывается длинной струей назад. Сжигает все, что находится позади.

Танков у нас в дивизии нет по штату. Танковых частей нам обычно не придавали. Во всяком случае пока. Здесь песок, болота, слабый грунт, много озер. Противник снял с огневой позиции и увез орудие, а фаустпатроны, предназначавшиеся для борьбы с танками, бросил. Оставил на огневой артиллерийские снаряды, укупорку, какие-то мешки и корзины с барахлом.

Хвойная боровина, боровные леса

Впереди переправа. Батальоны перебираются через Полоту, на которой, как и на Двине, стоит город. Невольно вспоминается: Полота - рубеж нашей бывшей обороны и памятный рубеж истории нашей России..

Пытаемся блеснуть друг перед другом эрудицией:

- По Полоте и Полоцку дано имя. На Полоте тысячу лет назад жили полочане.

- Наши прародители. Славянское племя. Помнишь - дреговичи, вятичи, радимичи. Заодно с ними, на берегах озер, в лесных чащобах, вокруг Полоты, селились полочане. От полочан пошли кривичи, что когда-то строили села и городки в верховьях Двины и Днепра. Считается, что это они основали Смоленск. О полочанах писано в “Повести временных лет”.

История. Полоцк не раз переходил из рук в руки. Сегодня мы обходим седовласый Полоцк с севера. Город в клубах дыма. Разрушенные дома и мосты. Едва видны купола древних храмов.

Вслед за стрелковыми частями двигаемся лесными, полевыми дорогами. Пересекаем большаки. Кругом песок, могучие сосны. Отсюда имена сел - Боровуха (аж три Боровухи), Боровцы. В стороне от нас - Сухой Бор. Впереди - Борковичи, Борзилово, Заборье, Боры. И еще - Залесье, Замошье.

Сегодня Боровухи 2-я и 3-я - пригороды Полоцка.

Полки нашей дивизии - локоть к локтю с соседями - выбивали противника из города. Вели бои на его окраине. По радио услышали приказ Главнокомандующего с традиционным приветствием войскам и праздничным салютом. Вместе с другими соединениями, участвовавшими в освобождении города, дивизия получила почетное добавление к своему имени: стала называться “332 Иваново-Полоцкая стрелковая дивизия имени М.В. Фрунзе”.

В первых числах июля почти безостановочно двигаемся вдоль правого берега Двины. В ходе преследования отступающего противника было немало поучительного. Обход обороняющихся по болоту и неожиданный удар по ним с тылу. Ночное форсирование притока Двины перед Горовцами и последующее противоборство с немцами, пытающимися сбить наши батальоны, когда доходило до рукопашной. Упорные бои севернее Дриссы, значительные потери противника и последующая сдача в плен большой группы немцев – остатков 501 пехотного полка и других подразделений. Но об этом чуть позже.

Командование проводит частые перегруппировки. 9 июля 1 и 3 дивизионы передаются в оперативное подчинение 360 стрелковой дивизии. На следующий день наша дивизия приняла боевые порядки у 119 дивизии. Командиры батарей вели пристрелочный огонь. Из-за отсутствия горючего гаубичные и противотанковые батареи порой не могут своевременно сменить огневые позиции.

Доходило до рукопашной

10, 11 июля полки и батальоны дивизии на марше. Преследование - по большаку в полосе между железной дорогой Полоцк – Даугавпилс и текущей в северо-западном направлении Западной Двиной. Утром 11 июля перешагнули через небольшую речушку Перемерку и, полюбовавшись на красивейший городок Дзисну, вслед за 1119 сп подходим к реке. Это Дрисса. Ползет змейкой невдалеке от Двины. Подходы к реке лесом. По берегу густой кустарник.

Противник на правом берегу Дриссы. А соседа слева (Дзисна; левый берег Западной Двины) у нас практически нет. Соседние дивизии ушли далеко вперед. Нам нужно спешить. Быстрее выдавливать противника, двигаясь в общем направлении к Даугавпилсу.

3-й дивизион, поддерживая 1115 сп, сосредоточился в районе Смульково. Первая забота - наладить связь. На правом берегу реки полоса 1119 сп. Когда батальоны полка подошли к реке, увидели, что другой берег просматривается плохо. Берега покрыты густым кустарником. Где противник – неясно.

Командир батальона майор Евсеев отправил на вражеский берег разведчиков. Вернувшись, они доложили - на той стороне тишина. Комбат принимает решение – не поднимая шума, незаметно для противника перебраться через реку.

Река перед Горовцами сравнительно неглубока. С вечера разыскали брод. Батальон поротно спускается к воде. Солдаты сбрасывают сапоги, снимают гимнастерки, шаровары. Без лишнего шума перебираются через реку. Станковые пулеметы перевозят на лодках. Протягивают тросы. 45 мм пушку перетаскивают по дну реки.

С рассветом противник обнаружил наших солдат. Их появление оказалось полной неожиданностью. Роты Евсеевского батальона успели вырыть небольшие ровики, замаскироваться.

Немцы хотели сбросить наши подразделения в воду. Поставив на флангах пулеметы, противник попытался подойти к залегшим по берегу реки ротам. Но натолкнулся на ответный огонь. Минометчики забросали наступавших минами. Порой солдаты противника приближались к нашим ровикам вплотную. Доходило до рукопашной. Восстановить положение немцам не удалось.

Опираясь на небольшой плацдарм, перебрался на противоположный берег второй батальон, затем весь полк. Немцы вновь вынуждены отходить.

Дивизия получает новую задачу. 1115 и 1119 полки принимают боевые порядки у соседа. Третий дивизион поддерживает 1115 стрелковый полк. Батареи, штаб дивизиона - оставляют район Смульково. Снявшись с прежних позиций, пехота и артиллеристы продолжают двигаться вдоль правого берега Двины.

Кому нужны оккупационные марки?

Солнечным утром подходим к южной окраине Дриссы. Перед нашим взором красивый городок. Безветренно, спокойно, необычно. Протянувшийся вдоль реки город Дрисса известен по событиям Отечественной войны 1812 года. Здесь стояла одна из русских армий, которой надлежало задержать войска Наполеона. Лагерь под Дриссой, в излучине Двины, вошел в историю. Но столкновения с французскими войсками тогда не случилось.

Мы подошли к городу с южной стороны. Останавливаемся на небольшом возвышении. Рядом довольно глубокая выемка. Видимо здесь добывали песок или глину. Потом забросили. Вместе с новым начальником связи дивизиона Трофимом Плужниковым рассматриваем городские кварталы и домики в бинокль. Город как будто вымер. Немцев в городе нет. Не видно и жителей.

Нам показалось это довольно странным. Жители ушли, вероятно, потому, что опасались оказаться под обстрелом. Боялись, что противник использует город в качестве опорного пункта. Но почему немцы оставили город?

(Напомню: левый берег Двины, уже был освобожден нашими войсками. И это, несомненно, облегчало действия дивизий, преследовавших противника по правому берегу реки. Но мы почему-то не в полную меру использовали подобное преимущество).

Утром 12 июля с группой разведчиков и связистов - Кязимом Садыховым, Борисом Камчаткиным, Сергеем Коренюгиным, Глебом Захаренко - входим на южную окраину Дриссы. Вслед за нами подтягивается один из батальонов пятнадцатого полка.

Как обозначить, что мы первые, хотя бы и в пустом городе?

- Надо попросить Модина, чтобы он отразил в донесении.

Переглядываемся и понимаем, что наши замыслы не к месту. И отказываемся от честолюбивого стремления вписаться в историю Дриссы.

Двигаемся по пустым улицам. Под ногами битое стекло, куски провода, осколки посуды, клочки бумаги, старых газет. Обломки досок, деревянная и металлическая укупорка.

Наше внимание привлекает двухэтажное здание. Его покинули, вероятно, пару часов назад. Двери настежь. Внизу центрифуга и пустые бидоны. Поднимаемся на второй этаж. Там конторское помещение. Столы, пишущая машинка, какие-то бланки, квитанции на столе и полу.

Разведчики Василий Чуркин, Борис Камчаткин предлагают:

- Неплохо бы посмотреть, нет ли чистой бумаги.

- Давайте, попробуем. У немцев в блиндажах, кроме журналов и свечей ничего путного не найдешь. А тут небольшое хозяйство. Для отчетности, бухгалтерии нужна бумага.

Заглядываем в ящики письменного стола. Открываем шкаф - пусто. Рядом перевернутые стулья. В углу металлический сейф.

Но сейф заперт. Подоспевшие солдаты быстро справляются с замком. Заглядываем внутрь. На полках какие-то отчетные документы. Нам же до зарезу нужна бумага. Не хватает канцелярских принадлежностей, обычных чернил. А тут накладные, исписанные вдоль и поперек гроссбухи. В самом углу бумажные купюры и мелочь (марки и латы).

Вздох разочарования. Деньги нам ни к чему. Вот если бы удалось найти хотя бы немного чистой бумаги, карандашей, тетрадей. А кому нужны немецкие марки?

В ход пошли гранаты

Город постепенно оживает. Пехота, артиллерия, средства обеспечения прошли Дриссу. По понтонному мосту перебрались на правый берег реки, которая впадает в Двину.

Задача полка - разведать состав и группировку немцев по реке Сарьянка. Вперед выдвинута одна рота.

Пятнадцатого июля батальоны 1115 полка вошли в соприкосновение с противником в районе Покоевцы - Устье - Заборье.

Во второй половине дня обстановка усложнилась. До сих пор мы преследовали отходящего противника, теперь на рубеже рек Ужица - Сарьянка немцы сколотили сильный кулак и перешли в контратаки. Удары атакующих поддержаны плотным огнем.

Наши стрелковые роты попятились. Передний край растянулся вдоль берега Двины. Здесь окопались стрелки, пулеметчики пульроты, расположилась командные и наблюдательные пункты.

Прижав нас к берегу, немцы пытались рассечь боевой порядок, сбросить роты в реку.

Картина несколько необычная. Сидим в ровиках по гребню высокого берега. Передвигаемся, маневрируем по-над берегом. Здесь, внизу, пункты медицинской помощи, огневые минометной батареи, узлы связи. Сюда по берегу из района Боровки и леса, что южнее, доставляют боеприпасы, мины, термосы с обедом и чаем, короче - все необходимое.

Наблюдательный пункт дивизиона невдалеке от командного пункта командира 2 батальона. Чуть позади ровика командира дивизиона радист с коротковолновой радиостанцией. Справа от него я с разведчиками.

Харитошкин корректирует огонь. Снарядов в обрез. Особенно гаубичных. Дефицит горючего. Взвод боепитания на полную катушку использует конную тягу.

Комков, Садыхов ведут огонь из автоматов. Немцы вплотную приближаются к нашим ровикам. Временами положение становилось критическим. Короткие паузы использовались для пополнения патронов и гранат.

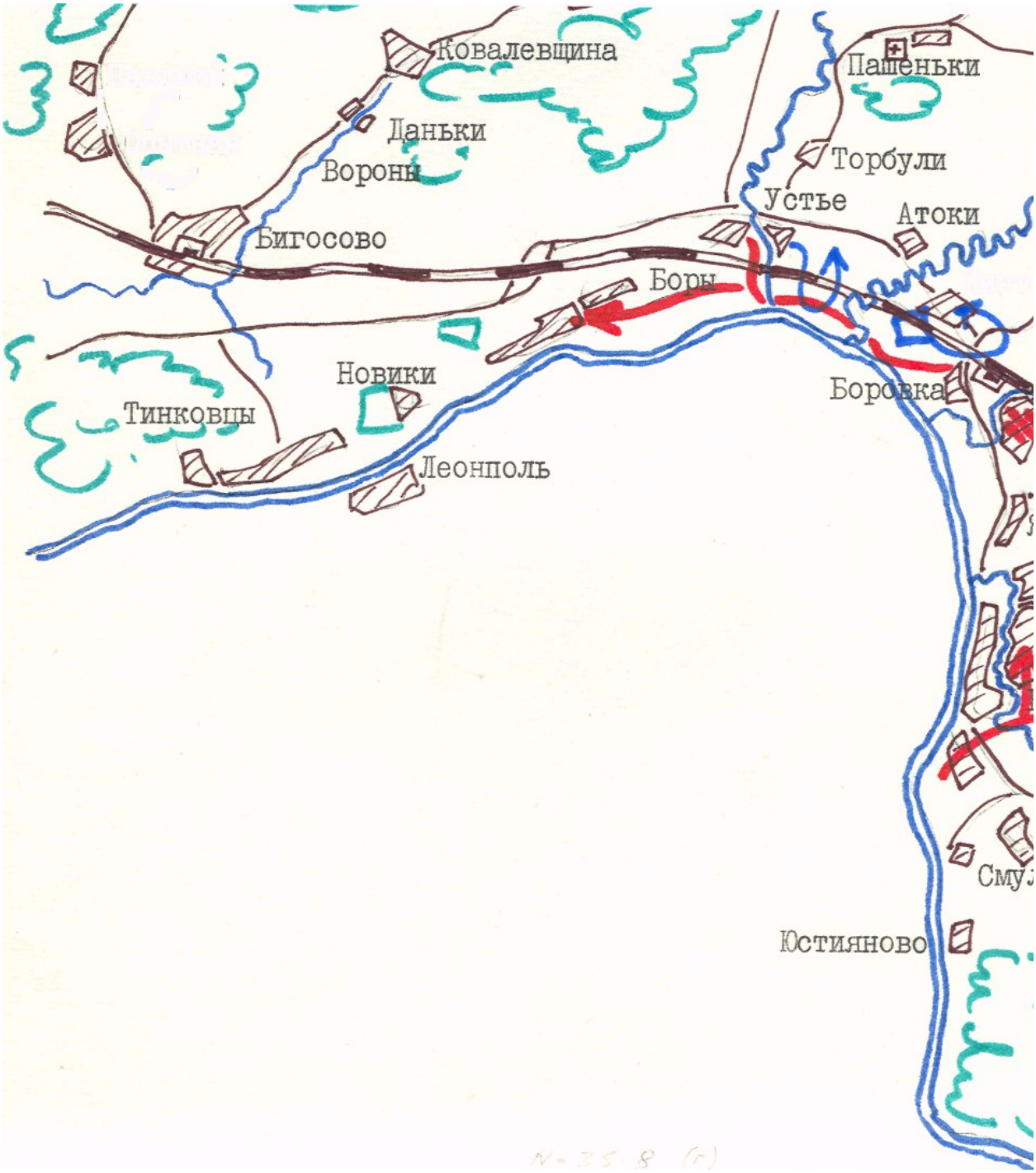
Около двух ночи снова атака. Ночь безлунная. Атакующих не видно. Об их маневрах догадываемся по характеру стрельбы, шуму, выкрикам.

Картофельное поле, по которому двигаются немцы, иногда освещают разрывы мин, гранат. Минометчики усиливают огонь. Их «самовары» стоят почти вертикально, мины рвутся буквально метров в сорока от огневой. Немцы не в силах преодолеть наш огневой заслон.

Ротный, что расположился невдалеке от нас, громко чертыхается:

- Совсем опупели. Прут словно чумовые.

- Да их, верно, накачали. Пьяные прут, несмотря на огонь.



На рисунке схематически изображена обстановка северо-западнее Дриссы (Верхнедвинска) в июле 1944 г. Отражение ночных атак противника, поддержанного танками и авиацией.

В ход идут гранаты. Солдаты противника вынуждены залечь. Постепенно откатываются назад.

Нас хорошо прикрыли минометчики. Где-то слева шум, ругань, борьба. Кто-то скатился вниз, к реке. Чуть позже прояснилось: наши солдаты, выдвинувшись вперед, прихватили пленного. Немецкий солдат из 501 пехотного полка показал - полку приказано любой ценой восстановить оборонительный рубеж по берегу реке Сарьянки.

Пауза. Огонь притих. Обмениваемся короткими репликами:

- Отлуп знатный. Запомнит фриц Дриссу.

Главная забота - боеприпасы

В полукилометре от нас, в районе железнодорожной станции бой не стихает. Пехоту немцев поддерживают несколько танков. Слышен шум двигателей. Пушечные выстрелы. Не прекращается пулеметный огонь.

Сосед справа вынужден немного отойти. Зацепившись за насыпь, солдаты пытаются остановить атакующих. Немцы угрожающе близко подошли к огневым позициям седьмой и восьмой батарей. Узнаем по рации: огневики готовятся вести огонь прямой наводкой.

Всматриваемся в темноту. Кончилось или пойдут снова? Садыхов, как всегда, невозмутим. Удобнее пристраивает гранаты. Камков свернулся клубком не дне ровика, пытается подремать. Харитошкин связывается с начальником штаба дивизиона. Сегодня главная забота - боеприпасы. А теперь усложнилось и у огневиков. Туда направляется один из комбатов.

Спустя час - полтора снова немецкая контратака. Труднее всего левому флангу. Но отступать некуда. Люди поверили в себя. Атакующие дважды приближаются к ровикам обороняющихся и, не выдерживая отпора, откатываются назад.

Ближе к утру атаки прекратились. Немцы подбирают раненных, вытаскивают с поля убитых. Наши пехотинцы прислушиваются. Отвечают редким огнем.

Харитошкин выходит на связь с Модиным. Тот докладывает, что поправить положение с боеприпасами пока не удается. Добавляет, что по имеющейся информации к нам направляется командир артполка полковник Крамаренко.

По местам боев. Надпись на памятнике: «Здесь в июле 1944 года воины 332 стрелковой дивизии – командир полковник Егошин Т. Ф. – трое суток вели бой с гитлеровцами за освобождение города Верхнедвинска»

Рано утром на наш наблюдательный пункт прибыл командир полка. Короткое приветствие. Харитошкин докладывает об обстановке. Мне приказывает помочь разместить комполка и обеспечить его прикрытие:

- Твоя задача - прикрыть “первого”. Садыхова с двумя разведчиками размести вокруг. За “первого” отвечаешь головой.

Переговорив с командиром дивизиона, командир полка предложил:

- Свяжитесь по рации с Ивановым - комбатом-5. Если потребует обстановка, разрешаю привлечь огонь пятой батареи.

- А как у Иванова с боеприпасами?

- Не густо. Как и у вас. Пушечных - половина боекомплекта.

- Координаты пятой батареи?

- Достаньте карту. Вот точка. 300 метров восточнее окраины Боровка.

Мне подумалось, что приход Крамаренко на НП дивизиона, практически в батальон, который отбивался от наседавших немцев, дело, если не напрасное, во всяком случае - рискованное. Понимаю, что командир полка хотел не только оценить ситуацию, увидеть, что происходит, собственными глазами. Но прежде всего поднять дух, настроение, уверенность. А может быть чем-то помочь, хотя его возможности, скажем, подбросить снаряды, ограничены.

Позже убедился, что подобные выходы были в стиле командира полка. “Хвостов” с собой брать не любил. А выходы на передок представляли не исключение, а, скорее, правило, норму работы по управлению полком.

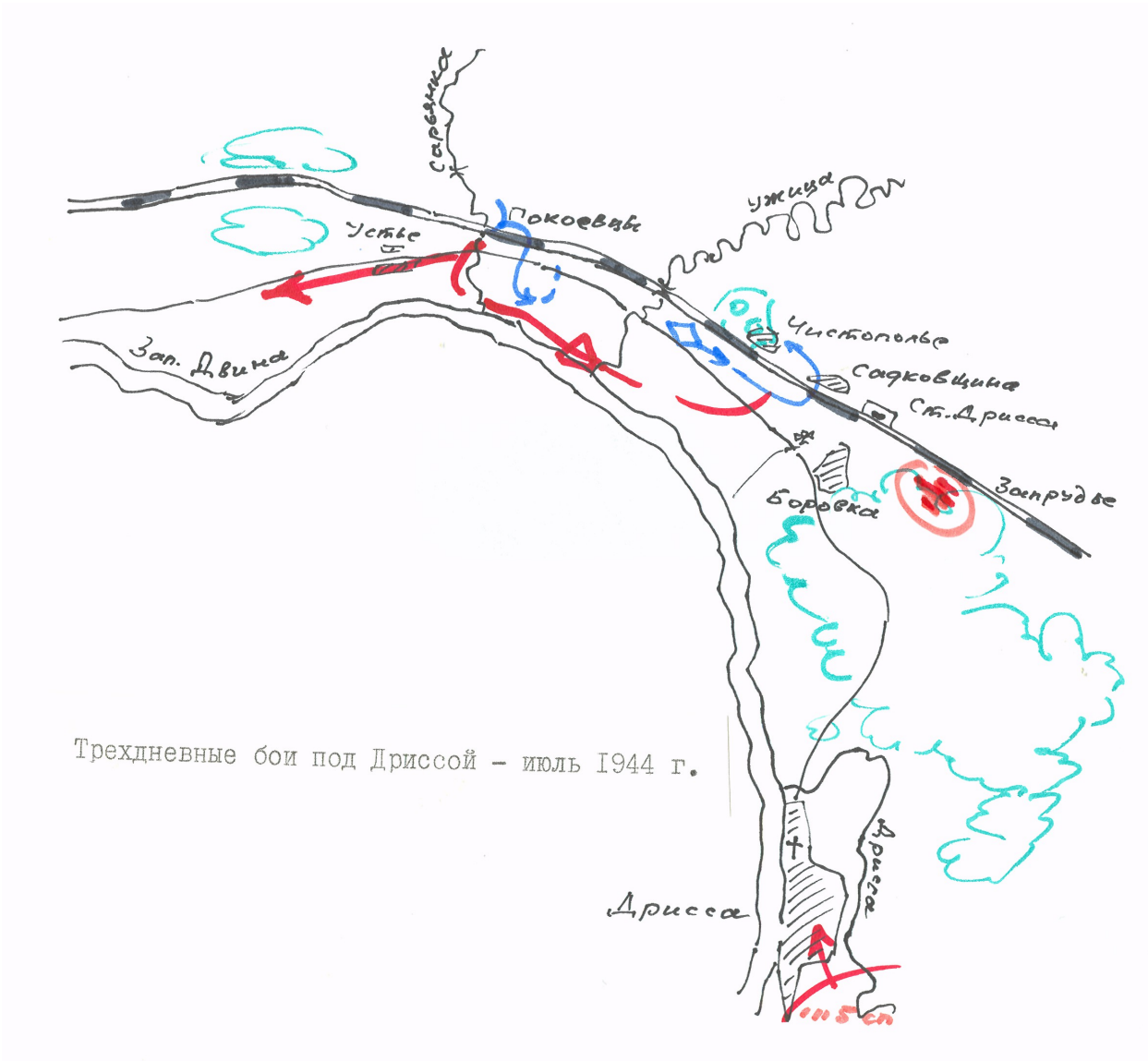
Стояли насмерть пограничники

Из журнала боевых действий: “Во второй половине дня 15.7.44 и в ночь на 16.7 противник обстреливал боевые порядки нашей дивизии сильным ружейно-пулеметным и артиллерийско-минометным огнем, выпустив до 4000 снарядов и мин разных калибров”. (Что касается количества выпущенных снарядов и мин, то автор, пожалуй, преувеличил). "Предпринимал контратаки, поддержанные сильным артиллерийско-минометным огнем, танками и авиацией”.

Танки действовали метрах в пятистах от нас, в районе Чистополье - ст. Дрисса. Два немецких самолета наносили удары по “коммуникациям” полка в районе водокачки.

“В 2.00 16.7.44 из направления Шатрово 1-е противник дважды контратаковал 1115 сп, но не добившись успеха, отошел в исходное положение”.

Впереди Бигосово - памятный рубеж “старой” границы. Здесь в июне сорок первого приняли первый удар бойцы пограничной заставы. На пригорке, невдалеке от погранзнака, обнаруживаем старые, полуразвалившиеся окопы.



Еще одна схема, напоминающая об ожесточенных боях под Дриссой – июль 1944 г.

Просевший дот с обшарпанной цементной бойницей. На дне траншеи - обломки металла, простреленная каска, патронные гильзы.

Под ногами что-то хрустнуло. Осторожно выбираемся наверх.

- Неужели останки погибших? В том, первом бою?

- Так до сих пор никто не похоронил. Остались лежать в траншее.

Надо бы что-то сделать. Но что мы, офицеры 332 дивизии, могли в то время? Жителей кругом нет. Их либо убрали немцы, либо сами попрятались. На период заварухи пережидают где-нибудь в лесу.

Комроты, старший адъютант батальона и я - не сговариваясь - вскидываем вверх автоматы. Короткая очередь в память погибших защитников заставы.

Пленных 142 солдата и офицера

После напряженных схваток под Дриссой в дивизии появились приданные ей тридцатьчетверки. В оперативное подчинение командующего артиллерией переданы два минометных дивизиона.

Танки вырвались вперед, не дождавшись пехоты. Стрелковые батальоны остались позади. Ранним утром, в узком речном дефиле, танкисты напоролись на немецкую засаду. Из загоревших машин выскочили ребята в черной замасленной обмундировке. Медики подбирают обгоревших и раненных.

Солдаты батальона рванулись на помощь. Но немцы уже ушли, увезли и свою пушку. Опоздали!

В направлении латышской границы выдвинулся взвод дивизионной разведки. Автоматчики. Молодые парни. Их задача - определить, где противник, что делает.

Группа наших офицеров толпится на пригорке. Солнечное, теплое утро. Тишина. Немцы не обнаруживают себя.

Неожиданно из-за лесочка медленно высвечивается и взбирается на открытое место неизвестная группа. На фоне голубого неба - темные силуэты. Длинная цепь. Один за другим, в затылок друг другу. Немцы!

- Кто это?

- Да они без оружия.

- Неужто пленные!?

Офицеры побросали свои дела. Все внимание на приближающуюся цепочку. Кто-то из немецких солдат держит над головой белую тряпку. По сторонам цепи - четверо наших автоматчиков.

Офицеры стрелкового полка в недоумении:

- Вот это сюрприз.

- Кто же их прихватил?

Впереди шествует старшина. У него в руках трофеи - полная шапка часов. Немцы складывали оружие, а старшина собирал наручные и карманные часы.

Но вот кто-то из нашей группы запускает руку в трофейный гарнитур и вытягивает оттуда часы. За ним другой любитель трофеев. Пример заразителен. Старшина пытается прикрыть треух с часами, затем взмаливается:

- Товарищи офицеры! Так же нельзя. Поимейте ввиду - с меня спросят. Куда, дескать, подевал?

- Куда тебе столько?

- Да не мне. Нужно сдать пленных, а заодно и часы.

Пленные фрицы - те самые, что двое суток атаковали нас. Пытались прижать батальоны к реке. А потом те, кто остался цел, решили - хватит. В цепи понуро шли рослые, крепкие парни. В плен привела схватка под Дриссой. Из пехотинцев, саперов, связистов, тыловиков сколотили боевую группу и бросили против наступавших. Немецкие контратаки завершились небывалыми потерями.

По сути произошла массовая сдача в плен во главе с офицерами. Впервые в истории дивизии была пленена столь крупная группа. Произошло это 17 июля 1944 года в районе Бигосово. В плен сдались 132 человека.

Немецкие атаки отражали солдаты 1115 полка, их соседи справа. А пленные достались ребятам из дивизионной разведки.

Лаконичная запись в журнале дивизии: “Захвачено в плен 132. Из них - три офицера, в том числе командир боевой группы - командир 656 саперного батальона 290 пд майор Бус Георг, два лейтенанта, 11 унтер-офицеров 501 пп 290 пд и полевого запасного батальона - 118 солдат”.

Что ждало под Краславой

Снова марш. Барсуки - Пиедруя - Краслава. Под Краславой немцы сумели на время заткнуть дыру. Без видимого успеха пытаемся сбить противника. После трехдневных боев, наконец, вошли в город.

Под Краславой мне попали в руки трофейные карты. Топосъемки двадцатых годов с уточнениями. Различия с нашими картами небольшие, главным образом в начертании рельефа. В случае если на местности мало ориентиров, большие массивы леса, разбросанные там и сям почти одинаковые хутора, использование трофейных карт помогало лучше ориентироваться.

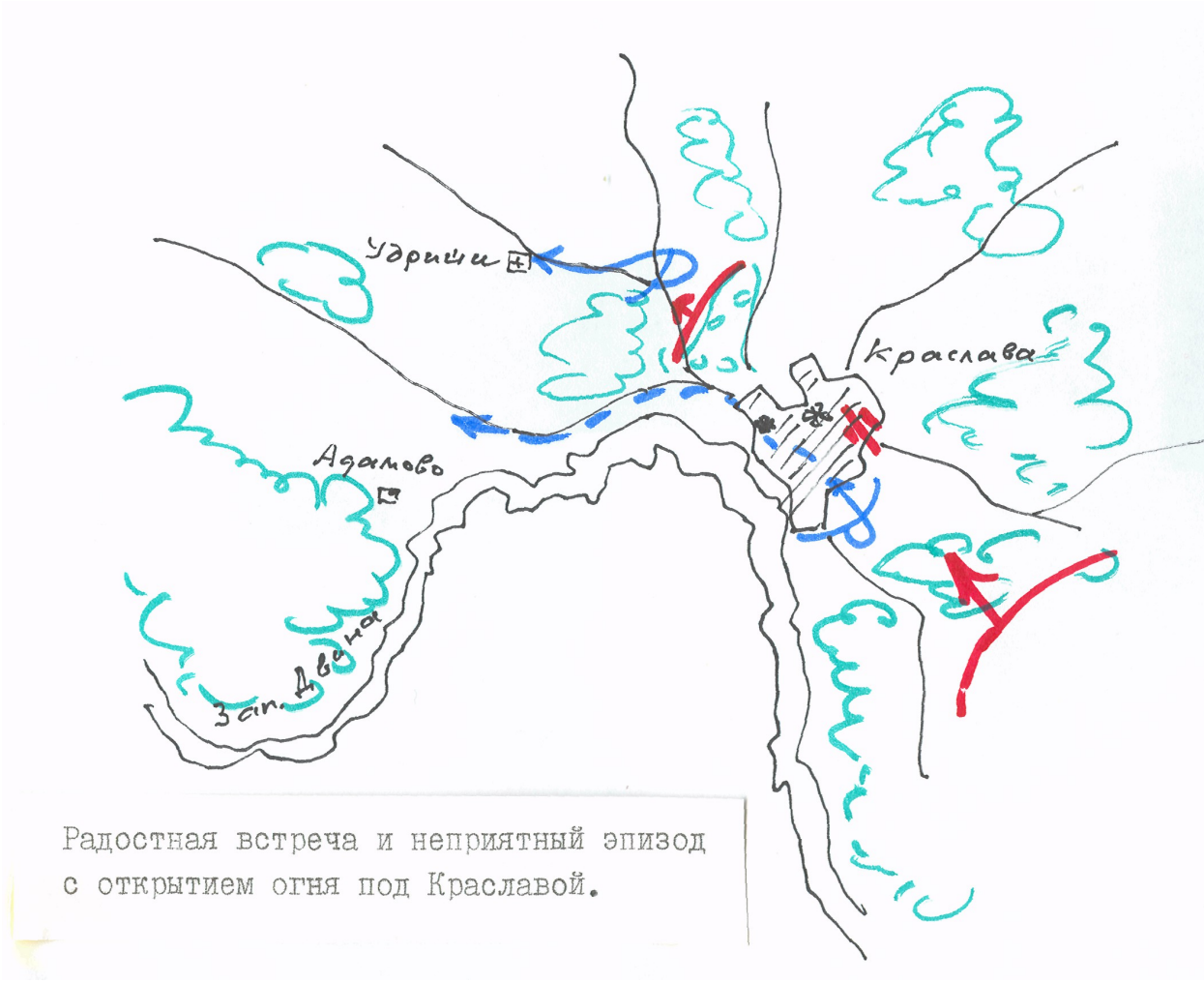
Увидев у меня немецкие топографические карты, начштаба Модин с некоторой долей иронии отозвался о моем занятии. У него масса забот, нет времени и желания манипулировать с трофейными документами.

Теперь я, как правило, пропадаю на наблюдательном пункте. Командира топографического взвода в дивизионе пока нет, и топографическую привязку проводят рядовые топографы - Марк Гоберман и его товарищи.

Под Краславой наблюдательный пункт соорудили на дереве. Настелили доски, установили стереотрубу, замаскировали. Противник огрызается артогнем, на НП, возвышающемся над землей, бывает неуютно. С наблюдательного пункта видны белые двухэтажные домики с красными крышами. Это самая окраина города. Не видно никакого движения. В саду слегка замаскированные окопчики. Но понять, где огневые точки, где солдаты противника, трудно.

Бой за Краславу почему-то не запомнился. Мы располагались в хвойном лесочке, искали «хорошие» цели. А немцы старались не обнаруживать себя. Пулеметный, винтовочный огонь, огневые дуэли слышались где-то слева, там, где проходила основная дорога в город. И вдруг команда - «вперед!», наша пехота уже в городе.

Краслава запомнилась радушием жителей. Встречали цветами, улыбками. Приглашали в гости. Спустя полчаса заработала кирпукла - парикмахерская. Почти в каждом доме на столе стояло небольшое угощение и бутыль с мутноватым, но крепким самогоном.



Теплая встреча и неприятный эпизод с открытием огня под Краславой

Машины и гаубицы восьмой батареи остановились почти в центре города. Двигаясь на наблюдательный пункт, встречаю старшину Петра Можарова, командира первого орудия. Интересуюсь, где старший на батарее Сергей Ворыханов?

- Они с комбатом в бане. Скоро вернутся.

Про себя с опаской замечаю: в походном положении долго оставаться нельзя. Орудия нужно без промедления ставить на огневую позицию.

Можаров то ли пытается узнать, то ли рассуждает:

- Вероятно, скоро снова двинемся вперед? В городе, наверное, долго не задержимся.

У меня свои заботы. Надо побывать на наблюдательных пунктах командиров батарей. Где они находятся? Как будто решили оборудовать один наблюдательный

пункт на двоих. Связи с ними пока нет. Командир дивизиона торопит – выбирай новый НП, разворачивай рацию. Свяжись с Модиным. Сам Харитошкин хочет побыстрее наладить взаимодействие с командирами батальонов.

«Почему не открыли огонь?»

Двигаю на северную окраину города. Здесь не оборудуем, а скорее обозначаем НП. Работать придется с батальонами 1119 полка. Город брали они. Теперь получили новую задачу – продолжать наступление, не дать возможности противнику закрепиться.

Связь по коротковолновой рации наладили быстро. Телефонной пока нет. Глеб Захаренко, его коллеги на НП не появлялись. Они не торопились разматывать кабель, а теперь не успевают наладить связь с огневыми позициями.

На наблюдательном пункте нас четверо: командир дивизиона, радист, разведчик и я. Сам наблюдательный пункт – неглубокий ровик на окраине яблоневого сада.

Командир дивизиона торопит:

- Подготовь данные для ведения огня. Оборона немцев на опушке леса. Я у командира батальона.

Траншея противника, протянувшаяся вдоль окраины небольшого лесочка, просматривается довольно отчетливо. Но конкретных целей, огневых точек не наблюдаю. Вести огонь придется просто по траншее. Разворачиваю карту. Принимаю по рации зашифрованные координаты и наношу огневую позицию восьмой батареи. “Семерка” отстала, она где-то позади, все еще на марше. Огонь буду вести гаубичными. Готовлю данные для стрельбы.

Передаю на огневую:

- СО-101! Буссоль. Уровень. Прицел.

- СО-102! Буссоль. Уровень. Прицел.

С огневой подтвердили:

- Принято.

Повторили, как полагается данные для стрельбы.

Слышу глухой хлопок и вижу, как над боевыми порядками нашего батальона взлетела красная ракета. Это команда начинать. Нужен короткий, пятиминутный артиллерийско-минометный налет по лесной опушке.

Передаю команду:

- СО-101. 20 секунд выстрел. Батареей. Осколочным. Пять снарядов. Огонь!

Небольшая пауза. Огня нет. Батарея молчит.

- В чем дело?

По рации что-то несуразное:

- СО-101? Такого огня у нас нет.

- Как нет?! Только что передали. Было принято!

По рации снова:

- СО-101 нет.

- Ворыханова к микрофону!

Небольшая пауза. Молчание. Вместо старшего по батарее у рации командир первого орудия:

- Можаров у рации.

- В чем дело? Где Ворыханов? Немедленно огонь! СО-101!

- Сейчас разбираемся.

- Некогда разбираться! Огонь!

Затявкали полковые минометы. Восьмая батарея по-прежнему молчит. Не могу понять, что случилось? Где же находится и чем занимается старший на батарее?

Ко мне приближается командир артиллерийского полка. Он вне себя:

- Почему нет огня? Где Харитошкин?

- Сейчас откроем. Что-то случилось на огневой.

- Немедленно огонь!

Константин Крамаренко буквально вне себя. Хватается за пистолет:

- Огонь! За невыполнение боевого приказа - расстрел!

Я понимаю негодование комполка, но стараюсь сохранить спокойствие. Командира полка пытается успокоить замполит подполковник Даниил Куликов. Он также на наблюдательном пункте.

Нужно немедленно открыть огонь! Беру в руки микрофон. Повторяю по рации прежние команды.

Наконец, заговорили гаубичные орудия. Пошли, прошелестели над головами гаубичные снаряды. Но почему одиночные? Была команда: «батареей огонь!». Силюсь понять, что же происходит там, на огневой? Понадеялись на авось? Не перевели гаубицы с походного в боевое положение? Идиоты! Вот тебе и Краслава.

Повторяю снова:

- Батареей огонь!

И пытаюсь увидеть, что делает наша пехота. Редкая цепочка наших солдат пока лежит на исходной позиции. И вдруг кто-то из офицеров стрелкового батальона поднимается во весь рост. Произносит громко, разочарованно:

- Фрицев нет! Траншеи пустые. Ушли.

- ??

- Вернулись полковые разведчики. Доложили: противник отошел; окопы брошены. Его отход прозевали. Сейчас пойдем вперед. Хватит, не надо огня.

С облегчением передаю по рации:

- Отставить!

Круто развернулся, отошел в сторону Крамаренко. Закурил и предлагает трофейные сигареты Куликов. Возвратился командир дивизиона Харитошкин. Молчим. Пехотинцы продвигаются к опушке леса, к окопам, где сравнительно недавно были немцы. Слышно, как жужжат пчелы. Стоим в яблоневом саду. Кто-то пробует надкусить недозревшее яблоко.

Спустя некоторое время появляется женщина, очевидно, - хозяйка дома и яблоневого сада. Обращается с каким-то вопросом к офицерам. Предлагает побывать у нее в гостях позже. Сейчас яблоки кисловатые. Но скоро созреют. Это очень хороший сорт.

Прихожу постепенно в себя. Подкачали - и при том крупно - огневики. А я подставился. Взялся поработать за командира батареи, а не разобрался, что происходит на огневой, чем занимаются огневые расчеты.

Что вынес из случившегося командир полка? Догадываюсь, что его “подогрел” разговор на повышенных тонах с командиром стрелкового полка. Традиционные упреки

“стрелкачей” по поводу и без всякого повода - “Виноваты во всем артиллеристы. Не поддержали огнем” - надоели не только ему.

Огибая Даугавпилс

От Краславы рукой подать до Двинска (Даугавпилса).

Во время стремительного марша противника не видели. На подступах к городу, когда приблизились к большаку, напоролись на немецких автоматчиков. Колонна восьмой батареи – четыре студебеккера с гаубицами и один фордик с боеприпасами – остановились в поле, в полукилометре от лесного массива. В этот момент на опушке леса появились вражеские автоматчики, открывшие огонь по колонне.

От неожиданности огневики выскочили из машин, попытались укрыться в придорожных кюветах. Чуть замешкался и был тяжело ранен командир взвода управления Володя Дорофеев. Спасти его не удалось. Я вернулся в батарею, когда Володю уже похоронили. К вечеру, заняв огневые, в память Владимира Дорофеева дали троекратный залп по противнику.

Батареи обошли город стороной. Ночью двигались по лесопарку Вабельская дача. Студебеккеры с гаубицами рассредоточили. Фары машин прикрыты синими колпаками с короткими прорезями. Включать свет нельзя. Опасались обнаружить себя. Лесная дорога петляет; в темноте можно наскочить на дерево. Чтобы вновь не нарваться на вражеских автоматчиков, выдвинули небольшое охранение и выслали вперед разведку.

Ефим Раухваргер предложил:

- Берем карманные фонари. Ложимся на крылья машин. Включаем на несколько секунд свет, чтобы водитель мог продвинуть машину чуть вперед. И так короткими рывками проведем батарею к лесной поляне, где поставим на огневую.

Командир батареи ложится на правое, я - на левое крыло первой машины. Позади нас, на других машинах, такую же подсветку осуществляют старший на батарее, командиры орудий. Интервалы между студебеккерами по полсотни метров.

Проковырялись всю ночь. Батарею удалось скрытно вывести в заданный район. Огневые установили к утру.

По конной батарее

Ночь прошла без сна. Вместе с пехотой выдвинулись на северную кромку лесопарка. Едва рассвело Харитошкин, с ним радисты, разведчики устраиваются на временном наблюдательном пункте. Ночью пролился небольшой дождь, прямо перед нами сверкала лужицами полевая дорога. Невдалеке хутор, посадки, небольшой сарайчик.

Мы расположились в десяти-пятнадцати метрах от нашего переднего края, протянувшегося вдоль полевой дороги, на краю лесного массива. Здесь разместился батальон 1115 полка. У пехоты благодушное настроение. Непосредственного соприкосновения с противником нет. Ясное утро. Сквозь кроны сосен пробиваются солнечные лучи.

Командир дивизиона, как всегда, озабочен:

- Свяжись с огневой. Пристреляешь репера.

Подсаживаюсь к радисту. Он уже поймал с огневую. Крутим ручку вариометра. По коротковолновой рации передаю на "восьмерку":

- Батарею к бою! Принимайте данные.

Передо мной широкое поле, кое-где недавно вспахано. Выбираю репер: поперек поля - угол канавы, рядом - отдельное дерево.

Харитошкин решил побриться. Потом занялся завтраком. Как обычно, жареный картофель со шкварками и традиционные сто грамм.

- Начинай. Поработай без меня.

Подаю команду. Первый снаряд лег довольно близко от репера. Делаю небольшой доворот, и наблюдаю облачко разрыва почти у угла канавы:

- Записать установки: угломер, прицел. Репер номер один.

Вношу небольшие коррективы. Снова разрыв - около одиночного дерева.

- Установки... Репер номер два.

Докладываю:

- Репера пристреляны. Установки записаны. Огонь вел гаубичными.

Теперь можно и позавтракать – у меня пшенная каша.

И тут неожиданно - небольшое движение, какой-то шум. И вдруг прямо перед нами, на полном скаку по мокрой от дождя дороге конная батарея. Трехорудийная 105-ти миллиметровая. Немцы!

Не мешкая ни секунды (я у рации, расчет у орудий!) - открываю огонь. По батарее! Не одним, а всеми четырьмя стволами «восьмерки».

Делаю доворот от репера:

- Левее 0-10. Прицел шестьдесят четыре. Два снаряда. Беглый, огонь!

И по-прежнему точно по цели - первые же разрывы по конной батарее. Прямое попадание во второе орудие. В коней и верховых.

Оказывается, они ночевали где-то недалеко от нас, в небольшом овражке. Когда начал вести пристрелку, немцы услышали разрывы, очухались и рванули на полном скаку из своего оврага. Где находимся мы, они не успели разобраться. Хотели как можно быстрее проскочить, двинув по полевой дороге. Мимо нас, мимо солдат, которых не сразу обнаружили.

Невероятно! Сам не верю в удачу: батарея накрыта. Поражена в движении. Не удалось проскочить!

Немецкие солдаты повскакали с коней. Бросили орудия. Подбирают раненых. Рванули в сторону, в поле. Опомнились, и скорее ползком - подальше от разбитых орудий, от упавших коней, от нашего огня.

А тем временем новая неожиданность. И не победные восклицания, а ругань. Матерится командир батальона:

- Кто стрелял? По моим солдатам? Кто вел огонь? Где эти пушкари?

Мне бы продолжать радоваться удаче. А я тороплюсь прикрыться. Знаю я эту пехтуру. От нее артиллеристам главные неприятности.

Поворачиваюсь к радисту:

- Отключи рацию. Убери антенну! Отключись!

Теперь можно перевести неудовольствие батальонного на других. Как можно спокойнее, во весь голос поясняю:

- Товарищ майор. А ведь огонь вели минометчики.

- Кто? Кто?

- Неужели не в силах отличить артиллерийский огонь от минометного? Можно, казалось бы понять, кто вел огонь. Пушечный выстрел резкий, бьет как хлыстом по голове. А мины летят мягко, выстрел у них глухой.

Доволен, что отвел удар. Огонь-то велся гаубичными. У них звук выстрела и шум от полета снаряда не тот, что у 76-ти миллиметровой пушки. Гаубичный снаряд шелестит, хлопок от выстрела глуховатый. Можно - при необходимости - и спутать со ста двадцати миллиметровой миной.

Теперь очередь оправдываться минометчикам. А минометчиков поблизости нет. Вроде они поспешили смыться.

Тут же двигаю в батальон, к солдатам. Надо выяснить, кого и как задело. Оказывается, задело двоих. Сравнительно легко. Их перевязывают, и они своим ходом направляются в санбат.

Теперь вижу, что, очевидно, поспешил с перестраховкой. Как быть?

Возвращаюсь к командиру дивизиона:

- Там ничего страшного не произошло. Легко задело двоих. Они лежали рядом с дорогой, по которой пыталась проскочить немецкая батарея. Огня по ней не открывали.

Командир дивизиона не разделяет моего оптимизма:

- Сам же отказался, Теперь не рыпайся.

- Но все же. Влупили здорово сходу. Такое не часто удается.

- Говорю не шебуршись. Свалил на минометчиков и правильно сделал. Впереди еще много всего. С пехтурой, сам знаешь, лучше не связываться.

- Жаль. Пехота проспала, ни один солдат огня не открывал.

- Считай, договорились. Иди подзаправься.

А что писала дивизионка

Между тем немецкие солдаты, бросив орудия, перестреляли коней, чтобы они не достались нам. С нашей стороны на телах подбитых битюгов - ни одной пулевой отметины.

Ползком, перебежками, по канавам, немцы отходили. Их никто не преследовал.

Осматриваем брошенные немцами пушки. Второе орудие повреждено - прямое попадание. Два других целехоньки. Снаряды в передках на месте. Разворачиваем трофейное орудие. Какой-то старший лейтенант, видимо, из соседней части, помогает зарядить пушку. Производим несколько выстрелов в сторону отходящих фрицев.

Спустя пару дней еще сюрприз. Своего рода продолжение. Разворачиваем дивизионную газету («Фрунзевец»). Внизу первой полосы – подвальная статья. Заголовок: “Как наши пехотинцы уничтожили немецкую батарею”.

Скажу честно – ничего подобного просто не ожидал. И пожалел, что не решился вступить в спор с Харитошкиным. Работая много лет спустя в Подольском архиве, в отчетных документах дивизии и обоих полков (стрелкового и артиллерийского) я не нашел упоминания о подбитой нами немецкой 105-ти миллиметровой батарее. Будто ее никто и не уничтожал. Я свалил на «безвинных» минометчиков, а пехота не решилась приписать себе. Распекавший нас комбат не удержался и похвастался перед газетчиками.

Между тем так или примерно так должно было произойти. Раз от разбитой ими батареи отказались артиллеристы, то кто-то должен был принять на себя эту заслугу. Капитан Плаксин оказался пронырливее всех. С этим офицером, бывшим тыловиком, присланным за какую-то провинность на исправление в полк, пришлось столкнуться не раз, пока командир дивизии не отстранил его за безобразное командование батальоном.

Снова марш, форсируем Дубну

После памятного эпизода с немецкой батареей (район Першаки - Круторучи; 26 июля) небольшая задержка и марш. В течение дня с батальонами 1115 полка отмахали свыше сорока километров. С остановками, перестрелками, преодолением немецких заслонов, прочими неприятностями. Двинули с утра от озера Калупе до реки Дубны. Огневики безнадежно отставали; не хватало горючего.

Накануне Харитошкин наказал:

- Пойдешь с пятнадцатым полком. От Молодченко (командира стрелкового полка) не отставай. Находись постоянно перед глазами. Чтобы не обвиняли и не упрекали - артиллеристов с пехотой не было. Если потребуется дать огня, действуй по обстановке.

Подполковник Молодченко - командир 1115 полка. На хорошем счету. Боевой, активный, находчивый командир. Подстегивал командиров батальонов. Иногда сам ложился за пулемет. А в преследовании пятнадцатый полк обычно был впереди (пока не ранило самого командира полка).

Шагаю вместе с пехотой. Обозначаю артиллерийскую поддержку. В этот памятный день чисто моральную, психологическую.

На перекрестке дорог - задержка. Немецкий заслон. Молодченко направляет вперед автоматчиков:

- Постарайтесь окружить.

Когда наши подошли вплотную, немецких пулеметчиков след простыл. Пустые гильзы. Винные бутылки. Корзинная укупорка. Один из немецких солдат, спешно покидая свою позицию, разулся и сбросил сапоги. Убегал босиком.

Разведчик пояснил:

- В кустах у них мотоцикл был. На нем и отрывались от наших автоматчиков.

Ближе к обеду вторая задержка, на хуторе - церквушке. Здесь жил, очевидно, священнослужитель. Двухэтажный домишко. Конусная крыша, наверху крест.

Поднявшись на второй этаж, сравнительно недалеко, на опушке леса, обнаружили противника. Немецкие солдаты явно не ожидали нашего появления. Они остановились на дневку и готовились пообедать.

Наблюдаю в бинокль: увидев нас, немцы буквально забегали. Поставили на огневую позицию пушку. Затем свернули и прицепили к небольшой автомашине. Снова ставят на позицию. И опять снимают с огневой, подцепили к машине и увозят. Оставили несколько автоматчиков, артиллерийского наблюдателя, пулемет,

Мы развернули полуроту, решив сбить, а если удастся обойти немецкий заслон. Спускаюсь вниз и двигаюсь вместе с пехотинцами. Справа от дороги наши солдаты с двух сторон стремительно приближаются к немецкому пулеметчику. Тот прекратил огонь, и став на колени, поднял руки. А когда наши ребята приблизились почти вплотную, он вновь схватился за пулемет и скосил огнем одного из наших красноармейцев.

Что оставалось делать остальным наступавшим? Немецкий пулеметчик был тут же уничтожен, жестоко поплатившись за проявленную подлость.

В кустах у ручья обнаружили артиллерийского корректировщика, унтер-офицера. Попытался бежать в последний момент. С убитого сняли рацию, вынули питание, лампы. Стрелки поделились с нами - артиллеристами. Анодные батареи помогли немного пополнить дефицит.

К вечеру по дамбам и провалившимся пролетам подорванного противником моста группа солдат пятнадцатого полка перебралась на правый берег Дубны. Как действовать дальше? Немцы оторвавшись от нас, видимо, ушли далеко. Командир стрелкового полка связывается по рации с командиром дивизии:

- Вышли к Дубне. Реку форсировали. Группа наших автоматчиков - на правом берегу!

В штабе дивизии вначале не поверили:

- Подтвердите доклад. Сообщите точнее координаты. Действительно вышли к Дубне?

Затем приказ и предупреждение:

- Автоматчиков вернуть на наш берег. Полк вырвался вперед один. Соседей у вас нет. Остальные полки нашей и соседних дивизий сильно отстали. Займите круговую оборону. Не исключено, что подошли к Дубне раньше отступающего противника.

Молодченко разочарованно взглянул на стоящих вокруг офицеров. Отдал распоряжения. Показал, куда поставить сорокопятку и минометы.

Люди устали. Повалились прямо в поле, в рожь.

Ночью на правом берегу Дубны противник стремился всячески обозначить свое присутствие. По дороге, вдоль правого берега реки, немцы всю ночь гоняли старую, скрипучую повозку. При этом стремились произвести возможно больше шума. Этой “хитростью” хотели удержать наши войска от переправы на другой берег. Об этой его уловке мы узнали несколько позже.

Вернувшийся из плена

На берегу Западной Двины и Дубны небольшой город Ливани. К югу от него - лесное болото и торфоразработки. Туда, ближе к Дубне, перемещается наш полк. Когда подошли к торфяникам, навстречу вышел высокий, страшно исхудавший человек в полуистрепанной одежде. Назвал себя - пленный лейтенант, по гражданской специальности – инженер. Работал в лагере военнопленных на добыче торфа.

- Как попали на торфоразработки?

- Немцы использовали на торфянике пленных. Нас было человек семьдесят. Когда наши войска стали приближаться, я решил спрятаться в штабелях торфа. К этому готовился загодя. Собрал немного сухарей и картошки. Зарылся в штабелях и притаился. Выходил ночью набрать в лужице воды, оправиться.

- А где остальные?

- Пленных немцы угнали. Примерно неделю назад. Меня, очевидно, хватились. Искали с собакой. Слышал шум, крики, собачий лай. К счастью, не нашли.

- Один?

- Да, один. Питался остатками сухарей. Страдал без воды.

- Теперь вас направят на пересылку. Там проверка и когда подправитесь, возможно, попадете на формировку. Может попадете и в нашу часть.

- Просил бы разрешения - отправляйте не сразу. Мог бы чем-то помочь при освобождении города. Городские улицы, кварталы знаю хорошо. Надеюсь, принесу хоть какую пользу.

Дальнейшей судьбы лейтенанта (по гражданской профессии он назвался инженером) не знаю. Дня два он находился с офицерами полка. Стремился рассказать о неожиданностях, с которыми могли столкнуться в городе, размещении немецкого гарнизона.

На мундире пленного вошка

В эти же дни столкнулся с другим пленным. Немецким солдатом, который решил сдаться в плен.

Еще на левом берегу Дубны мы неожиданно наскочили на группу немцев. Боевые порядки - наши и противника – практически перемешались. Бегу с нашими разведчиками и солдатами стрелкового полка. В руках автомат, на плечах скатка. Сбоку планшетка с картой.

Впереди небольшая лощинка, мелкий ручей. Берег в кустах, кочках. Чтобы не упасть, отбрасываю в сторону сухие сучья, мотки проволоки.

Где-то впереди, в лесочке, на берегу ручья, должна расположиться наша промежуточная позиция – связисты, разведчики, рация. Выбегаю на открытое место; неожиданно прямо передо мной немецкий солдат. Буквально наталкиваюсь на него.

Немец опустился на колени, откинул в сторону карабин, поднял руки и, очевидно, ждет, что будет с ним дальше.

Натолкнувшись на фрица, невольно остановился. И удивленно смотрю. Внимание привлек его не первой свежести мундир. А на мундире - вошь. Черт возьми, летом! Знаю - немцы аккуратисты. А тут вошь. У нас ничего подобного летом не было. Бани, чистое белье, парилка для белья - это все в норме, как закон. С утра тщательное умывание. У солдат короткие прически.

А тут у представителя европейской цивилизации - нивесть что на мундире.

Солдат ждет. Напряженно смотрит. Отчего вдруг я остановился? О чем размышляю? И скороговоркой, стоя на коленях, пытается упросить, чтобы сохранил ему жизнь:

- Я из Австрии. Рабочий.

Про себя пытаюсь сообразить: рабочий, из Австрии, что из того?

Солдат, между тем, продолжает:

- Я женат. Дети. Трое детей!

Из внутреннего кармана выбрасывает веером пачку фотографий. Они рассыпаются по мокрой земле. Семейные снимки, какие-то бумаги, потертый бумажник.

До меня, наконец, дошло: солдат испугался моего удивленного взгляда, напряженного разглядывания, молчания. Я разглядываю мундир, а он смотрит на мои руки. А в руках у меня ППШ. Вдруг я не стану брать его в плен, а пущу тут же в расход. Очевидно, такие или подобные мысли крутились в его голове, когда он срывающимся голосом стремился меня разжалобить.

Но мне не до австрийского вояки с его грязным мундиром. Куда его деть? Не с собой же тащить в дивизион. Останавливаю пробегающего мимо солдата из стрелкового (пятнадцатого) полка:

- Забери пленного. Отведи на сборный пункт. Целого. Потом проверю! Там его допросят и отправят по назначению.

Догоняю своих. Мои разведчики ввязались в короткую перестрелку с немецкими автоматчиками и вскоре оторвались от них. К сожалению, тут же понесли неожиданную потерю. Чуть задержался на открытом месте, на небольшой переправе (мелкий ручей!) и погиб от случайной пули рядовой Алексеев, мой бывший топовычислитель. Он уже давно не мой подчиненный, я его редко видел. И теперь к вечеру горькое, печальное прощание.

Противник спешно покидает город, но стрелковые батальоны не торопятся перекрыть дорогу отступающим частям и обозам.

В лесном госпитале

На следующий день, в лесу, на правом берегу Дубны, меня ранило. Легко в левую руку. Я оставался за Харитошкина, когда неожиданно начался минный обстрел. А наши солдаты повылезали из ровиков и не обращали внимания на обстрел. Я буквально обозлился:

- Всем - в укрытие. Не маячить попусту.

Одного обругал, другого силой втиснул в ровик. Приказал в перерывах между обстрелами продолжать окапываться.

Возвращаюсь к своему окопчику. С ходу прыгаю в ровик, а в него тем временем забрался солдат из соседнего подразделения, что размещалось невдалеке от нас. Прыгаю и невольно оказываюсь на спине этого нахала. И тут же, почти над головами - очередной разрыв. Солдата прикрыл, а сам попал в переплет. В левую руку у самого плеча впился осколок мины. Руку как-то неестественно свернуло, она повисла. Из раны брызнул фонтанчик крови.

Пытаюсь понять, насколько сильно меня задело. И едва ли не первая мысль: слава богу – в левую руку. Правая цела!

Володя Блызкин накладывают жгут, делает тугую повязку. Дожидаюсь возвращения командира дивизиона. Докладываю, и меня отправляют в медсанбат, что на левом берегу Дубны.

После медсанбата - госпиталь для легко раненых, где пробыл недолго. ГЛР размещался в лесу, в палатках. Деньжат у ребят не водилось. Да и нечего и негде что-либо купить. Харч скудноватый. Пайка табаку урезана и во время не выдается.

Надоело сидеть часами в душной палатке без всякого дела. Когда стало невтерпеж, поведал о паршивой кормежке начальнику полевого госпиталя.

Тот поинтересовался:

- Куда, какое ранение?

- В руку. Слепое, осколочное.

- Можете поднять руку?

- Только до плеча. Когда извлекут осколок ?

- Это дело долгое. Раскромсаем руку. Вынимать кусок железа смысла нет.

- Осколок так в руке и останется?

- Закроется в “известковую подушку”. Вам же не окопы копать. Пока доберетесь до части, рука понемногу разработается. Будете двигать ею свободно, боль постепенно пройдет.

И в заключение:

- Судя по всему, Вам здесь не нравится. Торопитесь в часть. Завтра на выписку.

Впереди Рига

После госпиталя - обратно в свой полк.

Наша дивизия в начале августа была переброшена с правого на левый берег Западной Двины (Даугавы). Теперь ее полки действовали в междуречье Даугава - Мемеле. Переходя в новый район, дивизия оставалась в составе 4-й ударной армии. А 4-я ударная из 2-го Прибалтийского вновь перешла в состав 1-го Прибалтийского фронта.

Свою часть нашел довольно быстро. На переправе через Двину встретил офицеров из 4-й ударной. Они подсказали:

- Доберетесь до Нереты, а затем попутными машинами - по большаку. Дорога пойдет по берегу Сусеи.

Штаб полка разыскал по табличкам “Хозяйство Крамаренко”. От него до штаба дивизиона оставалось минут пять ходу.

Обрадовался, увидев знакомые лица однополчан. Обнялись с Володей Блызкиным. Переговорил с управленцами. Доложил Модину, заглянул в штабную землянку.

После короткого обмена впечатлениями, Модин предупредил:

- На твое место прислали офицера (лейтенанта Георгия Лезова). Он теперь на наблюдательном пункте с Харитошкиным.

- А как же мне?

- Не спеши. Как видишь, должность начальника разведки дивизиона занята. Если хочешь остаться в дивизионе, поработай пока на топовзводе. Тем временем обстановка прояснится. Успеешь еще покрутиться на передке.

Не хотелось вновь возвращаться на топографический взвод. Но уходить из своего дивизиона не улыбалось. Товарищи посочувствовали; решение остаться одобрили.

Наступательные бои велись фронтом на север - северо-запад. Впереди - Рига. Местность практически не изменилась. Озера, хвойные и смешанные леса, хуторская система - все, как на правом берегу, где мы действовали в июле - первых числах августа.

СМЕРТЬ НЕМЕЦКИМ ОККУП[АНТАМ!]

ФРУНЗЕВЕЦ

КРАСНОАРМЕЙСКАЯ ГАЗЕТА

Прочти и передай товарищу | Суббота, 19 августа 1944 г. | №175

Бить врага, как наши славные орденоносцы!

ПРИКАЗ

Верховного Главнокомандующего

Маршалу Советского Союза КОНЕВ[У]

Войска 1-го УКРАИНСКОГО фронта, форсировав[реку ВИСЛА в районе САНДОМИРА, в результате упорных б[оев, продвинулись вперед до 50 километров, расширили захваче[нный плацдарм на западном берегу ВИСЛЫ до 120 километров п[о фронту и сегодня, 18 августа, штурмом овладели городом [САНДОМИР— важным опорным пунктом обороны немцев на [левом берегу ВИСЛЫ.

В боях при форсировании ВИСЛЫ и за овладе[ние сандомирским плацдармом отличились войска генерал-лейт[енанта Пухова, генерал-лейтенанта Жадова, генерал-полковника [Гордова, генерал-майора Черокманова, генерал-майора Онепр[енко, генерал-майора Родимцева, генерал-майора Маков[ука, генерал-[Лебеденко, генерал-майора Пузикова, генерал-майора

НАГРАДЫ ОТЛИЧИВШИМСЯ

За образцовое выполнение боевых заданий [командования на фронте] борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество награждены:

ОРДЕНОМ КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ

Лейтенант Бартенев С. А.
Лейтенант мед. сл. Баранов П. П.
Сержант Басс В. К.
Лейтенант Бобров П. А.
Ефрейтор Дядькин Е. Н.
Лейтенант вет. сл. Иванов М. И.
Старший сержант Королев С. С.
Красноармеец Коренючин С. Н.
Лейтенант вет. сл. Морозов М. И.

В августе 1944 г. меня вместе с другими воинами нашей дивизии наградили орденом «Красной Звезды». Список награжденных был опубликован в дивизионной газете.

Но были и отличия. Если ранее полки дивизии, продвигались, как правило, на левом фланге армии (и фронта), то теперь - преимущественно на правом фланге.

Ранее, двигаясь от Полоты до Дубны, дивизия с приданными частями преследовала противника все время в одном направлении (по правому берегу Двины). Теперь ее часто перебрасывали с одного участка на другой. Полоса наступления менялась. Маневр следовал за маневром. Если в июле задача за некоторым исключением сводилась в основном к преследованию отступающих, то в августе-сентябре требовалось, прежде всего, прорывать оборону противника, не только наступать, но и обороняться, отражать контратаки.

Получив средства механической тяги, гаубичные батареи, истребительный дивизион стали намного мобильнее. Мы стали чаще взаимодействовать с танкистами. В воздухе практически полностью хозяйничала наша авиация.

По «шкале красных»

В должности командира топографического взвода, под началом начальника штаба пробыл всего несколько дней. Новому начальнику разведки дивизиона вскоре не повезло. Во время немецкой контратаки, подержанной танками, он угодил в огневой переплет, был ранен.

Вновь перемещаюсь на наблюдательный пункт дивизиона, но занимаюсь также привязкой огневых и наблюдательных пунктов, готовлю данные для стрельбы, участвую в пристрелке плановых (СО, НЗО) и неплановых огней. Когда дивизион включают в группы артиллерийской поддержки, работаю над документами.

В конце августа - начале сентября - трехнедельная оборона в районе слияния рек Сусея - Мемеле. Командование дивизии требовало: усилить оборонительные работы. Создать жесткую, непроходимую оборону.

Командир дивизиона приказал мне и комбату-8 Раухваргеру произвести пристрелку минного поля в стыке двух наших батальонов. Минными полями прикрывались фланги и разрывы в боевых порядках.

Пристрелять следовало не просто минное поле, а проходы в нем. Тут требовалась особая точность. Нельзя допустить, чтобы в результате пристрелки мины сдетонировали. Если это произойдет, противник сможет догадаться, где именно расставлены мины, где оставлены проходы в минных полях.

Наблюдательный пункт 8 батареи на опушке соснового леса. Отсюда хорошо виден участок поля, который надлежит пристрелять.

Вести пристрелку следовало по “шкале красных”. То есть не по обычной настильной, а по крутой траектории. По «шкале красных» снаряды вылетают из гаубичных стволов под большим, почти отвесным углом. При такой стрельбе достигается наименьшее рассеивание. Снаряды опускаются на цель как бы сверху, “падают с неба”. Но если при этом снаряд заденет какое-нибудь препятствие, например, ветку дерева, то разрыв может произойти буквально над головами корректировщиков.

Команды подает Ефим. Я наблюдаю. Для надежности данные готовим параллельно, потом сверяем.

Комбат подзывает к телефонному аппарату Ворыханова:

- Начинаем работу. Первое орудие - к бою.

- Готово.

- Одним снарядом. Осколочным. Огонь!

Первый же разрыв недалеко от цели. Небольшой корректив. Снова глухой звук гаубичного выстрела; снаряд прошуршал над нашими головами; разрыв точно в проходе минного поля.

- Все в норме.

- Ложатся как миленькие. Точно в проходе. Справа копна, слева кусты.

Проход в минном поле - перед глазами. В ходе пристрелки ни одна мина не детонировала.

Раухваргер решает - еще одним ударить по самому краю прохода:

- Левее 0-05. Прицел ...

Выстрел. Очередной снаряд летит к цели. И вдруг почти над нашими головами - разрыв. Вниз - осколки. Взрывателем задело за верхушку сосны! Снаряд разорвался не долетев до цели.

Словно оглашенные ныряем в траншею. Оглядываемся - как будто целы. Осколки разлетелись немного в стороне от нашего наблюдательного пункта. Повезло.

Прекращаем стрельбу:

- Записать установки.

Наносим на карту пристрелянную полосу. Отряхиваемся от земли, просыпавшейся с сосен хвои. Ефим докладывает Харитошкину о результатах проведенной пристрелки. О неприятной концовке помалкиваем.

В двух шагах минное поле

В середине сентября наши войска прорвали немецкую оборону и освободили город Бауска. 4-я ударная армия действовала на правом фланге. Ее соединения двигаются теперь на северо-восток, вновь к Даугаве. Район сосредоточения 891 ап после марша - Жукас. В последующем ось наступления Страутини - Бирзе - Аурмани.

Прорыв у Бауски осуществили соседи слева. Наши батареи только прибыли. Раухваргер и Миронов со взводами управления впереди. Теперь надо быстрее двигать в прорыв.

Модин переговорил по рации с Харитошкиным. Подзывает меня:

- Следующий рубеж обороны противника километрах в десяти. Времени в обрез. Через полчаса сюда подойдет восьмая. Встречай, связывайся с Ворыхановым.

- Задача? Маршрут?

- Возьми мою карту. Красным обозначены маршрут, район сосредоточения. Твоя задача - выбрать огневую позицию и поставить на нее батарею.

- Ворыханов в курсе?

- Команду получил. Теперь главное - найти удобное место. Прорывавшая оборону дивизия ушла вперед. Наша полоса - справа.

Дело к вечеру. Днем лил дождь.

Встречаю батарею. Взбираюсь в кабину первого студебеккера. Там - старший на батарее. Теперь мы в кабине втроем.

Осторожно проходим бывший передний край. Дорога разбита, но слегка наезжена. Под колесами липкая грязь, мелкие сучья, лапник, какие-то тряпки. По сторонам - предупреждающие таблички - мины.

Дорога сворачивает вправо. Дальше идет чистая, слегка наезженная полоса. Темнеет. Извилистой лесной дорогой выбираемся из леса на опушку. Двигаться дальше рискованно. Решаем поставить гаубицы на временную огневую. Размещаемся у самой кромки леса.

Машины маскируем в лесу на небольшой поляне. Там же “фордик” с кухней. Хозяйственное отделение на конной тяге подтянулось позже.

Ворыханов подзывает командиров орудий - Петра Можарова, Владимира Лозинского, Ивана Выдрицкого, техника-лейтенанта Василия Кукушкина. Приказывает накормить людей и отдыхать. Все устали. Кто-то заваливается в траву около гаубиц, не дожидаясь ужина.

- Отдыхать посменно, часовой - у каждого орудия.

Устраиваюсь рядом с огневой. Мне не совсем понятно, где именно проходил передний край. Судя по всему, мы его пересекли Но можно ли двигаться дальше по опушке леса? Проезжал ли здесь кто-нибудь до нас?

Ворыханов предлагает трофейное одеяло. Решаем с утра разведать и уточнить дальнейший маршрут.

Поднимаюсь, едва забрезжил рассвет. Повар готовит завтрак. Серое небо, постепенно рассеивается небольшой туман. Трава сырая. Не исключено, что опять польет дождь.

Прошелся вдоль опушки. Рядом с огневой позицией небольшое поле, полуразрушенный хутор. Яблони. Все заброшено. Заросло травой, сорняками, крапивой.

Двигаться, очевидно, следует вдоль леса. Прежде чем пройти несколько вперед по предполагаемому пути, хочу посмотреть, что представляет собой тропа, ведущая в поле. Судя по всему, ею давно не пользовались.

Прохожу мимо плодовых посадок. Пробираюсь через какие-то заросли, крапиву. Привлекает внимание полоса сена. Длинный, слегка закрученный виток почерневшего сена. Под ногами мокрая трава. Чуть в стороне расстелено по земле мокрое от дождя и утренней росы сено - старое, почерневшее от влаги и времени.

Останавливаюсь. Почему сено слегка закручено, почему выложено длинной полосой? Непонятно. Кому это потребовалось на заброшенном поле вытянуть ровную полоску сена?

Продолжаю осматриваться. Высокая трава, бурьян, редкие кусты. На траве - погибшая кошка. Рядом воткнуты слегка почерневшие деревянные колышки. Над самой землей протянута тонкая проволока.

Стоп. Не двигаться!

Удваиваю внимание. Понимаю, дальше идти нельзя. Жгут сена, рядом с неглубокой канавкой, проложен неспроста.

В двух-трех метрах от меня - мины!

Очевидно, полоса почерневшего сена не просто брошена; выложена здесь не случайно. Аккуратно уложенное кем-то сено – своего рода ориентир, возможно, граница минного поля. Сразу за полосой мокрого сена установлены прикрытые травой, кустами мины - противопехотные, прыгающие. Заденешь за проволоку, моментально сработает пиропатрон. Подбросит мину вверх - на пол метра или чуть выше.

Мины напоминают черные груши. Начинены шариками, обрезками металла. Их называют «лягушками». При касании проволоки шариковые мины взлетают вверх, а их содержимое (шарики!) на уровне ног или живота разлетается в разные стороны. Кошка, пробегавшая по полю, задела проволоку и подорвалась на прыгающей мине.

Продолжаю осматриваться. Чуть дальше – слегка выцветшие квадраты дерна. Под ними могут находиться нажимные или противотанковые мины.

Вот это сюрприз! Вчера вечером мы остановили и поставили батарею буквально в полусотне метров от минного поля.

Две-три минуты стою не двигаясь. Еще раз осматриваю район минного поля. Остатки разрушенного хутора. Яблони, битый кирпич, куски проржавевшего железа. Разворачиваюсь и с удовлетворением замечаю, что никто из батарейцев не двигается в сторону хутора.

Возвращаюсь обратно:

- Сергей Кондратьевич, в сорока метрах от нас - минное поле. Предупреди людей.

К счастью, личный состав еще отдыхает. Часовые у гаубиц. Дежурные по кухне помогают повару. Кто-то из шоферов возится с машиной. Но все это в стороне, в лесу, на небольшой поляне. К хутору и на поле с опасной начинкой никто не проходил.

Старший на батарее предупреждает командира второго огневого взвода, Кукушкина, командиров орудий:

- Расчетам, всему личному составу располагаться только в лесу и около орудий. К хутору и посадкам не подходить!

Решаем с Сергеем Ворыхановым - прежде, чем двигаться дальше, нужно тщательно разведать дорогу. Седлаем коней, беру с собой разведчика и отправляюсь

искать наиболее безопасный путь. Тем времена постараемся быстро накормить людей. И снимемся с опасного места.

Путь, по которому вечером и ночью вели батарею, наезжен и, видимо, безопасен. Но лучше лишний раз проверить.

Снова минные сюрпризы

Не проехали вдоль опушки и двух минут, как увидели впереди колонну автомашин. Двигается навстречу нам. Очевидно, иптаповцы. Батарея противотанкового дивизиона. Нужно предупредить, чтобы не сворачивали в сторону минного поля. Я и младший сержант Ганов всячески сигналим, размахиваем руками, кричим.

Не обращая внимания на наши сигналы, головная машина поворачивает в сторону. С лесной опушки она почему-то направилась в поле; как раз к минному полю. Ракетницы у меня нет. Достаю пистолет, стреляю в воздух. Но нас не видят или не обращают внимания на наши попытки предупредить об опасности.

Буквально на наших глазах головная машина наезжает на мину. Правое колесо разваливается. Из кузова выпрыгивают солдаты. Ранены офицер и водитель.

Спешиваемся, подходим ближе к колонне. Но наша помощь запоздала, теперь уже не нужна.

Спустя четверть часа возвращаемся к нашей батарее. Свободная от мин дорога разведана. Автомашины с гаубицами и хозяйственный взвод на конной тяге осторожно выводим из опасного района.

Мины, ловушки, сюрпризы - любимое занятие противника. При отходе немцы, как правило, минировали дороги, объезды, броды. В районе Нереты установили мины замедленного действия в дамбах взорванного моста. С расчетом, чтобы взорвать вновь сооружаемый нашими саперами мост.

Там же тщательно заминировали подъезды к броду через реку. Рядом установили ложные таблички “брод - разминировано”. Над заложенными минами оставили искусственный след колес. Как будто именно в этом месте безопасно, можно спокойно проехать.

При установке мин немцы не придерживались какой-либо одной системы. Порядок размещения мин, глубина, средства маскировки постоянно менялись. Применялось двухярусное расположение мин с небольшой прослойкой земли между

верхним и нижним ярусом. Если извлекался верхний ярус, нижний мог остаться незамеченным.

Я стремился не иметь дел с минными “прикрытиями”, с обезвреживанием коварных коробок с толовой начинкой. В этой области считал себя профаном. Но едва не попался на довольно элементарную ловушку.

Шел с промежуточной на наблюдательный пункт и где-то на стыке с правым соседом оказался невольным свидетелем танкового боя. Замаскированные на опушке два “фердинанда” пытались поразить наши тридцатьчетверки и тяжелые “ИС”. Наши били по немцам, но поразить немецкие машины, оснащенные цейсовской оптикой, не удавалось.

Танковая дуэль развертывалась чуть в стороне, справа от меня. А я заскочил в небольшой домик на краю леса. Внутри следы поспешного бегства, беспорядок. Цветы в горшках почему-то стоят на полу. На столе посуда с остатками пищи, стаканы и бутылка с мутноватой жидкостью. Самогон?

Останавливаюсь у двери. Продолжаю рассматривать незатейливое убранство. Мимо меня в дом прошмыгнул еще один любопытный - лейтенант, пехотинец. Его, очевидно, также привлекла бутылка. Что ж, думаю, дело твое. Если самогон - разберемся, поделим на двоих. Мне не к спеху, продолжаю наблюдать, как разворачивается перестрелка танковых экипажей.

Между тем лейтенант тянет руку к трофейному “самогону”. Слегка задел табурет, цветы. И тут последовал взрыв! Цветочные горшки вдребезги. От табурета - одни обломки. Покореженные табуретные ножки разлетелись в разные стороны. Взрывной волной ударило по ногам! Лейтенант оседает на пол. К счастью, отделался легко. Ушибы, легкая контузия.

Это была мина - сюрприз: толовой шашка спрятанная под табуретом. Что-то самортизировало взрывную волну. Бутылка с “самогоном” разбилась. Не исключено, что в нее был налит не самогон, а метиловый спирт.

Танковая дуэль завершилась. Достать немецкие машины нашим танкистам не удалось. А я поспешил вернуться к своим на наблюдательный пункт. Рассказал о «неудаче» с бутылкой самогона. Мои товарищи посетовали, что я вернулся без столь полезного и всегда желаемого трофея.

Опасность, риск сопровождали постоянно. Но что-то спасало. Удерживало от поспешных, неоправданных шагов. Помогало избегать неоправданных потерь.

Осторожности, основательности набирался у ребят восьмой батареи. Старший на батарее, несколько человек из орудийных расчетов прошли до конца войны, даже не получив ранения.

Вопреки разумному риску

По сравнению с дивизионной артиллерией, которая вела огонь преимущественно с закрытых позиций намного опасней работа противотанкистов. В противотанковом дивизионе - отборный народ. Молодые, смелые ребята. Приоритетное снабжение. Надежная радиосвязь. 76-ти миллиметровые орудия на мехтяге. В артиллерийском полку пушечные батареи оставались еще на конной.

Порой иптап действовал вопреки разумному риску. В ходе преследования батареи противотанкового дивизиона вырывались вперед и спешили еще до подхода пехоты доложить о занятии узла дорог, населенного пункта.

В ходе преследования, не встречая особого сопротивления, артиллеристы занимали группу хуторов, деревню, оставленные немцами. Используя мехтягу, они легко опережали стрелковые роты, которые свое вооружение (ручные и станковые пулеметы, ПТЭР"ы, 82-х миллиметровые минометы), все необходимое тащили на собственных плечах. Но постепенно противник разгадал нехитрую тактику “иптаповцев”.

При очередной попытке вырваться вперед пехоты, батарея попала в ловушку: была окружена поджидавшими в засаде автоматчиками. Пушки подорвали, а батарейцы погибли или бывли пленены.

Исход поистине трагичный. Как отмечено в документах командующего артиллерией дивизии, разбито и оставлено на территории противника четыре 76-ти мм орудия “ЗИС-3”, три автомашины “Джемси”, одна автомашина “Форд”.

Конечно, на счету дивизиона противотанковой артиллерии было немало успешных поединков с танками, огневыми средствами противника. Но были и неудачи, о которых вспоминается с болью.

«Полк подойдет позже»

Обычно перед очередной операцией стрелковые части усиливались не только “своими”, “штатными” огневыми средствами, но также артиллерией, минометами, эрэсами армейского и фронтового подчинения. Перед наступлением создавались артиллерийские группы, куда, помимо наших дивизионов и батарей, включались приданные средства усиления. Для организации и согласования огня готовилась соответствующая документация.

Если командиром ПАГ (полковой артиллерийской группы) назначался командир дивизиона, то наступала горячая пора для штаба дивизиона. Офицеры штаба готовили для включаемых в состав ПАГ артиллерийских частей данные для ведения огня, участия в артподготовке. Проще говоря, мы распределяли цели, определяли характер, продолжительность артиллерийской подготовки. Для этого чертили и рассылали схемы, сколки с карт, готовили краткие пояснения к документам.

Откровенно говоря, не любил подобную работу. По сути реальная подготовка огня заменялась порой скоропалительной бумажной бухгалтерией. С началом артподготовки стрельба зачастую велась по площадям, не всегда удавалось подавить огневые средства врага.

Меня больше привлекала работа на местности, ведение огня по конкретным целям, выполнение оперативных поручений.

Во второй половине сентября дивизия захватила пленных, трофейное имущество в районе Гейдзас - Бирзе. Но и сама понесла потери при отражении немецких контратак чуть севернее.

Пока наши полки вели напряженные бои, стремясь продвинуться к левому берегу Даугавы, танкисты отбросили и потеснили немцев в направлении Балдоне - Кекава. Пехота отстала. До Риги оставалось километров двадцать или немного больше .

Командование принимает решение перебросить нашу дивизию на участок, где обозначился успех. Командиры батарей еще оставались на своих наблюдательных пунктах, а пушечную и гаубичную батареи приказано снять с огневых позиций и перебросить на новый участок.

На опушке леса собралась группа офицеров штаба полка. Сюда вызваны командиры дивизионов. Получив задачу, Харитошкин подзывает меня:

- Поведешь восьмую. Поставишь на новую огневую.

- С кем связаться?

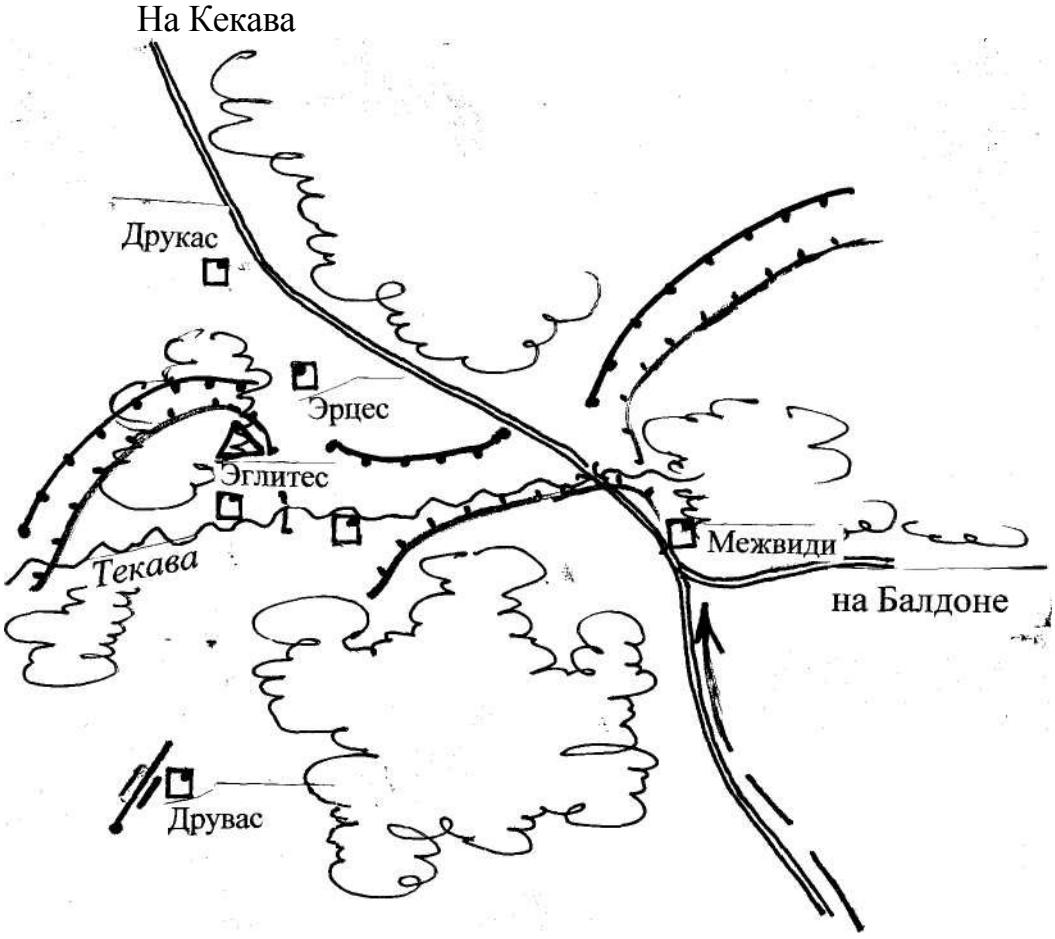
- С Ворыхановым. Времени в обрез. Командиры батарей снимутся и подойдут позже.

- А пехота?

- Не дожидаясь пехоты. Район новых огневых опушка леса севернее Циртас. В районе северо-западнее Балдоне оборону держат танкисты. Пехота подойдет к утру.

Двигаться пришлось по узкой дороге, размытой дождями. Полегчало, когда выбрались на большак. Ночью лил дождь. Немецкая рама несколько раз появлялась над колонной, сбрасывая мелкие бомбы. Увеличили дистанцию между машинами. Обошлось без потерь.

Когда до района огневых, обозначенного на карте, оставался километр с небольшим, останавливаю батарею.



Ночной марш с 8-й батареей и наша оборона западнее Балдоне в сентябре 1944 г.

Подсвечивая карманным фонарем, пытаюсь сориентироваться. Где противник и где наш передний край? У кого принимать боевые порядки?

Прошу Ворыханова оставаться на месте. Беру с собой Можарова и прохожу по дороге немного вперед. Полная тишина. Не слышно стрельбы. Не видно осветительных ракет. Неясно, где противник. Непонятно, почему молчат его огневые средства.

Справа от дороги – небольшая высотка. На ней едва виднеются, буквально угадываются темные силуэты. Подхожу ближе и чуть не упираюсь в корпус танка. Очевидно, танкисты!?

Обозначив себя, знакомимся, Вступаю в короткий разговор с офицером – командиром танковой роты.

- Где передний край?

- Если хотите - здесь. Впереди никого нет.

Ответ танкиста обескуражил.

- Как же так? У меня обозначено, что вы находитесь намного дальше, недалеко от Кекавы.

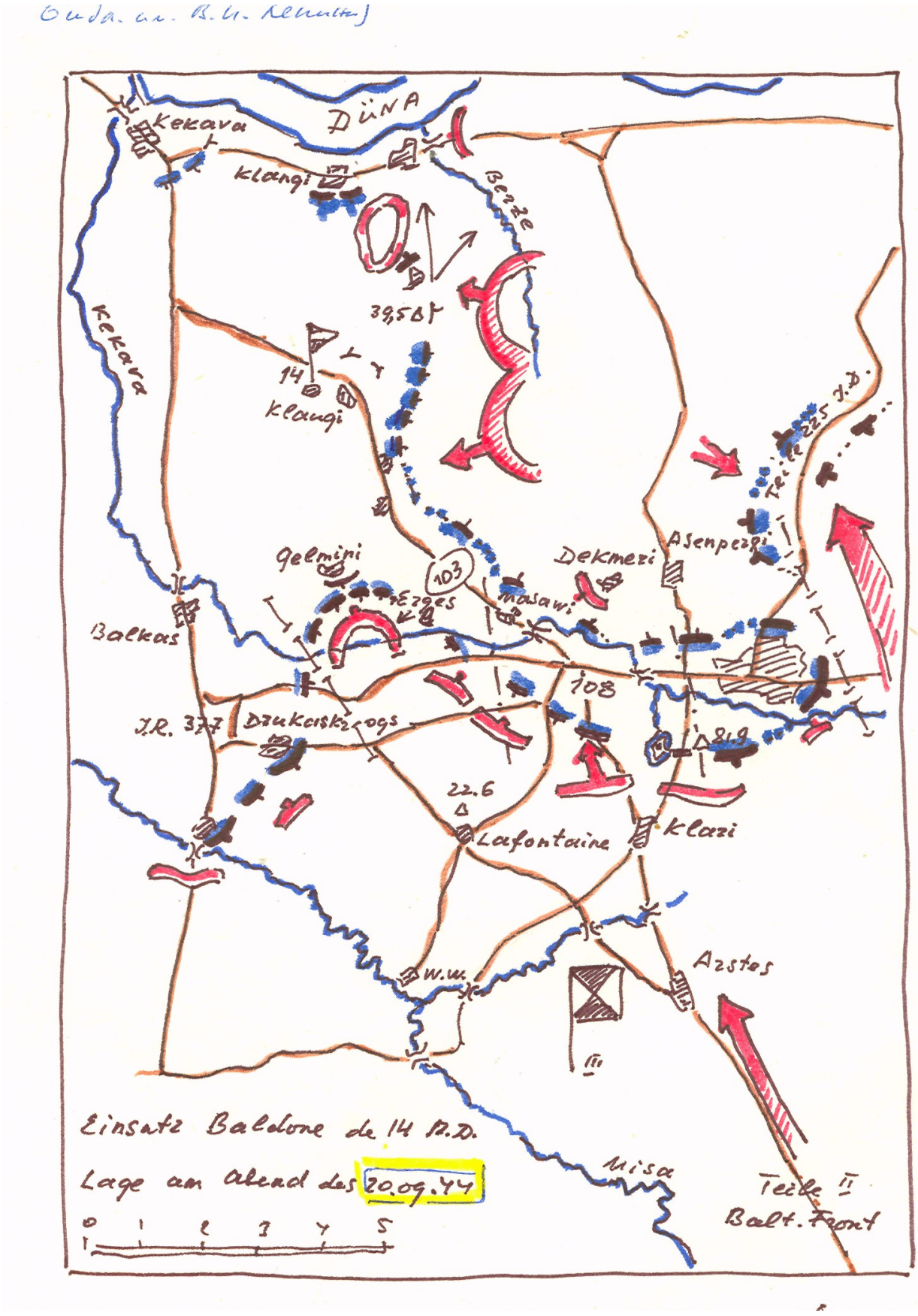
- Вчера проскочили действительно дальше. Стрелковые части оставались левее нас и сзади. Место там неудобное, без обзора. Вечером отошли чуть назад.

Теперь на опушке леса, очевидно, вновь расположилась пехота противника. А мы собирались в этом районе ставить огневую! Отмеченный на моей карте район огневых позиций к исходу ночи оказался в тылу у противника.

Где-то слева, в лесу, должны находиться стрелковые подразделения. Найти их удалось с трудом. Они начали сменяться, не сдав свои боевые порядки. Не дожидаясь прибывавших на смену частей.

Возвращаюсь к оставленной на дороге батарее. Короткий обмен мнений с Ворыхановым. Намечаем новый район, километра два южнее обозначенного на карте, направляем туда машины и гаубицы.

Серое, дождливое утро. Встречаюсь с прибывшим командиром дивизиона. Докладываю о сложившейся ситуации. Вновь и вновь рассматриваем карту. Между



Обстановка в районе Балдоне 20.09.1944 по данным Qrams Rol/. Die 14. Panzer-Division 1940-1945 (Bad Nauheim 1957)

намеченным вчера (обведенным красным карандашом) районом и выбранной нами огневой позицией значительный разрыв:

- Очевидно, была искажена информация, переданная в штаб армии, или буквально за несколько часов изменилась обстановка.

Командование спешило помочь танковой бригаде. Рассчитывали, что удастся наращивать успех. А пришлось остановиться и встать в оборону.

Хорошо, что все благополучно окончилось. В памяти невольно возник трагичный эпизод, которым завершился “опережающий” рейд батареи иптад.

В густом тумане

По указанию командира дивизиона седьмую батарею поставили невдалеке от восьмой. Занял боевые порядки 1115 полк. С двумя связистами - Георгиями - Масловым и Самоуковым – направляемся в район наблюдательных пунктов. У нас за спиной катушки с кабелем, телефонные аппараты, рация. Времени снова в обрез.

НП оборудуем на опушке леса. Отсюда просматривается передний край противника, отчетливо видна дорога на Кекаву. На нейтральной полосе - двухэтажный дом дачного типа. Полуподвальный гараж. Черепичная крыша. Большие окна. Целы даже стекла.

Несколько дней находимся в обороне. Проводим пристрелку реперов. Мешает беспокоящий огонь немецкой артиллерии.

В ночь на 27 сентября дивизия сдала половину участка обороны. Чуть позже нас выводят в район сосредоточения. А как же Рига?

Нам казалось, что дивизия нацелена на город. Оказалось, небольшая рокировка в районе Балдоне была началом большой перегруппировки - с прицелом на Бауску, Мемель. Ориентир - не Рижский залив, а Балтийское море.

Вспоминаются несколько эпизодов.

Приглашает Модин:

- Позвонили из штаба полка от “первого”. Утром солдаты батальона, находившегося во втором эшелоне, открыли огонь по соседу. Тот ответил. Перестрелка между своими частями.

- Есть пострадавшие?

- В том - то и дело. Чтобы разобраться, решили послать незаинтересованных посредников. В том числе, одного офицера от артиллеристов.

- Где это случилось? С кем связываться?

- Узнаешь от ПНШ (помощника начальника штаба) пятнадцатого полка. Позвони и уточни. Позывной “грива”, попроси к аппарату “пятого”.

С офицером от “гривы” встречаемся на перекрестке дорог. Через четверть часа оба в батальоне. Мелкий ельник. Край поля. В стороне березовая рощица.

Утренний туман еще не полностью расселся. Поеживаясь от холодка, солдаты приводят себя в порядок. Умываются, чистят оружие. Кто-то завтракает.

Соседнее подразделение - у березовой рощи. Лежат на земле, двигаются солдаты. Дым у костра. Кто-то крутится у подъехавшей кухни.

- Что случилось?

- В тумане приняли соседнюю роту за немцев.

- Как же так?

- Понимаете, в роте много “западников” (призванных из Западной Украины). Они подобрали брошенные немцами зеленые мундиры. Напялили на себя, чтобы было теплее.

- Да они что - потеряли всякое соображение? А что же командиры рот, офицеры?

- В том то и дело, что поначалу в темноте не обратили внимания. Солдаты надели немецкую форму поверх своей, накинув поверх шинелей. И улеглись спать. Ночью не обратили внимания. А утром – солдаты только стали подниматься - соседи приняли за просочившегося противника. Не раздумывая, дали по надевшим чужую форму солдатам автоматную очередь.

Помощник начальника штаба беседует с командирами рот, делает записи в блокноте. Замечаю - стоящий невдалеке солдат внимательно смотрит на меня. Что-то хочет выяснить, может быть, уточнить.

Подхожу ближе, подзываю к себе. Солдат спрашивает:

- Товарищ лейтенант, не узнаете меня?

Пытаюсь припомнить, где и когда его встречал:

- Нет. Не припоминаю.

- А вы встречались и разговаривали с нами на хуторе. Помните двух бежавших из плена?

- Под Двинском? В доме у вдовы бывшего офицера. Российского, а затем латышского.

- Там вы и встретили нас. Меня и моего товарища. Сейчас я связной командира роты. Товарищ - стрелок, сидит чуть в сторонке.

- Так, так. И как вы очутились здесь?

- Все случилось, как Вы тогда рассказали. Мы же с товарищем Вас первых встретили. После разговора с Вами поехали в Двинск, в комендатуру. Захватили с собой полученные в уезде справки с подписями местных жителей. В Двинске, у коменданта, нас допросили, выяснили кто мы, как оказались на хуторе. Направили в запасной полк. Обмундировали, и сюда. В 332 дивизию, в стрелковый батальон.

В самом деле, встреча произошла еще в августе. Когда с товарищем возвращались из госпиталя, на одном из хуторов встретили двух гражданских. Плохо одетых, один был в опорках, другой в резиновых тапочках, привязанных куском веревки. Назвались пленными, бежавшими из лагеря месяца за два до подхода наших войск.

Пленные пояснили, раньше убежать было невозможно - выдавали местные жители. Когда стала приближаться Красная Армия, положение несколько изменилось.

Местные жители, латыши, посоветовали напроситься в батраки к вдове бывшего офицера российской армии. Ночами работали на поле этой вдовы. Прятались в сарае, где оборудовали себе что-то напоминавшее землянку. Позже перебрались в дом, где им отвели комнатку.

Вернувшийся их плена связной командира роты - бывший радист. Родом из-под Ленинграда. Попросил меня:

- Товарищ лейтенант. Если нужны радисты, возьмите к себе на батарею. Я профессионал. Радиодело знаю.

Взять его на НП радистом, к сожалению, не удалось. Выслушав меня, командир дивизиона сказал:

- Не советую. Нельзя этого делать.

- Почему?

- С ротным ты, допустим, договоришься. А контрразведчики, естественно, намылят тебе шею. Ведь ты ничего не знаешь об этом солдате. Вся информация о нем только с его слов. А к работе на рации допускают не всякого. Одно дело быть стрелком в батальоне, другое - работать на рации, знать коды, выходить в эфир.

«*Советские?! Почему в погонах?»*

Несколько ранее еще одна встреча. С начхимом дивизиона Любомировым догоняем управление дивизиона. Перелесками, на конной повозке. Неожиданно со стороны небольшого лесочка, нам навстречу - группа людей. Останавливаемся, поджидаем. Радостные лица. Женщины бегут, придерживая в руках кринки с молоком. Бородатые старики, подростки.

Подбежали почти вплотную и остановились. Недоуменно смотрят:

- А что у вас на плечах? Что это - погоны?

Теперь в недоумении мы:

- А что? Не видели нашей формы? Кто вы? Откуда?

- Мы из Белоруссии. Возвращаемся домой.

- Ну и хорошо.

- Так вы и вправду советские солдаты? Но почему в погонах?

- А разве не встречали наших? Ночью по большаку прошли и пехота и артиллерия.

- Нет. Ночью не видели никого. Мы ночевали в лесу. Ждали своих. И первых встретили вас. Попейте молочка. Чем бы угостили еще, да у нас своего только бульба да хлеб. Вот и все гостинцы.

Узнаем, что белорусская семья работала у латышей. Теперь торопится домой. Мы советуем не спешить:

- Раз работали, то с вами должны расплатиться. Не только картошкой. Там, на родных местах, ничего нет. Вероятно, сгорели или разрушены дома. Нет скотины.

Слушают. Как будто соглашаются.

- Нужно, чтобы хозяин, у которого трудились, рассчитался с вами сполна. Подождите. Установится власть и вы вправе потребовать, чтобы с вами провели расчет, как полагается. Вы же не за одну похлебку вкалывали.

Были у нас, наших однополчан, еще подобные встречи. И обычно стремились убедить - не следует возвращаться домой пустыми. За работу должны выделить и хлеб, и скотину, и семена для посева.

С местным населением не все просто. После Краславы и Двинска хутора, небольшие деревни обычно пусты. Продвижение войск пережидают обычно где-нибудь в стороне, в лесу.

Когда возвращался из госпиталя, меня остановил, обратившись за помощью, пожилой латыш:

- Господин офицер. Скажите ребятам, чтобы не портили, не грязнили колодец.

- Какие ребята? Что там произошло?

Подзываю к себе молодых латышских парней. Оказывается, это призывники. Вещи сложили на повозке, двигаются в Двинск. Не скрывая возмущения, строго предупреждаю:

- Как же можно!? Неужели не совестно, пакостить своему же селянину?

Как будто поняли. Перехожу на спокойный тон. Отвечаю на вопросы. Увидев, что курят махорку, угощаю табаком.

Меня силится остановить один из новобранцев:

- Так же неправильно. Пусть они уплатят вам деньги. Или продайте табак мне.

Напоследок говорю, что табачным довольствием в Армии обижены не будут. Если солдат курящий, табаку выдадут по норме, его будет в достатке. Некурящий может взамен получать сахар.

Гораздо чаще двигались, не встречаясь с местным населением. Тем более, если бои шли в стороне от населенных пунктов, в лесах.

Потеряли дорогу, но выручили пехоту

Каким-то отдельным фрагментом запечатлелась в памяти встреча с танкистами, которые невольно помогли нам сбить немецкий заслон и двинуться вперед. Немцы окопались на высотке в лесу. Ее пытается атаковать наша пехота.

Продвинуться никак не удается. Сдерживает плотный пулеметный огонь. Артиллерией выкурить немецких пулеметчиков не удается. Снаряды задевали верхушки деревьев, рвались над головами и наших солдат, и противника. Но не попадали по пулеметным гнездам. Их достать не удается.

Подошли эрэсники – майор и сержант. Попросили заимообразно лопату, пилу. Быстренько соорудили окопчик. Готовят залп по высотке. Просят отвести наших солдат несколько назад - у "катюшных" снарядов большое рассеивание, можно задеть своих.

Катюшники еще не успели открыть огонь, как на лесной дороге, ведущей в сторону злополучной высотки, появляется колонна танков. Танки необычные - английские, американские - ленд-лизовские. Открывается люк головного и офицер-танкист просит помочь сориетироваться:

- Где мы сейчас находимся? Куда ведет дорога?

Вместе с Кязимом Садыховым подходим к танкистам. Знакомимся. Помогаем сличить карту с местностью:

- Вот небольшая развилка; за ней высота, на которой засели немецкие пулеметчики. Вот дорога, на которой остановилась ваша танковая колонна.

Офицер из головной машины с удивлением переспрашивает:

- А где дорога на Яунземьи?

- Она идет параллельно этой. Примерно в километре отсюда.

- Как же получилось? Видимо на развилке приняли вправо, свернули раньше времени.

- Точно. Но это две разные дороги. Вам надо было двигаться по улучшенной грукнтовой. На карте она изображена двойной линией. А вы свернули на лесную, тоненькую полоску.

В ответ – слова благодарности. С головного танка флажками передают команду разворачиваться. Танки уходят, возвращаются на свою, чуть было не потерянную дорогу.

Тем временем пулеметный огонь с высотки прекратился. Услышав гудение танков, увидев колонну, немцы не стали дожидаться, какое решение примет командование танковой бригады, и предпочли немедленно дать деру.

Наши солдаты занимают злосчастную высотку. Молодченко радирует: пулеметный заслон сбит. Высота взята. Полк продолжает преследование.

Когда барахлила связь

Во время короткой паузы из полка поступает распоряжение - с командирами батарей провести учебные стрельбы. Собираемся на наблюдательном пункте командира седьмой батареи лейтенанта Макара Скребнева, командира 7-й батареи. Ему около сорока. Участвовал в гражданской. На гимнастерке, еще с тех времен - орден “Красного знамени”. Прибыл к нам с курсов.

Решительный, уверенный в себе. Но надо признать, не всегда умело корректировал огонь. Это быстро уяснил и старался держать под контролем командир дивизиона.

Устроились в траншее втроем:

- Вести пристрелку будем пушечными. Седьмой батареей. - Пояснил Харитошкин. - Готовьте данные.

- Цель?

- Стрельба по реперу.

Местность перед нами – глубокие промоины, овражки, покрытые густым кустарником, молодым леском. Ярких ориентиров не видно. Репер - одинокая береза.

Сверяем данные для открытия огня. Команды подает Скребнев. Выстрел, второй. Разрывов не видно. Снаряды рвутся где-то в овражках, в складках местности, укрытых густой зеленью. Направление разрывов можно определить только по звуку.

Харитошкин берет инициативу на себя.

Команда. Выстрел - разрыв. Команда. Выстрел - разрыв:

- Проверить установки!

С батареи:

- Есть проверить установки. Готово!

Все верно. А где рвутся снаряды не видно.

Командир дивизиона недоволен. Ко мне и Скребневу:

- Снарядов дефицит. Хватит стрелять попусту. Будем считать, что учебную пристрелку провели. Плохой результат - тоже результат. Расходимся по своим НП.

Обращаясь к комбату семь:

- Старшему на батарее поручите проверить работу расчетов. Подумайте - не пора ли поменять местами, заменить первое орудие.

Частые смены боевых порядков, постоянные маневры - не только огнем - все острее ставили проблему связи. Коротковолновые рации А-7 работают, как правило безотказно. 12-РП заслуживают меньших похвал. Не хватает батарей питания. Из-за этого приходится экономить работу на рациях, во что бы то ни стало обеспечивать проводную связь.

Рации только у командиров батарей. На передовых наблюдательных пунктах, у командиров взводов управления, радиосредств нет. В маневренной обстановке кавэушники нередко не могут связаться с огневыми. Практически огня почти не ведут, «поддерживают» пехоту своим присутствием.

Аккумуляторные батареи - постоянная головная боль. Анодные батареи нередко отказывали. В эфире порой радиоволна набегает на чужую волну. Мало свободных частот. Мешаем друг другу.

В ходе боя телефонная связь выходит из строя. Посылаешь телефониста восстанавливать порывы, и делаешь это с болью. Сам остаешься в траншее, в укрытии, - а ему под огнем искать и восстанавливать порванный кабель. Среди связистов - самые высокие потери в личном составе.

Форсируем Венту ночью

В конце сентября 1-й Прибалтийский фронт получил директиву Ставки - перенести главный удар с рижского на мемельское направление. Отсечь группу армий “Север”. Полоса наступления сокращалась почти вдвое.

В ночь на 1-е октября дивизия совершает длительный марш. Минуем станцию Миса, затем Бауску, Ионишкис. Между Бауской и Ионишкис пересекли границу Латвии, вступили на территорию Литвы. Шауляй остался слева от нашего маршрута. Пересекли железную дорогу.

В первых числах октября артиллерия и минометы поддерживают дивизию, выбивавшую противника из Куршеная. “5.10.1944. № 0261. Противник, сбитый с ранее

занимаемых рубежей, отходит в юго-западном направлении. Наши части в 13.00 заняли м. Куршенай и продвигаются дальше. Артиллерия сд ... при отходе противника поддерживала огнем наступающие подразделения. Расход: 76 ДА (дивизионной артиллерии) - 900, 122 мм - 200.” (из оперсводки КАД 332 сд).

Два дня спустя упорный бой на рубеже Папиле - Барвиджяй. Противник отходит с боями. Отбиваем контратаки. Перед фронтом дивизии части танковой дивизии немцев Великая Германия. Пушечные батареи ставятся на прямую наводку.

13 октября. Огневые гаубичной и пушечной батарей в районе железнодорожной станции Вента. Наблюдательные пункты вдоль берега реки с тем же названием. На опушке леса оборудовали и тщательно замаскировали наблюдательный пункт командира дивизиона. Соорудили прочные землянки. Мы под впечатлением предшествующих схваток, но огневое противодействие противника упало. На его передке отдельные окопы, огневые точки. Ходами сообщения не соединены.

Населенный пункт Вента мы миновали неделей ранее. Тогда двигались вдоль железной дороги. Теперь готовимся форсировать реку с тем же названием. Справа от нас железнодорожный мост. Сзади железка, за ней несколько позади огневые позиции наших батарей.

Ночь. Спускаемся к реке вместе со стрелковой ротой. Подтаскиваем к берегу понтоны, лодки. Переправляться на другой берег приказано втихую, не открывая огня.

Командир роты следит за размещением в лодках стрелков, пулеметчиков, петеэровцев. Оружие обвязано тряпками, бинтами. Стараемся не шуметь. Впереди неизвестность. Неясно, что делается на противоположном берегу. Казалось, противник поджидает нас; у него очень удобная позиция.

Небольшая задержка. Один из солдат никак не хочет войти в лодку. Его охватил какой-то шок. Уговоры, ругань не действуют. Командир роты достал пистолет и размахивает им перед носом солдата. Угрозы не помогают. Открывать огонь нельзя. Команды произносятся вполголоса, почти шепотом.

Пытаюсь помочь ротному. Беру палку и бью перетрусившего солдата плашмя по спине. Это, наконец, подействовало. Втолкнули стрелка в лодку. Оттолкнулись от берега. Комроты внимательно всматривается:

- Молчат, подлецы. Что задумали?

- Может быть, ушли?

- Вряд ли. Вечером окопы были заняты.

Берег встречает полным молчанием. Подъем довольно крутой. Кусты, густая растительность. Где-то в темноте мелькнули или почудились темные силуэты и тотчас исчезли. Хватаемся за ивняк, карабкаемся наверх.

Никого. Высадка на противоположный берег прошла бесшумно. Фигуры немецких солдат мелькнули и испарились. Предпочли отойти без боя.

На восьмую батарею

Спустя некоторое время натыкаемся на заранее подготовленную оборону. Закрепившись по берегу реки Ашвы, противник пытается сдержать нас. Огонь ведут танки и самоходные орудия. Ранен комбат-8 Ефим Раухваргер. Мелкими осколками задело легкие. Его унесли на плащпалатке и затем – в санбат.

Небольшая пауза. Обсуждаем случившееся. Харитошкин связывается со штабом полка, ведет переговоры о замене убывшего в медсанбат командира батареи. Сижу в сторонке, «разбинтовал» и занялся чисткой автомата. Ко мне подошел «правая рука» Раухваргера командир отделения разведки старшина Иван Гладкин:

- Товарищ лейтенант, я слышал командир дивизиона предлагает Вас комбатом на восьмую батарею. А как Вы?

В вопросе - холодок сомнения и стремление первым донести до меня новость. Сообщение старшины неожиданно. Смотрю на него и чувствую себя неуютно. Почему об этом сообщает не командир дивизиона, а старшина? К тому же человек, который в случае, если приму батарею, попадает под мое начало, станет моим подчиненным и ближайшим помощником.

Произношу в ответ нечто неопределенное. Разговор стараюсь закончить.

Начинаю размышлять. Доверие со стороны командира дивизиона льстит самолюбию. Никак не предполагал, что предложит мою кандидатуру. Но не рано ли на батарею? Мне нет двадцати. А батарейцы восьмерки? Командир первого огневого взвода Сергей Ворыханов вдвое старше. Расчеты на огневой, солдаты взвода управления, отделения боепитания, ездовые, шофера - все намного взрослее, солиднее. Люди, умудренные жизненным опытом, многие женаты, отцы семейств. Только Зыков - командир взвода управления, кто-то из разведчиков, связистов - мои ровесники или чуть старше меня.

Вскоре меня подзывает командир дивизиона:

- Предложил на восьмерку твою кандидатуру; переговорил с командованием полка. Командир полка дал согласие. Принимай командование.

Не помню, что именно сказал в ответ. Воспринял, как приказ, поблагодарил и спросил:

- Слушаюсь. Как принимать?

- Обычно. Объявлю сейчас о назначении Ворыханову, Гладкину и остальным. Переходи на наблюдательный пункт восьмерки. Начальник штаба в курсе.

- Кто вместо меня?

- Пока новый начальник связи дивизиона старший лейтенант Жуков. Завтра прибудет сюда. Свою карту передашь ему, а тебе даю карту Ефима.

Понимаю, что моя основная работа в новой должности на наблюдательном пункте - корректировка огня, связь. Огневики под умелой и надежной рукой Ворыханова в полном порядке. Переговорил с ним по телефону, разъяснил Гладкину где и как оборудовать новый НП. Вместе с тем переход в восьмую батарею обозначился непростой переделкой, о которой кратко – в следующем разделе.

Правда, само вступление в новую должность на этом не закончилось. В штабе полка решили попробовать еще один вариант, направив на восьмерку еще одного офицера.

Дня через два звонит Ворыханов:

- Слушай, тезка. Тут еще один комбат прибыл. Из офицерского резерва. Он пока разместился на огневой, принимает имущество, считает приборы.

- И долго собирается принимать?

- Пока, как будто, не спешит, проверяет наличие, пересчитывает.

- Ну и не торопи. Харитошкин прикажет, передам ему бразды. А пока, честно говоря, здесь не до этого.

Через пару дней звонок о том же. Докладывает Ворыханов:

- Твой дублер, капитан, убыл.

- Почему убыл? Что случилось?

- Не знаю. Отозвали обратно в штаб полка.

- Если появится еще один, сообщи заранее. Кстати, надо поговорить о коде, чтобы в случае чего можно не опасаясь передавать зашифрованные координаты открытым текстом.

За час до времени «Ч»

А теперь о лесном бое с противником, атаковавшим нас при поддержке танков. Боевой порядок батальона - в лесу. Это все тот же второй батальон, где комбатом Плаксин. Дивизия готовилась к наступлению. Средства обеспечения, связь, медицина, штабы подтянуты к переднему краю.

В канун дня и часа “Ч” люди поработали порядком. Перемещались на новый наблюдательный пункт, оборудовали ровики, тянули кабельную связь. Разведчики, связисты намаялись основательно. С утра артподготовка, пойдем вперед.

Взглянув на ребят, решил дать всем отдохнуть, а самому “поработать” за подчиненных. Со мной на НП Иван Гладкин, Владимир Гвоздков, Алексей Ложкин, радист Гаврилин, телефонист Сергей Сироткин. Приказал - “всем спать” и уселся с телефонной трубкой на ушах в качестве наблюдателя.

Ночью со стороны противника доносился шум двигателей. Не придал этому значения. В штаб дивизиона периодически докладывал:

- Шум моторов. Редкий ружейно-пулеметный огонь.

И снова:

- Шум моторов. Редкий огонь.

Семь утра. В восемь время “Ч”- начало артподготовки. Пора поднимать людей.

Но нас упредил противник. За час до времени “Ч” заговорили его огневые средства. Артиллерийско-минометный залп по переднему краю. И тут же на нас двинули пехота и танки.

- Подъем!

- Батарея - к бою!

На огневой все в норме. Расчеты у орудий. Огневики готовы к открытию огня. Связь исправна.

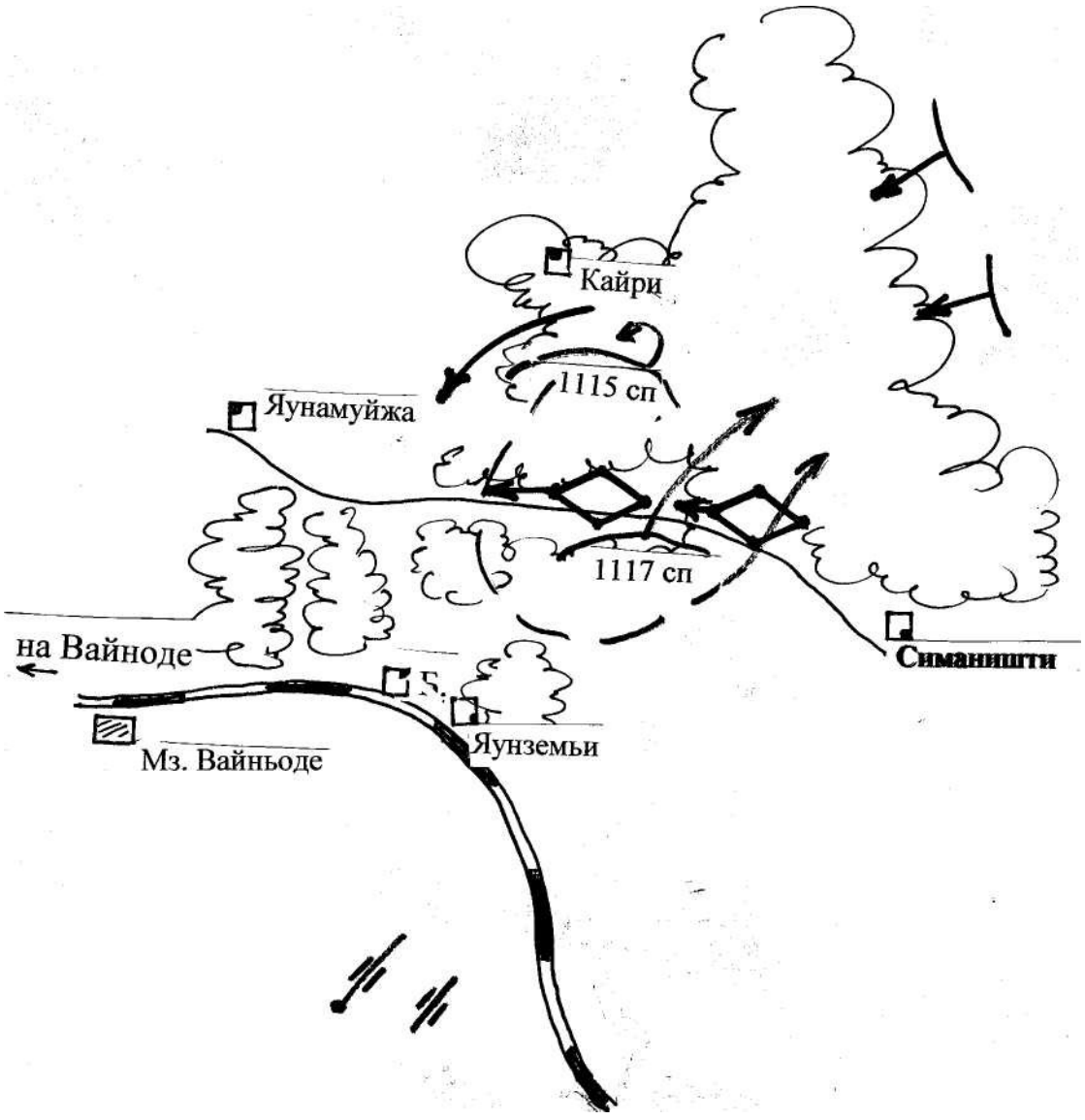
Но роли переменились. Противник нанес огневой и танковый удар на час раньше.

Командую:

- НЗО “А”, батареей. Пять снарядов. Двадцать секунд выстрел. Огонь!

Плотная стена заградительного огня перед батальоном.

Наш наблюдательный пункт рядом с КП батальона. Здесь Плаксин, адъютант старший батальона, радисты. Роты - четвертая и шестая - метрах в ста перед нами, в лесу. Там же пулеметная рота.



Отражение танковой контратаки противника в районе Яунмуйжа – Симанищти. Октябрь 1944 г.

Атаковавшие батальон немецкие автоматчики вынуждены остановиться. Заградительный огонь оказался для них неожиданным сюрпризом. Элемент внезапности не сработал. Немецкие солдаты вынуждены остановиться, затем попытались обойти батальон с фланга.

Тем временем метрах в двухстах от нас, по лесной просеке, выдвинулись немецкие танки, сопровождаемые автоматчиками. С нашего НП их не видно. Слышим стрельбу танковых пушек, автоматные очереди. Танки от нас справа. Атаковавшая батальон группа огибает боевой порядок слева.

Батальон удерживает боевой порядок. Но обстановка остается напряженной. Противник потеснил наши части справа и слева. Третий батальон 1115 полка оказался отрезанным наступающими танками и автоматчиками.

Огневой бой развертывается справа и слева, позади нас. Немецкие танки продолжают медленно продвигаться. Инициатива на стороне противника. Командиры рот обступили командира батальона. Каковы его решения? Тот растерянно молчит. В создавшейся обстановке батальон практически бездействовал. Командование практически принимает на себя старший лейтенант - адъютант старший батальона.

Если оставаться на месте, батальон окажется в окружении. Старший лейтенант решает: выходить из леса группами к основным силам. С собой забирает радистов, группу разведчиков. Вслед за ним снимаются стрелковые роты. Плаксин, оставшись без связи и управления, молча оставляет командный пункт.

Огонь на себя

Прекращаю вести заградительный огонь. Поднимаю своих разведчиков, связистов и двигаю в сторону просеки. К нашей группе примкнули несколько солдат второго батальона. Со мной радист Гаврилин, разведчики Ложкин и Гвоздков, командир отделения Гладкин.

Подхожу к опушке, сквозь кусты вижу на просеке танки. Приказываю всем залечь, и с радистом забираюсь в прикрытую кустами канаву на опушке леса. Танки ползут мимо. Решаю: огонь по танкам. Разворачиваем рацию. Передаю данные на огневую:

- По танкам. Первому. Два снаряда, беглым. Огонь!

Огонь по танкам веду “на себя” - немецкие танки между нами и батареей. Если, не дай бог, перелет, то не по противнику, а по себе. Но огневики работают мастерски. Снаряды рвутся в непосредственной близости от танков, в нескольких десятках метров от нас.

Разрывы 122-х миллиметровых снарядов заставили солдат противника плотнее прижиматься к танкам. Отчетливо вижу высоких небритых автоматчиков, оказавшихся под огнем наших орудий. Прижимаясь к корпусам танков, перебегая ближе к нам, они все внимание направляют в противоположную сторону - туда, откуда велся огонь, откуда летели снаряды. Солдаты в мышиных мундирах находятся буквально рядом с нами, но нас не замечают.

Огонь восьмой батареи задержал продвижение танков. Захлопнулись люки. Двигаясь по краю просеки, танки маневрируют, меняют направление.

Подаю по рации команды. Еще несколько осколочных.

К нам подбирается Гладкин:

- Товарищ лейтенант. Как бы нас не заметили и не отрезали выход автоматчики. Тогда как выберемся отсюда?

Слушаю молча. Понимаю, если танки дойдут до края просеки, то нам придется выбираться по открытому месту, под дулами танковых пушек и пулеметов. Мы в отрыве от батальона, в отрыве от основных сил. Сохраняется опасность оказаться “замкнутыми” в лесу, где хозяйничал противник.

Осторожно, стараясь не обнаружить себя, свертываем рацию. Возвращаемся немного назад, к основной группе. Чтобы выйти из полукольца, нужно опередить танки. В двух словах объясняю ситуацию:

- Чтобы выйти отсюда, нужно обойти стороной танки. Двигаться лесом. Открытое место проскочим короткими перебежками. Не плотной группой (нас человек десять), а по двое-трое, соблюдая дистанцию.

Выбираемся на край поляны. С нами по-прежнему стрелки второго батальона. Невдалеке на опушке леса ведут огонь минометчики. Их атакует немецкие автоматчики. Трубы минометов устремлены вверх. Мины рвутся в полусотне метров от огневой. Поразить расчеты автоматным огнем атакующим не удается.

У самого края просеки минуем опасное место. Танки еще не подошли сюда. Огневые трассы над нашими головами. Проскочили открытое место без потерь.

Минуем лес, в котором еще недавно сидели подтянутые к передку тылы. В беспорядке разбросаны какие-то вещи, лопаты, пилы, котелки, ватники, шинели.

На опушке нас встречает командира артиллерийского полка полковник Крамаренко. Его первый вопрос ко мне:

- Где батальон? Почему оставили командира батальона?

Докладываю, как развивались события. Батальон оказался в полуокружении, оставил боевые порядки, выходил из леса отдельными группами. Со мной часть солдат батальона. Управление взял на себя адъютант старший.

- Если доложили верно, упрек снимаю. Подробнее о противнике!

- Танки с автоматчиками двигаются по просеке. По ним вел огонь гаубичными.

- Теперь твоя задача связаться с батальоном Щукина (батальон 1119-го сп). Будешь поддерживать его огнем. Батальон на северной опушке леса, метрах в пятистах к северу от железнодорожной будки.

«Только при крайней необходимости»

Щукин чуть выше среднего роста. Плотный, крепкий, широколицый. Поясняет коротко:

- Перед батальоном на просеке - танки. Прикройте огнем боевой порядок, чтобы солдаты не дергались, не покидали ровиков.

- Что так?

- Нервная обстановка. Нужно, чтобы люди успокоились.

Теперь мы с противоположной стороны широкой просеки. Перед нами прежняя группа в пять - шесть танков. Танки ведут редкий огонь. Не по батальону, а по нашим самоходным установкам, появившимся в конце просеки.

Вновь открываю огонь по танкам. Они маневрируют. Наши снаряды рвутся рядом с танками. Прямое попадание - повреждена гусеница. Поврежденный танк остается на месте. Ворочается, но сдвинуться с места не может.

Звоню по телефону Модину:

- Подбил танк. С закрытой позиции.

- Как подбил? Загорелся?

- Нет. Попадание в гусеницу.

- Вот что – о подбитом танке возьми справку у Щукина. Если он подтвердит, тогда доложу.

Но в этой ситуации не до справки. Попадание еще в один танк. Гаубичные снаряды на исходе. Веду огонь пушечными - седьмой батареей.

Батальон продолжает усиливать боевой порядок. К концу дня на его флангах устанавливают крупнокалиберные пулеметы.

Мои связисты наладили прочную телефонную и радиосвязь с батареями. Нам на наблюдательный доставили завтрак, обед, наркомовскую норму спиртного. Двух человек отправил отдохнуть на огневую. Звонок Модина:

- Расход боеприпасов слишком велик. Не успеваем подвозить. Веди огонь только пушечными. И только при крайней необходимости.

- Принято.

- А где Скребнев? Что о нем знаешь? Где третий батальон?

- Скребнев с батальоном оставался в лесу В том направлении временами слышна перестрелка. . Утром их готовимся выручать. На связь со мной комбат-7 не выходил.

- Повторяю еще раз. Максимально ограничь ведение огня. Огонь только по цели.

Ночь прошла сравнительно спокойно. Ворочались, но прекратили вести огонь танки. Немцы эвакуировали поврежденные машины. Утром на лесной просеке, где ранее находились немецкие танки, остались брошенные куски металла, звенья поврежденных гусениц.

«Почему не обозначили себя?»

Ранним утром над просекой, полянами, кустарником лег густой туман. Едва начало светать, как со стороны противника какое-то движение, затем шум, стрельба. В воздух взлетела осветительная ракета. Напряженно всматриваюсь. В чем дело? Снова немецкие автоматчики?

Со стороны противника в просветах молочного тумана едва угадываются силуэты солдат. Двигаются неровной цепью.

Неужели немцы? Кто-то из солдат стрелкового батальона спешит покинуть окопы.

Нужно подбодрить огнем. Подаю команду. Разрывов не видно. Снаряды рвутся где-то в лесу.

А на просеке со стороны противника появилась первая группа. Не столько увидели, сколько угадали - не немцы - свои. Выходящие из леса, из окружения бойцы третьего батальона 1115 полка.

Вчера батальон вел бой. Немцы пытались расчленить его, сбить с занимаемых позиций. Безуспешно. Повторные попытки также потерпели провал. С утра, выдержав натиск, командир батальона и командир седьмой батареи решили выводить свои подразделения из леса к своим.

Впереди, одним из первых подбегает лейтенант Скребнев.

- Черт возьми! Почему не обозначили себя?

- Да разве сразу сообразишь!

- Все-таки выходили к своим. В тумане приняли вас за немцев. Едва не накрыли огнем твоей же батареи!

- Понимаешь, толком не подумали. Все внимание на то, чтобы быстрее проскочить опасное место. Немцы, как увидели нас, разбежались. Бой не приняли. Так что было не до опознавательных сигналов.

К нам подходят остальные: командир отделения разведки старшина Камчаткин, разведчики, связисты седьмой батареи. Заросшие, радостные, голодные. Наши ребята помогают им умыться, слегка очиститься от налипшей на одежду, сапоги грязи. Рассказывают о пережитом. Уточняют где, кто находился, что делал. С уважением отзываются о спокойствии, выдержке своего комбата.

Комбат-7 поразил всех спокойствием, выдержкой. Немецкие автоматчики походили вплотную, а лейтенант Скребнев доедает холодную курицу и уверенно твердит: немцы потеряют несколько человек и отхлынут.

Продолжаю расспрашивать Скребнева:

- А вчера как? Почему не выходили?

- Днем отбивались от автоматчиков. Заняли круговую. Ночью приводили себя в порядок. Раненых немного, соорудили носилки. Выходить решили с рассветом. Приготовились затемно. Разведали пути выхода. По звуку примерно определили, где передок.

- А наш залп?

- Рвались где-то в стороне. Не сразу разобрали. Рванули быстрее, и все.

- Твое счастье, что я ошибся. Вызвал не тот НЗО.

- Это все позади. К тебе просьба - не спеши с докладом. Доложу сам. Заодно попрошусь часика на два побывать на огневой. Может, удастся истопить баньку. Да и ребятам надо немного отдышаться, придти в себя.

В оперсводке КАД за 24 октября сказано:

“Противник после массированной артподготовки, начавшейся в 7.40 24.10, контратаковал наше подразделение в районе Бакуми - Браслы и одновременно по большаку, что южнее Либас 200 м., атаковал наши подразделения танками и автоматчиками ... Под давлением превосходящих сил противника наши части отошли на опушку леса, что южнее Либас 300 м.” В журнале боевых действий 891 ап: “Обойдя боевой порядок занимавшего оборону 1115 сп с севера и востока, окружил 3/1115 сп. Артиллерия дивизии вела огонь по контратакующей пехоте и танкам противника”.

Во второй половине дня снова волнение, шум, стрельба на правом фланге батальона. Щукин - поднявшись во весь рост - бросается туда. Открываю огонь. Подключаются минометчики. Перед батальоном огневой заслон. Короткая вылазка отбита. Наши пытались контратаковать, но без особого эффекта.

Перепутали иксы с игреками

При очередном перемещении встретились со старшим на батарее и условились: при передаче новых координат шифруем данные, добавляя к ним несколько цифр. При передаче координат огневой позиции прибавляем 4 к “иксу” и 2 к “игреку” (возраст Ворыханова – 42 года). При передаче координат наблюдательного пункта прибавляем 1 к “иксу”, 9 к “игреку» (соответственно мой возраст – 19 лет).

Подобная договоренность действовала и раньше. Теперь ее подтвердили. Но при очередной пристрелке - после перемещения огневой - код не сработал.

- В чем дело?

Подаю команду “огонь” и не вижу разрыва. Еще раз «огонь». Глухой хлопок где-то в стороне.

Выхожу на связь со старшим на батарее. Повторяю команду. Ворыханов проверяет установки. Все как будто в порядке. Только вновь встретившись и сличив карты, нашли ошибку! Поменяв местами “икс” с “игреком”, переместили огневую (на карте) на два квадрата севернее, на два квадрата - восточнее. Хорошо еще, что при такой путанице снаряды по-прежнему ложились в районе боевых порядков противника.

«*С большим смещением»*

Вскоре восьмая батарея вновь поддерживала 2-й батальон 1115 полка. Получив указание поработать в паре со вторым батальоном, подхожу к командному пункту командира батальона, он же наблюдательный - на склоне оврага. Рядом с командиром батальона его офицеры, связисты, автоматчики.

Представляюсь:

- Командир батареи 122-х миллиметровых гаубиц. Буду поддерживать огнем.

Плаксин здоровается, знакомит с офицерами батальона. Предлагает поставить гаубицы рядом с его командным пунктом. Объясняю капитану: гаубичная батарея - на закрытой огневой позиции. Перемещать гаубицы на передний край нет необходимости. Да и не позволит командование:

- Корректировать огонь буду отсюда. Снарядов не так много, но если стоящая цель, попробую достать. Гаубица М-30 точная и надежная система.

- Тогда самое время. Мешает пулемет. Огонь ведет из подвальной амбразуры.

Устраиваю временное НП на краю овражка. Справа хутор; два домика. Там и притаился немецкий пулеметчик. Поблизости от хутора окопались наши солдаты.

Объясняю Плаксину:

- Наш наблюдательный пункт находится не в створе с направлением огня, а сбоку. Под прямым углом к линии огня и цели. Стрельбу придется вести с большим смещением.

- Пусть с большим. Главное подавить пулемет.

- Корректировать стрельбу с большим смещением удобно. Хорошо просматриваются отклонения по дальности. Но не исключено боковое рассеивание. Скоро стемнеет. Когда перейду на поражение батареей, времени пристрелять веер практически не остается. По правилам на близком удалении от своих солдат вести подобный огонь не полагается.

- Ничего страшного. Беру ответственность на себя.

Связываюсь по рации с огневой. Передаю команды. После второго выстрела снаряд разорвался в непосредственной близости от дома, под которым притаился пулеметчик. Следующий снаряд угодил в дом.

Наблюдавшие за ведением огня офицеры батальона, Плаксин довольны:

- Ловко. Сейчас, если остался цел, даст деру.

Постепенно темнеет. Решаю – от стрельбы одиночным перехожу на поражение:

- Батареей. Веер сосредоточенный, два снаряда, беглый. Огонь!

Гаубичные снаряды пошли к цели. Но один снаряд, очевидно, четвертого орудия, лег не кучно а несколько в стороне. Отклонившись метров на сто, разорвался не у немецкого пулеметчика, а поблизости от наших ровиков.

- Стой! Отставить.

Немецкий пулемет замолчал. А наши солдаты переполошились. Один из них выбрался из окопчика и бегом по полю на КП батальона:

- Немцы нащупали и бьют тяжелой артиллерией!

- Все целы?

- Никого не задело. Но снаряд рванул недалеко, почти рядом.

Плаксин, командир роты успокаивают. Но не подают вида, что огонь вел не противник, а наша батарея.

Связываюсь с Ворыхановым:

- Сергей Кондратьевич. Веер сосредоточенный не получился. Проверь: не поняли команду? Или не поработали над тем, чтобы снаряды шли кучно?

- Хорошо. Проверю. Но веер не состреливался. После смены огневой позиции его надо состреливать снова.

В своем блокноте делаю краткую запись: “Стрельба с большим смещением. Не сострелял веера!”

«Преследуйте противника»

Через день снова пошли вперед. Продвигаясь лесом, проявляем максимум осторожности. Накануне понесли потери минометчики, атакованные во время перемещения на новую огневую. Ночью периодически вспыхивала стрельба - короткие стычки с автоматчиками противника, просочившимися через боевые порядки.

Наши батареи вновь поддерживают подразделения 1115 полка. Утром на командный пункт батальона (снова Плаксин) прибыл командир дивизии полковник Иван Савченко. Останавливает адъютанта старшего:

- Где командир батальона?

- Здесь. Сейчас...

Из блиндажа выбирается капитан Плаксин. Слегка растерян.

- Где ваши роты? Глее восьмая рота – справа или слева?

- На берегу ручья. В ровиках.

- Так вы, капитан, не были в ротах и не знаете, где они. Почему ваши роты сидят на месте? Где противник?

- Противник метрах в двухстах.

- Противник снялся ночью и ушел. А вы проспали. Соседние батальоны поднялись, теперь все в преследовании. Справа, слева от вас никого нет.

К командиру пулеметной роты:

- А вы почему остались? Один взвод ушел, а другой где?

После короткой паузы снова к Плаксину:

- Вас отстраняю от должности. Батальон принять...

Окинул взглядом стоящих вокруг офицеров. Подозвал своего адъютанта:

- Вступайте в командование батальоном. Поднимайте людей и вперед. Догоняйте противника.

Снова на берегу Венты

Вскоре дивизия заняла оборону по западному берегу Венты. Боевые порядки растянуты. Рота (не батальон), которую поддерживает восьмая батарея, получила участок почти в два километра. Командир роты чуть сзади в домике. Я со своими ребятами - по другую сторону дороги, в другом домике. Здесь же лейтенант, командир батареи иптад.

Седьмое ноября встречали в “мирной” обстановке. Командир дивизиона разрешил побывать на батарее, поздравить расчеты с праздником. Замполит майор Бушуев вручил одному из наводчиков 8 батареи “Красную звезду”.

Привели в порядок документацию на наблюдательном пункте: ориентиры, цели, огни, панорама. Владимир Лозинский, которого я взял в качестве командира отделения вместо Гладкина, в отличие от него не обладал красивой графикой. Но с ним надежнее и спокойнее - я хорошо запомнил его, когда стояли под Полотой на прямой наводке.

Вернувшись на наблюдательный пункт, отметили 7 ноября за праздничным столом.

Из письма домой: “В старинном каменном доме с пробитой снарядом черепичной крышей за праздничным ужином собрались наши солдаты. Посредине длинного стола, заставленного котелками, бутылками и кружками, возвышалась керосиновая лампа и фонарь “летучая мышь”. Электрическая лампочка уныло переглядывалась с традиционной фронтовой коптилкой. После торжественной части стол накрыли белой скатертью, а котелки уступили место патефону. Танцы до утра. За окном лил дождь, чмокались в грязь фрицевские пули, вспыхивали, описав красивую дугу, падали ракеты.

Эти дни имели небольшую передышку. Немецкая группировка на северо-западе Латвии обречена на гибель. Поэтому враг дерется отчаянно.

Через неделю год, как я служу в той же части; только за это время прошли на запад свыше четырехсот километров. За это время многое изменилось...”

В кирпичном доме с черепичной крышей пробыли неделю. Наблюдательный пункт оборудовали на чердаке. Облазил все вокруг. Побывал в мастерской столяра, оказавшейся почти у самого переднего края. Увидел по стенам десятки рубанков, шерхебелей самой различной формы. Мастерскую не разграбили. Хозяин приходил и, надеюсь сумел сохранить наиболее ценный инструмент.

На следующую после спокойного празднования ночь на переднем крае - шум, стрельба. Что происходит – не понятно. Оставил на наблюдательном пункте Лозинского. Бросился к командиру роты. Он не сразу разобрался, в чем дело, чем вызван переполох. Нервничает.

Подаю команду: одиночными по огневым точкам противника. У берега продолжается непонятное движение, слышатся выкрики, стрельба.

Через минуту - две в домик к ротному вваливаются рослые солдаты и втаскивают кого-то, завернутого в плащпалатку.

- Кто такие?

- Соседи - разведка. Из дивизии второго эшелона. Ходили за языком.

- Взяли?

- Да вот он, в палатке. Сейчас развернем.

Окружили разведчиков. Развернули палатку. А в ней - наш солдат. Узбек или таджик. Произносит что-то не очень лестное по адресу разведчиков.

Ротный смачно выругался:

- Да это мой солдат! Я его отлично знаю. Кого вы, идиоты, схватили?

- Так он же говорит не по-нашему. Мы и решили - фриц.

- Что значит не по-нашему?! Не по-немецки же. Немцы сидят на том берегу, а вы схватили солдата из моей роты на этом. Сработали, не перебравшись на немецкий берег.

- Сами не поймем.

- Что тут понимать? Где ваш командир? Самовольно поперли в разведку на чужом участке. Никого не предупредив. То же мне разведка. Перебрали и поехали!

Меня подзывает к аппарату Харитошкин:

- Что там у вас?

Пытаюсь коротко объяснить.

- Без моего разрешения огня не открывать. Тем более одиночными. Засекут батарею по вспышкам. Неужели непонятно?

- Так туго со снарядами.

- Тем более.

На этом неприятный эпизод закончился. Соседи - разведчики убрались к себе. «Порядок» на переднем крае восстановился. Оставшуюся ночь немцы чаще, чем обычно, освещали передний край ракетами.

«Наблюдательный - в первую траншею»

Перед началом нового сабантуя боевые порядки стрелковых рот и батальонов перемещались и уплотнялись. Нужно было сменять и огневые позиции. Оборудовать новые наблюдательные пункты.

Наш передний край – сплошная траншея, утыкана жердями, размаскирована. Тянется змейкой вдоль реки. От траншеи крутой спуск к берегу Венты. До самого уреза воды – лес. Ельник, кое-где сменяется и перемежается березой. К траншее ведет глубокий ход сообщения, который начинается у самой кромки леса.

Невольно задумаешься – кто так тщательно готовил оборону?

Оказывается, ее сооружал противник. Немцы ожидали, что будут держать оборону по левому берегу Венты. Но оказалось, что в подготовленных противником окопах обосновался не он, а мы. Немецким солдатам пришлось вновь оборудовать оборону уже на другом, правом берегу реки.

Наша первая траншея была не только хорошо известна, но хорошо просматривалась со стороны врага. Корректировать огонь на таком НП в условиях боя будет трудно.

Несмотря на строгое указание, собираюсь оборудовать наблюдательный пункт чуть позади первой траншеи. Это не ускользнуло от внимания командования полка. Обходя боевые порядки, полковник Крамаренко заглянул к нам:

- Почему не оборудовали наблюдательный там, где приказано?

- Потому что траншея пристреляна немцами. Под плотным огнем противника вести наблюдение, подавать команды будет невозможно.

- Но с вашего наблюдательного пункта плохой обзор. Березы мешают. Трудно будет корректировать.

- Если разрешите, вынесу вперед и оборудую НП впереди первой траншеи. Либо сзади. Либо впереди. Но не в траншее.

- Вперед пехоты выдвигаться нельзя. Приказ для всех. За нарушение - накажу. Десять суток!

- Слушаюсь. Но потом сами убедитесь, что сидя в первой траншее корректировать стрельбу нельзя.

Перебраться на новый наблюдательный пункт проблемы не представляло, но я все же оборудовал его несколько в стороне.

А теперь пару слов о смене огневой позиции и перемещении гаубичной батареи.

Не болотом, а в обход

Новую огневую позицию было решено обосновать в районе хутора Озолниеки. Здесь росли четыре развесистых дуба, был небольшой яблоневый сад, много смородины. Огневую выбрали и оборудовали заранее. Но как и когда перемещать батарею? И тут позвонил Сергей Ворыханов:

- По указанию Модина приказано перемещаться ночью, лесной (болотистой) дорогой.

- Почему лесной дорогой? И почему - без меня?

- Поэтому и докладываю.

Как говорится, не было печали. Лесную дорогу, проложенную по болоту, я заранее просмотрел. Это не дорога, а слезы. Сколько ни старались саперы, дорогу через лесное болото пробить по-настоящему не удалось. Березовый настил разъезжался и машины увязали в непролазной грязевой жиже. Тащить гаубицы через лес нельзя. Студебеккеры здесь не помогут. Сами будут вязнуть и тонуть в болоте.

Побывав несколько дней ранее на огневой, я успел вдосталь насладиться грустной картиной. Машины, кони, техника, повозки проваливались в топкую массу, размываемую дождями. На лесной дороге образовывались пробки. Солдаты тащили технику буквально на себе.

Второй нюанс более тонкий. Начальник штаба приказал выбрать новую огневую и перемещаться непосредственно старшему на батарее. Проще говоря, попытался действовать через голову командира батареи. Дескать, комбат молодой, заниматься

перемещением батареи ему недосуг. Зачем терять лишнее время. Переместим батарею без него, а он пусть не мешается.

И здесь сыграло не только уязвленное самолюбие. Переговорив со старшим на батарее, связываюсь с Харитошкиным. Ставлю в известность, что батарею собираются перемещать без меня:

- Если так, то я снимаю с себя ответственность. Перемещать гаубицы нельзя, игнорируя мнение командира батареи. Кто и как после этого будет выполнять мои приказы?

- Модин стремится помочь. Там сложно с перемещением.

- Как именно “помочь”? Послал старшего на батарее на рекогносцировку, минуя меня. Отдает от вашего имени приказ Ворыханову на перемещение боевого порядка, словно я здесь лишний. Завтра что-то не заладится, не поставим вовремя гаубицы на новую огневую, кто будет виноват?

В итоге этого непростого разговора Модин получил от комдива указание не шагать через голову командира батареи.

Вариант рисковый, но верный

И снова вопрос, как перемещать? По какой дороге?

Предлагаю свой вариант:

- Переместить батарею не по лесной болотистой и к тому же разбитой дороге, а по сухому большаку. Он тянется по опушке леса, вдоль переднего края.

Сразу возникло опасение:

- Двигаться по этой дороге рискованно. Можно понести ненужные потери.

Риск состоял в том, что машины и гаубицы могли попасть под ружейно-пулеметный огонь. Немцы услышат шум и саданут по ним. Это особенно пугало начальника штаба дивизиона. Но он не был на передке, не знаком с реальной обстановкой.

Я же упорно стоял на своем:

- Если батарею перемещать по непрочному настилу, проложенному по лесному болоту, рискуем не выполнить приказ. Люди будут маяться всю ночь. А огневые своевременно не займем.

- Саперы сейчас укрепляют настил.

- Потому и укрепляют, что с самого начала настил и дорога никуда не годны. Машины и люди застрянут в этом проклятом болоте.

- А как далеко до огневых точек противника?

- Не так уж и близко. По этому большаку специально проходил. Посылал смотреть Лозинского. Дорога проложена вдоль леса по его краю. Ночью проезжающей техники не будет видно. Она как бы сольется с лесным гребнем.

Последнее слово оставалось за командиром дивизиона. Харитошкин осторожен, с решениями не спешил. Съездил сам, посмотрел. Подумав, согласился со мной.

С огневых позиций снялись с вечера. Колонна в пять машин стала выдвигаться к переднему краю. Мы с Лозинским и Ложкиным вышли навстречу. И тут нежданное препятствие. Поперек дороги - шлагбаум. Рядом армейские регулировщики во главе с майором:

- Дальше к переднему краю двигаться нельзя. Все перемещения - только в объезд, лесом. Дорога просматривается. Рядом “глаза” командующего. Всякое движение запрещено.

Пришлось пойти на небольшую хитрость:

- Понятно. У вас приказ. И у меня тоже приказ. Приказано поставить орудия на прямую наводку. Кто будет нести ответственность за невыполнение приказа?

- Не знаю. Не слышал.

- И не должны знать. Сорвете выполнение приказа - будете отвечать.

- Проезд запрещен.

- Шлагбаум объедем полем, орудия выкатим на руках. А если застрянем и не сумеем поставить и замаскировать огневые? Представляете! Вы не хотите лишнего шума, а немцы тут с утра сабантуй поднимут.

После небольшой перепалки наши орудия со студабеккерами - в порядке исключения – пропущены и двинулись в сторону переднего края. Опасный участок сравнительно невелик. Машины с гаубицами пропускаем по одной. Огневые в новом

районе были готовы заранее, еще до прибытия батареи. Новые позиции заняли своевременно, без помех.

Если не было связи

Во второй половине ноября похолодало. Не переставая лили нудные дожди. В окопах вода. Под ногами размокшая глина, слякоть.

Ближе к переднему краю подтянули понтоны. Саперы готовят лес для строительства моста. Очередное форсирование Венты. В обращении Военного совета говорится, что противник зажат в котле, предстоят последние бои. Высокопарный слог, традиционные призывы. Воспринимается как привычное мероприятие. Без особого энтузиазма.

Дожди подняли уровень реки. Броды разведаны, но использовать их нельзя. Небольшой плацдарм разведчики захватили ночью. Переправлялись бесшумно. Обозначили подходы к реке. Захват плацдарма обеспечил переправу основных сил.

Рано утром артподготовка. Обрабатывали позиции немцев почти час. Роты перебрались через Венту. Приготовились к броску. И здесь последовал ложный перенос огня. Так по плану. И первая досадная неувязка. Пехота не поняла, что перенос огня на вторую траншею противника ложный, что по плану намечалась еще одна пятиминутная (повторная) обработка первой траншеи, в которую, после переноса артогня в глубину, вернутся немцы.

Перенос огня был принят за сигнал к атаке. После него надо идти не отставая за огневым валом. Огневой вал задает темп движения и прикрывает атакующих.

Вижу, что роты поднялись. А сейчас последует ложный перенос огня. И ударит по своим. Что делать? Немедленно по рации:

- Ворыханов – переходи на огневой вал! Без “ложного” переноса огня. Пехота пошла! Передай Каштанову, на семерку. Телефонной связи с ним нет.

К нам опрометью бежит лейтенант-минометчик:

- Помогите передать на огневую - прекратить огонь! Связи нет. Наша огневая рядом с вашей.

Снова передаю по рации:

- Ворыханыч: самоварникам - немедленно прекратить огонь. Пехота пошла. Останови минометчиков.

Поздно. .

Злость и слезы.

На правом, немецком берегу несколько наших солдат скошены своими же минами. Вот что такое отсутствие нормальной связи, централизованное управление огнем, «ложные», а на деле самоубийственные переносы огня.

Мой командир взвода управления Зыков на другом берегу. КВУ-7 Мозалевский там же. Спускаемся к реке. Садимся в понтон. На реке ледяная крошка. Порывистый ветер несет понтон в сторону. Плотики из свежего леса, подготовленные саперами, для переправы не годятся. Сидят слишком глубоко, их захлестывает водой. Полковые орудия перетаскивают по дну реки на тросах.

Немец бьет по переправе. Ранен командир отделения разведки 7 батареи. У Скребнева не осталось ни разведчиков, ни связистов.

В немецкой траншее

Выскакиваем на берег. Бежим к немецким окопам. А они, черт возьми, пристреляны противником. Снова под огнем. Немецкие окопы залиты водой доверху. Ныряю в окоп. Кто-то следует моему примеру. Залп, разрывы. Выбираюсь из водной купели. Надо догонять батальон. Останавливаюсь накоротке: выливаю воду из сапог. Выжимаю портянки. Обмундировка, шинель высохнут на мне. Не впервой.

Подходит Скребнев:

- Слушай, у меня не осталось управленцев. Последнего ранило на переправе. Остались вдвоем с Мозалевским. Дай мне пару человек.

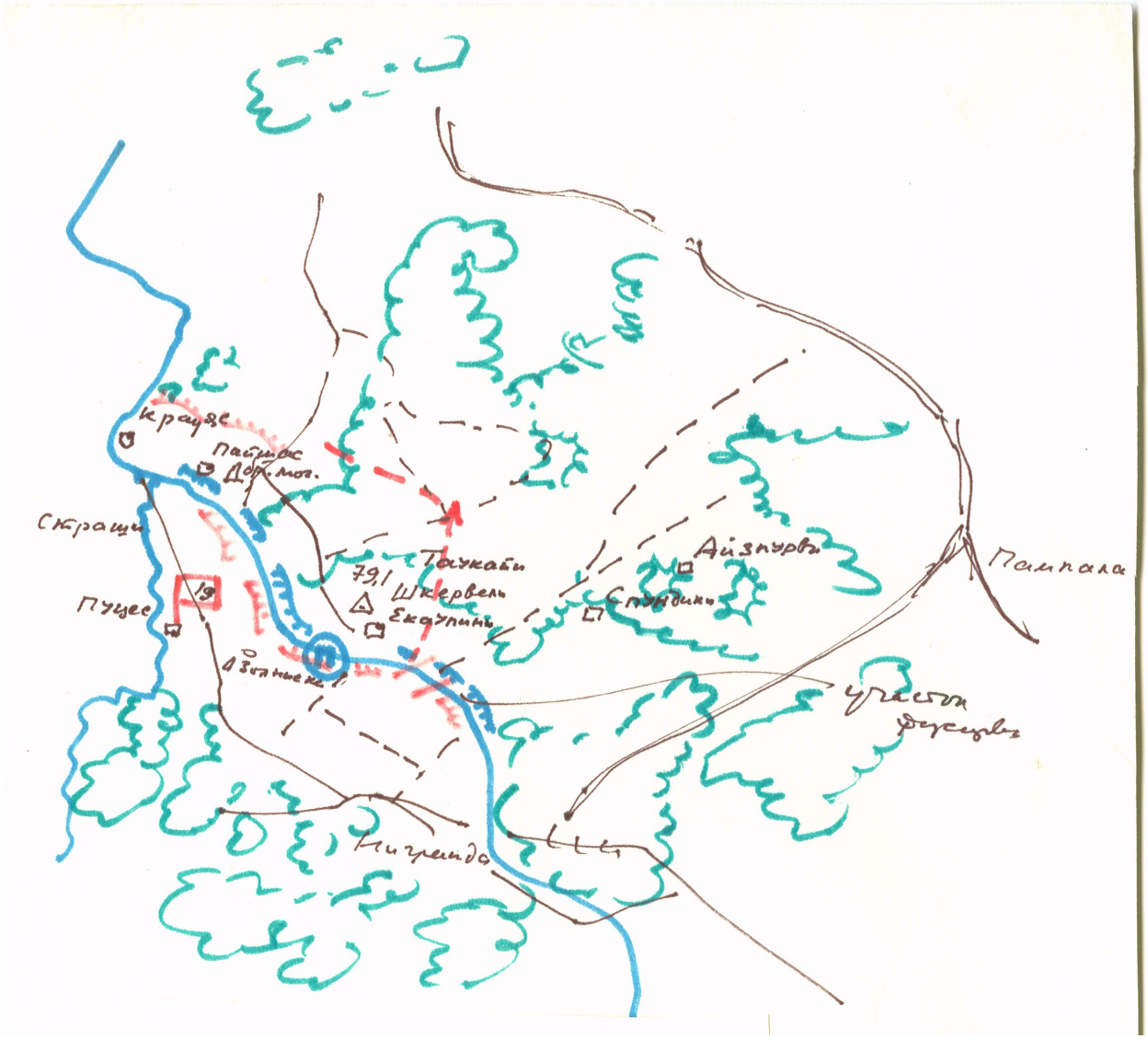
- Погоди. Как это дай? Возьми у старшего на батарее Каштанова.

- Связывался с ним. Он не хочет брать из расчетов. Говорит: огневиков быстро не подготовишь. Жди пополнения.

- Сам посуди, я отдать своих ребят не могу. Как на меня будут смотреть мои же подчиненные, если я начну раздавать людей?

Неудача Скребнева объяснялась просто. Он-таки выбрал и оборудовал НП в первой траншее. Наблюдательный пункт был отчетливо виден. Оказался прекрасной мишенью, по которой противник долбанул прямой наводкой. Комбат отсиделся в блиндаже. Находившиеся рядом в траншее связисты, разведчики попали под обстрел.

Двигаемся ночью. Соприкосновения с противником нет. Это не лучший вариант. Как бы не напороться на засаду.



Форсирование Венты в ноябре 1944 г.

Но «пятачок» не удержали

Утро. Батальон разместился на пересечении лесной дороги и просеки. По дороге двигается конная повозка с кухней. Повар на мгновение притормаживает:

- Где батальоны семнадцатого?

Локтевой связи с 1117 полком нет. Толком никто не знает.

Кухня проезжает вперед и вдруг на полном скаку летит обратно:

- Немцы!

Испуганный возглас обеспокоил. Но как-то не сразу привел в чувство.

- Где? И почему они выпустили повара с кухней? Дали ему развернуться и ускакать?

Буквально через минуту - две немцы, подобравшись вплотную, открыли плотный огонь. На пятачке остались командир роты с группой солдат и станковым пулеметом, я с разведчиками и связистами.

Наши снаряды рвутся за спиной у наседающих немцев. Мешает лес. Если уменьшить прицел, снаряды, задевая за верхушки деревьев, начнут рваться над нашими головами.

Связь работает безотказно. Сидим плотно. Немцы бьют разрывными. Дважды пулями перебивает антенну. Пошли в ход гранаты. Немецкую “колотушку” кто-то успевает вышвырнуть обратно - у нее четырехсекундный временной лаг до момента взрыва.

Положение осложнилось, когда пробило кожух у станкового пулемета. Пулемет замолчал.

Чуть раньше отбили атаку с тыла. Развернули свои огневые средства и врезали. Оказалось - наши! Не обозначив себя, попытались вернуть “пятачок” те, кто в самом начале поспешил его покинуть. “Ура” в лесу орут и наши и немцы. Сразу не разобраться.

Энтузиазм нашей группы на перекрестке просеки и дороги несколько поостыл. Немцы начинают обходить с фланга. Обмениваемся короткими репликами со старшим лейтенантом - командиром фактически сборной полуроты:

- Если обойдут, отбиваться трудно. Пулемет молчит.

Решаем:

- Двинем к своим, в сторону тех, что пытались контратаковать нас с тыла.

Собираю людей. Гаврилин ранен. К нему:

- Забрать рацию! Поврежден корпус. Сама рация цела.

Указываю направление:

- Двигаться до штабелей дров. Собраться под их прикрытием. Держаться вместе с солдатами стрелковой роты.

Ухожу последним.

Наталкиваюсь на немецкого солдата. Прицеливаюсь. Нажимаю на спуск. В автомате кончились патроны. Достаю пистолет. В этот момент, присев на колено, солдат успевает выстрелить из карабина. Ожог - задело. Ныряю в кусты. Под рубахой, в брюках горячо - кровь. Пуля резанула глубоко, крови много, но кости, кажется, целы.

Подбегает Ложкин:

- Ранило? Куда?

Он и Гаврилин, также раненый, помогают двигаться. На полянке короткая передышка. Перед глазами желтые круги. Что с глазами? Отнимаются ноги. Ребята подхватывают подмышки. Постепенно прихожу в себя. Передвигаюсь дальше сам.

- Ложкин, взгляни. Глубоко?

- Касательное. Кишки не видно.

- Слава богу.

Подхожу к командиру дивизиона. Докладываю.

- Кому сдать командование? Карту? Скребневу?

Харитошкин на секунду задумывается.

- Не спеши. Карту давай мне. Бери с собой Гаврилина и двигай на промежуточную. Желаю скорейшего! Возьмешь до медсанбата “фордик”.

В Курляндском котле

Конец войны - самый впечатляющий момент. Для себя мы решили, что все, кончено, когда в ночь на второе мая услышали по радио о взятии Берлина. Нашли непочатый резерв спиртного, подняли бокалы за Победу.

Но что с Курляндской группировкой? Это оставалось неясным. 4-я ударная армия по-прежнему выдавливала немцев из Прибалтики. Их командование эвакуировало старшие возраста - отцов, у которых оставались дома дети. Наши систематические удары по группировке не позволяли перебросить ее в Германию.

Курляндская группировка упорно держала оборону. Мы готовились к очередному наступательному удару. Нашу часть из-под Липайи перебросили восточнее. Накапливали силы для операции.

Незадолго до этого батальон власовцев, стоявший против соседней дивизии, выслал парламентеров. Воспользовавшись отсутствием командира, власовцы решили сложить оружие. Но переговоры и согласования затянулись. Немцы обнаружили неладное. Фланговым огнем отсекли батальон, сняли власовцев с передка и отвели в тыл.

На нашем участке задержали диверсанта - выпускника разведшколы. Нейтралку переходили двое. Но между ними возник конфликт. Вспыхнула перестрелка, один погиб, другого прихватили наши солдаты.

На новом месте полк сосредоточился в сосновом лесу. Разговоры, противоречивые слухи, напряженное ожидание.

- Что происходит? Почему не занимаем боевые порядки?

Командование куда-то уехало. На западе война вот-вот закончится. А наши перспективы? Наверное, придется доколачивать группировку.

Снова госпиталь

В часть я прибыл из госпиталя, где пробыл почти три месяца. Ранение третье по счету. Лежал в эвакогоспитале и ГЛРе. В Шауляе и под Шауляем. Самые добрые слова врачам, медсестрам. И отнюдь не радостные встречи с начальником госпиталя.

Ночная проверка. Не первая.

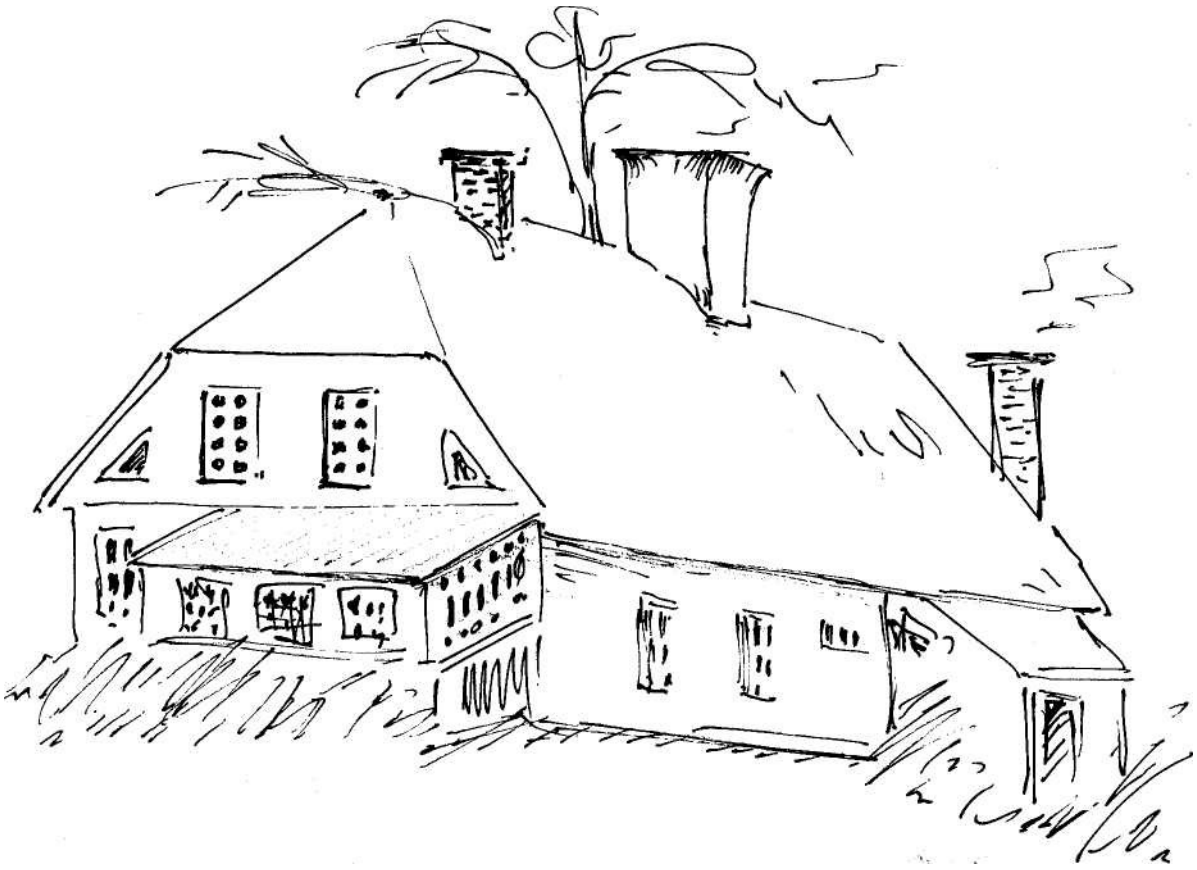
- Ваши документы? Покажите, что хранится в карманах, под подушкой?

Едва сдерживаю себя. Разговор на повышенных тонах.

- Ваши документы на “Красную звезду”?

- Справку размыло в воде, когда форсировали Венту, сидели в залитом доверху окопе.

- Нет документа - не имеете права носить орден. Снимите “Звезду” с гимнастерки.



Фотоаппарата у меня не было. На рисунке госпиталь, в котором довелось лежать.

Майор, начальник госпиталя собственной персоной обшаривает постель. Изымает мои “сувенирные трофеи” - немецкий крест, медаль “300-летия дома Романовых”. Его поддерживает присутствующий при сем контрразведчик.

В памяти еще эпизод. Расположившись на верхних нарах, дуемся по ночам в “очко”. Постепенно проигрываюсь, хотя ставки мизерные. Пытаясь отыграться, офицеры ставят на кон часы, кольца. Все перекочевывает в карманы одного из играющих.

Неожиданно меня останавливает товарищ - танкист:

- Выходи из игры.

- Что случилось?

- Потерпи, узнаешь.

Подчиняюсь. Танкист намного старше, по профессии - фокусник. В город ходили, как правило, вдвоем. Он в роли старшего.

Игра продолжается. Танкист внимательно следит за играющими. И оборачивается к “везунчику” - капитану:

- Покажи руки!

- Это зачем?

- Покажи ногти, пальцы. А теперь ответь, зачем накропил карты?

- Не.

- Не нет, а да. Взгляните на колоду: по углам на каждой карте ногтевые наколки, одна, две, три. Карты наколоты. Когда банкует, наощупь определяет, какая карта внизу. Если не годится, перебирает и выдергивает нужную. Так и лапошит играющих.

- Да, я ...

- Хватит. Все ясно. Деньги, часы вернешь. С тобой, капитан, разговор короткий - под шинелью.

Наутро нас с лейтенантом-танкистом подзывает начальник отделения:

- Прошу - больше этого шулера не трогайте.

- Капитана?

- Да, капитана. Он самострел. Вот его медицинская карта. Видите в углу отметку (две буквы «С» - самострел). Руку прострелил через хлеб. На-днях выпишем и отправим

не в полк, а в трибунал. А если вы ему снова поддадите, придется дольше лечить. Так что договоримся - больше его не трогайте.

Теперь это позади. Из госпиталя за непослушание выписали в два счета. Мой друг-танкист был в это время в городе. Я щеголял в танкистском шлеме и полушубке без погон. Возвращаясь из госпиталя, побывал под Кенигсбергом. Потом вернулся назад. Штаб 4-й ударной армии располагался в Руцаве (Литва). А артполк - в Латвии, под Липайей. В отделе кадров встретили не очень дружелюбно.

Наградные документы мне восстановили. Конец войны встречали в Латвии.

И, наконец, победа!

О переговорах, окончании военных действий, условиях капитуляции немцы узнали раньше нас. Пока мы в неведении пытались понять, что происходит, противник готовился к сдаче, приводил себя в порядок, складывал оружие.

Об окончании войны мы услышали по радио.

Спустя короткое время, мимо нас в течении всего дня двигались колонны капитулировавших. Полк за полком. Шли строем, в колоннах по четыре. Почищенные, выбритые, рослые солдаты. Впереди офицеры. Замыкали хозподразделения. В самом хвосте - женщины. Прачки, рабочие кухни, обслуга.

Когда хвост первой колонны на повороте поравнялся с нашими солдатами, поднялся свист, раздались крики, обидные комментарии.

Молодые женщины не выдержали, побежали по полю, минуя наших солдат. Худая, жилистая, с изможденным лицом, судя по выговору белоруска, бросила в ответ:

- Чего лыбишься, измываешься? Какой смелый! А что же ты молчал и где был в сорок первом, когда я с двумя детьми одна осталась и куска хлеба во рту не было.

После ее реплики солдаты поутихли.

Чуть позже по той же дороге потянулись немецкие тылы, штабы, части сопровождения, технического обеспечения.

Едва начало вечереть - без всякой команды - началась праздничная стрельба. Стреляли буквально все, из всех видов оружия.

Когда раздались первые выстрелы, проходившая мимо колонна дрогнула, отшатнулась в сторону. Затем немцы поняли, что стреляют вверх, что это салют в честь окончания войны. Успокоились и двинулись дальше.

Наступление, к которому готовились, которое предполагалось начать с разведпоиска, не состоялось.

Начались мирные будни. Ожидания. Надежды. Состоявшиеся и не состоявшиеся. Но в то время бодрые, оптимистические надежды, расчеты.

И еще два слова о капитуляции.

В отличие от большинства немецких латышские части, воевавшие на стороне немцев в Курляндском котле, не пожелали принимать капитуляции. Они воевали против нас на стороне немецких гитлеровских войск. Теперь, в мае 1945 г., латыши – солдаты и офицеры - сбрасывали военную форму, в том числе «эсэсовскую», и переодевались во все гражданское. Им помогали и прятали местные жители. Те самые, которые еще недавно выдавали немецким властям и полиции наших военнопленных, если те пытались уйти из лагерей.

Разбежались и скрывались по хуторам и охранные, полицейские, карательные подразделения, которые немцы формировали из латышей и в которых латыши старательно расправлялись с противниками фашистского режима.

Командование блокированной Курляндской группировки незадолго до принятия капитуляции приказало уничтожить оперативные документы, журналы боевых действий, приказы, карты, другие документы, которые подлежали передаче советскому командованию. Затягивая переговоры, фашистское командование намеревалось морским путем эвакуировать блокированные войска из «котла». Но этого осуществить не удалось. Ко дню капитуляции в составе вражеской группировки насчитывалось 282 500 солдат и офицеров, а не 180 134, как лживо заявлял уполномоченный представитель командующего группой армий «Норд-Курляндия» генерала Гильперта.

Существенное различие в цифрах объясняется в частности тем, что многие солдаты и офицеры из курляндской группировки, как было сказано выше, бросали оружие и разбегались по лесам и хуторам. Разбегаться они начали еще до начала капитуляции. В радиограмме Гильперта сообщалось, что «условия капитуляции в установленной форме… частично не могут быть проведены. (…) Сообщаю, что в

настоящее время большая часть состава 12-й танковой дивизии и 19-й латышской дивизии следует рассматривать рассеянной».

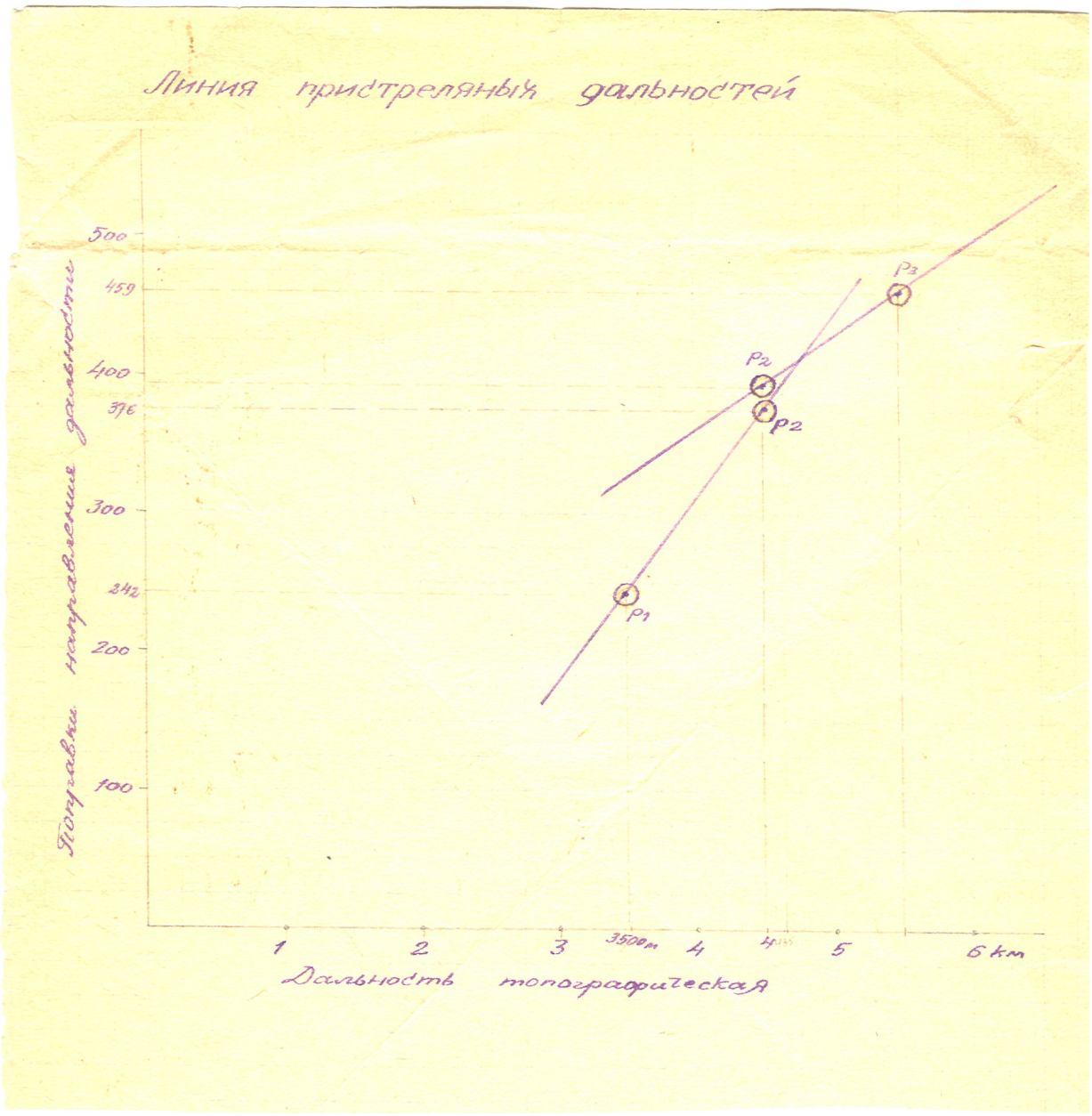
Количество военнопленных достигло 231 611 человек (к 14.05.1945). Более пятидесяти тысяч – главным образом латышей, бросив или прихватив с собой оружие, разбежались. Те, кого не удалось выловить, прятались по хуторам и деревням. Обнаружилась и большая нехватка вооружения, транспортной техники, числившейся за войсками. Строевых лошадей войска, оказавшиеся в «котле» на скудном пайке, просто поели. А технику, автомашины, тягачи уничтожали, топили в прудах, реках, или забирали с собой и прятали.

Латышское население в значительной массе считало гитлеровские войска своими друзьями и «освободителями».

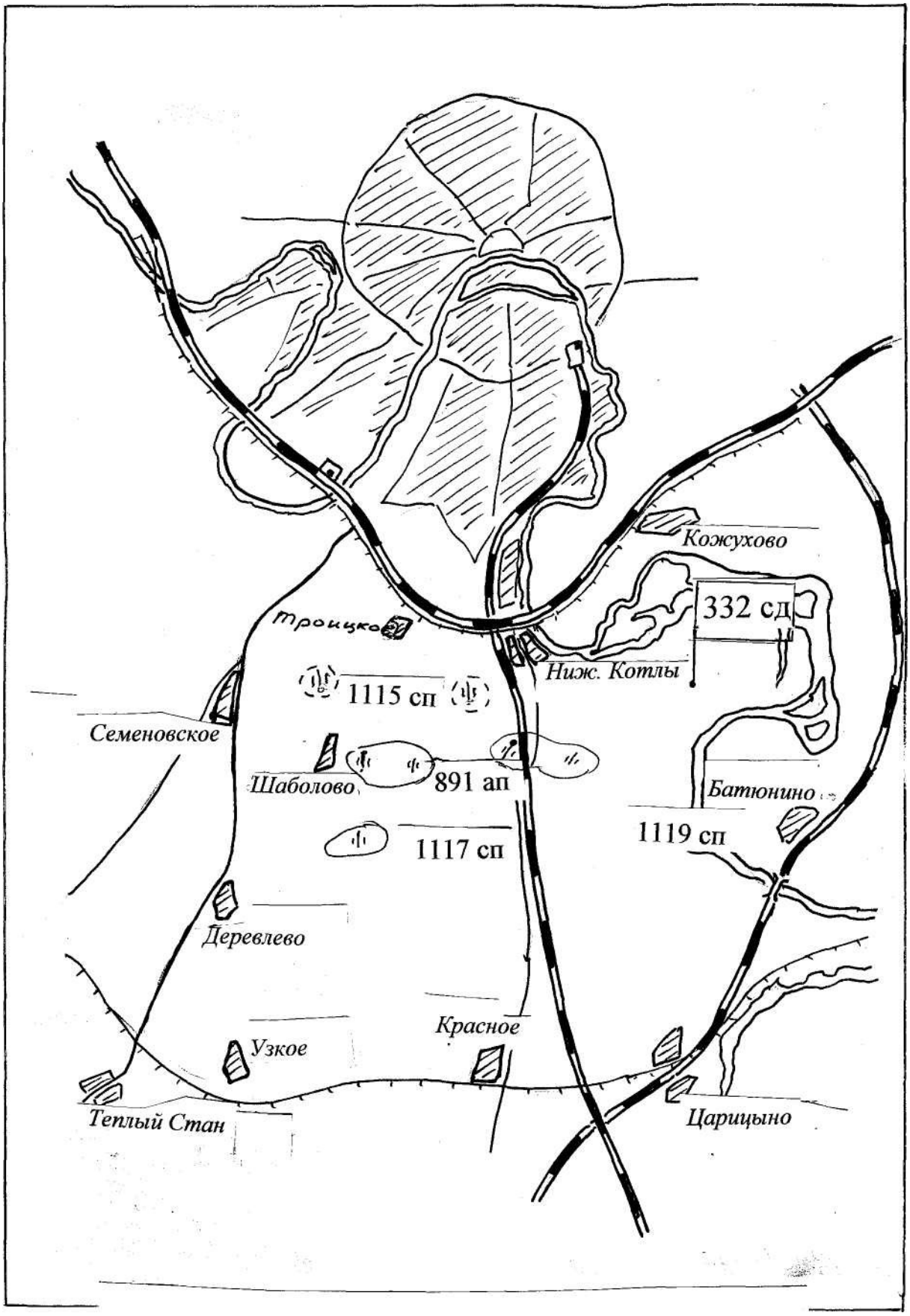
Тот факт, что достаточно многочисленные латышские формирования сумели разбежаться и «раствориться» среди местных жителей, служит одной из причин отсутствия (до сих пор!) точных данных о действительной численности Курляндской группировки вражеских войск к моменту капитуляции. К сожалению, это обстоятельство, осталось вне должного внимания наших историков. А это не только и не просто история, но и сегодняшняя реальность, в которой поднимают голову и пытаются предъявлять наглые требования и претензии наследники и прямые соучастники гитлеровских оккупантов и агрессоров.

-

П р и л о ж е н и я



Рабочий документ: пристрелка целей в обороне под Полотой



332 сд и 891 ал на оборонительном рубеже Московской зоны обороны (22.10 - 20.12.1941).

332 стрелковая дивизия и в ее составе 891 артполк в конце 1941 г. занимали боевые порядки на оборонительных рубежах Московской зоны обороны. Сегодня Узкое, Теплый Стан, Деревлево, Шаболово, Троицкое – входят в состав Москвы, а тогда это были населенные пункты Подмосковья.

В районе метро Профсоюзная на месте железобетонного дота была установлена латунная памятная доска. На ней наименование 3 батальона 1115 сп 332 сд. Подобные доты сохранились в Ясенево, Теплом Стане, в других местах на Юго-Западе Москвы.20 октября 332 дивизия заняла оборону на главном рубеже юго-западного сектора. Ее пулеметная рота участвовала в памятном параде 7.11.1941 на Красной площади.

алужской заставой

1

СОХРАНИТЬ РЕЛИКВИИ

пиче-
в за-
енин-
евас-
серд-
кром-
о де-
ными
моги-
ости,
, кто
, кто
умать
в вни-
ке са-
забы-
нных,
окра-
ведь
1 - 42

готовым". И в этих словах была непоколебимая уверенность в том, что Москва не будет в руках у врага. 600 тысяч москвичей трудились на строительстве оборонительных сооружений, в кровь стирая ладони, под бомбами немецких самолетов. Только в этом горестном октябре 31 налет был из двух тысяч бомбардировщиков на Москву, в воздушных боях и зенитками было сбито 278 вражеских самолетов.

332-я Ивановская стрелковая дивизия имени Фрунзе 20 октября заняла оборону на главном рубеже юго-западного сектора. В их распоряжении был и железобетонный дот. Пулемет, установленный в амбразуре дота, держал под прицелом поле, что рас-

авой,
ь сто-
дольку
кому
ься в

кинулось перед деревней Зюзино. Но не суждено было дойти фашистам до дота, их раньше повернули вспять. Ныне от траншей и окопов не осталось и следа, а дот

те. На Перекопской улице ст
в 1972 году был установлен
ник "Героям Перекопа
1944гг." Что знаменательн
полнен он был по проекту в
ников школы № 531. Здесь
дили уроки мужества, вс
лись школьники с ветеранам
да приходили с цветами уча
1 сентября и на последний з
у памятника торжественно
мали в пионеры и в ком
Шефство осуществляла
531, совет ветеранов ЖЭК-
торым руководит В. Пресну

Но чаще всего сюда
дил А.П. Васильев, потому ч
рез год после того, как уста
ли памятник, на нем появ
уродливые цементные подт
застывая, портили его вн
вид. Александр
рович с учащ
три года подря
лял эти подте
они появл
вновь. И тогда
льев обратился
ститут высоком
лярных соединений, где со
клей, который можно исп
вать в водной среде. На
этого клея и клея НПО "
масс" Васильев создал свой

ВОЕННОСЛУЖАЩИЕ 891 АП 332 СД

Полковник ЕГОШИН Т. Ф. , командир 332 сд
Полковник САВЧЕНКО Иван, командир 332 сд
Полковник МОЛОДЧЕНКО, командир 1115 сп
Полковник ГУСЕВ, командир 1115 сп
Полковник МЫСИН, командир 1119 сп
Капитан ГРУДИН, начальник артиллерии 1115 сп
Ст. лейтенант АНИСИМОВ Виталий Иванович, начальник артиллерии 1115 сп
Майор ЩУКИН, командир батальона 1119сп
Капитан ПЛАКСИН, командир 2 батальона 1115 сп
Капитан МЕРКУЛОВ, адъютант старший 2 батальона 1115 сп
Майор ЕВСЕЕВ, командир батальона 1117 сп
Ст. лейтенант КИРИЛОВСКИЙ Сергей Николаевич, командир пушечной батареи 1115 сп

Полковник КАЛЯГИН, командующий артиллерией 332 сд
Майор ЕРЕМЕНКО Иван Иванович, начальник штаба артиллерии 891 ап
Полковник КРАМАРЕНКО Константин Иванович, командир 891 ап
Майор ШКАДЧЕНКО, зам. командира 891 ап по строевой части
Майор КОЛЕГАНОВ Григорий Михайлович, зам. командира 891 ап по строевой части
Подполковник КУЛИКОВ Даниил Георгиевич, зам. по полит. части командира 891 ап
Майор КУЧЕНКО Николай Семенович, начальник штаба 891 ап
Ст. лейтенант ИГНАТЬЕВ Константин Сергеевич, парторг 891 ап
Капитан а/т. службы ПЛАТОНОВ Василий Васильевич, начальник артснабжения 891 ап
Капитан мед. службы КЛЕЙМЕНОВ Василий Васильевич, старший врач 891 ап
Лейтенант МАКАРОВ Александр Александрович, командир взвода штабн. батареи 891 ап
Лейтенант НЕЙМАН Карл Николаевич, командир топовзвода штабной батареи 891 ап
Ст. лейтенант РАК Александр Константинович, начальник разведки 2 дивизиона 891 ап

Майор МИШИН Сергей Максимович, командир 3 дивизиона
Майор ХАРИТОШКИН Александр Никифорович, командир 3 дивизиона
Капитан ОРЛОВСКИЙ Карп Андреевич, заместитель командира 3 дивизиона
Старший лейтенант МАШТАЛЛЕР Владимир Исакович, начальник штаба 3 дивизиона
Старший лейтенант МОДИН Дмитрий Павлович, начальник штаба 3 дивизиона
Капитан ГУРЬЯНОВ Яков Васильевич, замполит 3 дивизиона
Майор БУШУЕВ, замполит 3 дивизиона

Ст. лейтенант САЗОНОВ Виктор Карпович, парторг 3 дивизиона

Старшина МОРОЗОВ Иван Петрович, парторг 3 дивизиона

Лейтенант САВЕЛОВ, начальник разведки 3 дивизиона

Ст. лейтенант САМОХВАЛОВ, начальник связи 3 дивизиона

Ст. Лейтенант ЖУКОВ, начальник связи 3 дивизиона

Лейтенант ПЛУЖНИКОВ Трофим Федорович, начальник связи 3 дивизиона

Техник-лейтенант КУКУШКИН Василий Иосифович, техник артиллерийский 891 ап

Капитан МИРОНОВ Борис Михайлович, командир 7 батареи

Лейтенант СКРЕБНЕВ Макар Дементьевич, командир 7 батареи

Капитан ДВОРЕЦКИЙ Никита, командир 8 батареи

Лейтенант ГИРЯ Василий Яковлевич, командир 7 и 5 батареи

Ст. лейтенант РАУХВАРГЕР Ефим Давыдович, начальник разведки, командир 8 батареи

Старший лейтенант ДРАЛЬЩИКОВ Николай Матвеевич, командир 3 и 7 батареи

Лейтенант ЛЕЗОВ Георгий Геннадьевич, начальник разведки 3 дивизиона

Лейтенант КОНДРАЦКИЙ Андрей Степанович, командир взвода управления 7 батареи

Мл. лейтенант ЗЫКОВ, командир взвода управления 8 батареи

Лейтенант мед. службы БЛЫЗКИН Владимир, военфельдшер 3 дивизиона

Лейтенант мед. службы БАРАНОВ Петр Иванович, военфельдшер 2 дивизиона

Ст. лейтенант КАШТАНОВ Иван Тимофеевич, командир огневого взвода 7 батареи

Ст. лейтенант ВОРЫХАНОВ Сергей Кондратьевич, командир огневого взвода 8 батареи

Лейтенант МОЗАЛЕВСКИЙ Александр Михайлович, командир взвода управления 7 батареи

Мл. лейтенант КРОШКИН, командир огневого взвода 8 батареи

Лейтенант ДОРОФЕЕВ Владимир Иванович, командир взвода управления 8 батареи

Лейтенант РАВИН Семен Матвеевич, командир огневого взвода 8 батареи

Старшина ШЛЫКОВ Виктор Сергеевич, командир взвода боепитания

Старшина ГЛАДКИН Иван Емельянович, командир отделения разведки 8 батареи

Мл. сержант ЛОЖКИН Алексей Дмитриевич, разведчик-наблюдатель 8 батареи

Сержант КАМЧАТКИН Борис Константинович, командир отделения разведки 7 батареи

Сержант БАСС Василий Кириллович, телефонист 8 батареи

Ст. сержант КУЗНЕЦОВ Василий Васильевич, радиотелеграфист старший 8 батареи

Сержант МОЖАРОВ Петр Васильевич, старшина 8 батареи

Сержант СОЛДАТЕНКОВ Дмитрий Георгиевич, командир орудия 8 батареи

Мл. сержант ЛОЗИНСКИЙ Владимир Карпович, командир орудия 8 батареи

Мл. сержант ВЫДРИЦКИЙ Иван Иванович,.орудийный номер 8 батареи

Сержант НОВИЦКИЙ Алексей Евдокимович, наводчик 8 батареи

Рядовой МОХОВ Александр Ильич, номер орудийный 8 батареи

Мл. сержант САДЫХОВ Кяхим Гейбатович, разведчик-наблюдатель 8 батареи

Мл. сержант ГРОЗДКОВ Владимир Иванович, разведчик отделения разведки 8 батареи

Ст. сержант МАЛИНОВСКИЙ Михаил Мартынович, телефонист отделения связи 8 батареи

Мл. сержант ГАНОВ Александр Аверьянович, телефонист 8 батареи

Ефрейтор МАСЛОВ Георгий Георгиевич, старший радиотелеграфист 8 батареи

Рядовой ЕВТЮШКИН Петр Алексеевич, телефонист 3 дивизиона

Рядовой СИРОТКИН Сергей Васильевич, телефонист старший отделения связи 8 батареи
Рядовой СЧАСТЛИВЦЕВ Георгий Петрович, телефонист отделения связи 8 батареи

Рядовой МОХОВ Алексей Ильич, орудийный номер 8 батареи

Ефрейтор КАПРАЛОВ Михаил Андреевич, разведчик отделения разведки 8 батареи

Сержант САМОУКОВ Михаил Максимович, телефонист отделения связи 8 батареи

Мл. сержант КОРЕНЮГИН Сергей, разведчик отделения разведки 7 батареи

Мл. сержант НЕДОШИВИН, топограф 8 батареи (писарь штаба)

Ст. сержант ЗАХАРЕНКО Глеб Кузьмич, помощник командира отделения связи 3 дивизиона

Рядовой МИНАКОВ Иван Александрович, топограф 3 дивизиона

Рядовой ГОБЕРМАН Марк Давыдович, топограф 3 дивизиона

Сержант ЛЮБОМИРОВ, начальник хим. службы 3 дивизиона

Мл. сержант ВОЛОВЕНЬ, командир отделения разведки 3 дивизиона

Ефрейтор КОМКОВ Алексей Семенович, разведчик отделения разведки 3 дивизиона

Рядовой БОРИСОВ Петр, телефонист 3 дивизиона